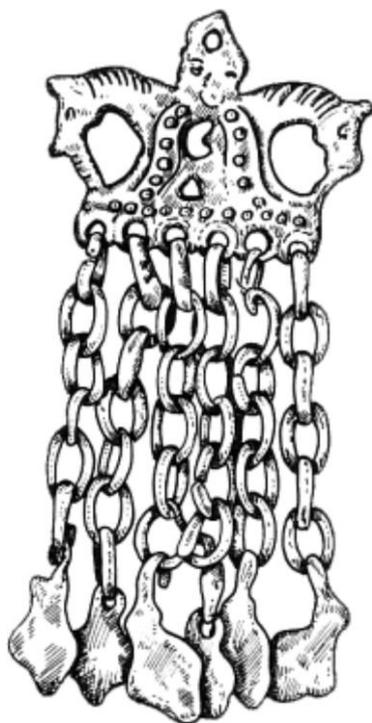

*ИСТОРИЯ
и
АРХЕОЛОГИЯ*

Калинина И.В.

(Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург)

О ЛЕВШИНСКОМ ЭТАПЕ КАМСКОГО НЕОЛИТА

Ключевые слова: мезолит, неолит, энеолит, каменный инвентарь, керамические комплексы, камская неолитическая культура, гаринская культура.

В статье анализируются материалы первого известного на территории Пермского края археологического памятника эпохи неолита – Лёвшинской стоянки. Делаются выводы о неоднородности материалов стоянки и возможности выделения комплексов эпохи мезолита, неолита и энеолита (гаринская культура).

Kalinina I.V.

(The State Hermitage Museum, St. Petersburg)

ON THE LEVSHINSKY STAGE OF KAMA NEOLITHIC CULTURE

Keywords: Mesolithic, Neolithic, Eneolithic, stone implements, ceramic complexes, Kama Neolithic culture, Garinskaya culture

The article analyzes the materials of the Levshino site, the first known archeological site of the Neolithic epoch in Perm Region. It is found out that the materials of the site are heterogeneous. Complexes of Mesolithic, Neolithic and Eneolithic epochs (Garinskaya culture) could be marked out.

Лёвшинская стоянка, открытая в 1890 г. И.Н. Глушковым и С.И. Сергеевым, частично раскопанная в 1925 г. А.В. Шмидтом (Шмидт, 1940) и в 1934 г. Н.А. Прокошевым (Прокошев, 1940), сыграла весьма заметную роль в изучении неолита и энеолита Восточной Европы. На основе материалов Лёвшинской стоянки, использованных многими авторами в обобщающих и частных работах, не только сложились представления археологов о камском неолите, но до сих пор этот памятник служит одним из хронологических эталонов, как для поздненеолитических культур Урала, так и для гораздо более широких территорий, смежных Уралу.

Вместе с тем, теперь, когда мы располагаем в Прикамье большим числом исследованных памятников, позволивших построить *дробные периодизации* развития материальной культуры эпохи неолита – раннего металла в Прикамье (Бадер, 1961, 1970; Халиков, 1960, 1969; Габяшев, 1978), имеющиеся публикации Лёвшинских материалов уже явно недостаточны для сравнения последних с материалами других памятников. Вследствие этого понятия «*лёвшинский этап*», керамика «*лёвшинского типа*» начинают обретать у разных исследователей все более расплывчатые очертания. Назрела необходимость вновь обратиться к материалам с Лёвшинской дюны и посмотреть на них через призму современных представлений о развитии археологических культур неолита – ранней бронзы в Прикамье.

Лёвшинская стоянка расположена на дюнообразных песчаных всхолмлениях первой надпойменной бортовой террасы, высота которой 9–12 м над уровнем реки (Бадер, 1957). Оба руководителя раскопок, А.В. Шмидт и

Н.А. Прокошев, отмечали отсутствие прослоек в культурном слое стоянки, его стратиграфическое единство, что привело их к выводу и о хронологическом единстве содержащихся в нем культурных остатков.

Однако уже в конце 1940-х гг. П.П. Ефименко и О.Н. Бадер указывали на хронологическую неоднородность лёвшинских материалов (Ефименко, 1948; Бадер, 1950). Поэтому, прежде чем говорить о лёвшинском этапе камского неолита, необходимо выделить относящийся к нему культурный комплекс среди многочисленных археологических коллекций с лёвшинской дюны.

В 1973 г. автором статьи совместно с О.Н. Бадером была подготовлена публикация лёвшинских материалов. О.Н. Бадером были изучены коллекции Пермского областного музея (находки из раскопок А.В. Шмидта 1925 г. и часть старых сборов), Свердловского областного музея (сборы С.И. Сергеева и И.Н. Глушкова); автором настоящей статьи исследованы коллекции, хранящиеся в Государственном Эрмитаже (материалы раскопок Н.А. Прокошева 1934 г., сборы А.В. Шмидта 1932 г. и Н.А. Прокошева 1937 г.). В итоге была написана статья «Культурные комплексы Лёвшинской стоянки», где О.Н. Бадеру принадлежит характеристика каменного инвентаря и описание керамики одного из разделов в соответствии с обработанными коллекциями.

Несмотря на то, что предварительно не была выработана единая методика исследования, наши выводы о культурной и хронологической принадлежности керамических комплексов полностью совпали, что нашло отражение в совместно написанном заключении. Статья, к сожалению, осталась неопубликованной, и мы вынуждены включить в настоящую работу описание выделенных культурных комплексов. Приводимые цитаты и выводы из указанной статьи даются в дальнейшем без специальных ссылок на неё.

О.Н. Бадер для упомянутой статьи составил сводный план раскопок А.В. Шмидта и Н.А. Прокошева (рис.1) и отметил: «обширность Лёвшинской дюны, удаленность раскопок 1925 г. и 1934 г. друг от друга – дополнительный аргумент расположения здесь не одного, а нескольких разновременных поселений. Нельзя не обратить внимания на редкость мелких ножевидных пластин в восточной части дюны и обилие их в центральной, наиболее возвышенной части дюны. По статистической таблице Н.А. Прокошева, ножевидные пластинки найдены почти исключительно в расположенных рядом раскопах III, V и в соседнем раскопе А (Прокошев, 1940, с.33) (рис.1). На западной оконечности дюны, в раскопе I, ножевидных пластинок найдено всего 5, на восточной в раскопе V – только 1, а ещё дальше за раскопом А.В. Шмидта – ни одной.

В раскопах I, V, А кроме 79 ножевидных пластинок с ретушью и без неё, найдены все имеющиеся в коллекции концевые скребки (4 экз.), наконечники стрел на пластинах (4 экз.) и почти все мелкие нуклеусы, судя по иллюстрациям, – микролитического облика (10 экз.). Таким образом, микролитический кремневый комплекс насчитывает до 100 предметов. Мы не располагаем точными данными о глубине залегания последних, но, судя по коллекционной описи раскопок 1934 г. (Государственный Эрмитаж), только 2 ножевидные пластинки найдены в «слое 1» остальные залегали глубже, в частности в кострищах раскопов III и V.

Выделенный микролитический комплекс соответствует представлениям о камском мезолите. Таковы ножевидные пластинки и соответствующие им нуклеусы, концевые и миниатюрные круглые скребочки, острия с ретушью по двум краям, а также наконечники стрел на ножевидных пластинах с черешками. Мно-

гие сечения пластинок несут тонкую краевую ретушь, что столь типично для мезолитических вкладышей (рис. 2).

Судя по характеру кремневого материала, *Лёвшинская мезолитическая стоянка* принадлежит к числу наиболее поздних – *нижнеадигенского типа*. Особенностью лёвшинского мезолитического комплекса является наличие единичных наконечников стрел на ножевидных пластинках с выделенными короткими черешками и остриями, несущими тонкую плоскую подретушовку со стороны брюшка (рис. 2/1, 2). Как известно, подобные наконечники характерны для волго-окского мезолита, в Приуралье же в мезолитических комплексах они до сих пор известны не были (Бадер, 1966). Но принадлежность их к мезолитическому комплексу в Лёвшино нельзя считать абсолютно достоверной по причине залегания их не в стратиграфически выраженном мезолитическом слое. Единичные находки аналогичных наконечников известны на стоянках развитой бронзы в низовьях р. Чусовой, например, на поселении Бор V (Бадер, 1961).

Среди более поздних материалов с Лёвшинской дюны выделена *неолитическая керамика*. 700 неолитических фрагментов (около 120 сосудов), хранящихся в Государственном Эрмитаже, сопоставимы с описанными О.Н. Бадером (рис. 3/1–13; 4/1–18). О.Н. Бадер выделил 134 неолитических сосуда, считая эту цифру максимальной, ибо часть обломков с разным орнаментом, по его мнению, могли относиться к одним и тем же сосудам; большинство сосудов представлено всего одним фрагментом и лишь один сосуд насчитывает 55 обломков.

В коллекциях отсутствуют фрагменты днищ, но, судя по отдельным фрагментам от придонных частей сосудов, последние были, по-видимому, с округло-коническими днищами. О.Н. Бадер считал, что днища сосудов были скорее круглыми, а не коническими. По нашим подсчетам, прямые венчики составляют 52%, вогнутые внутри – 38%, незначительно отогнутые наружу – 10%. Диаметры, измеренные у 6 сосудов по внутреннему краю венчика, распределяются равномерно в пределах от 10 до 40 см. По данным О.Н. Бадера, диаметры венчиков 11 сосудов варьируют от 18 до 42 см, из них у трёх сосудов диаметр 36 см, у двух – 38 см. Толщина стенок от 0,7 до 1,3 см; у подавляющего большинства сосудов – 0,8–1,0 см.

Что же касается соотношения толщины стенок сосудов и венчиков, то О.Н. Бадер отметил следующее: «Шейки тоньше стенок на 1–2 мм. Только один венчик по толщине равен шейке, остальные тоньше шеек на 2–4 мм». У нас же несколько иные данные: венчики равные по толщине стенкам составляют 46%, приостренные к верху – 9%, расширенные к верху – 15%. Выделены также венчики с «наплывами» с внутренней стороны, которые составляют 42% (рис. 3/1–2). Преобладают «наплывы», превышающие толщину стенок на 0,1–0,2 см; реже «наплывы» толще стенок на 0,3 см и более. Ширина «наплыва», измеренная от наиболее выпуклой его части до обреза венчика, колеблется от 0,8 до 1,5 см. Обрезы венчиков различны: они либо округлые, либо срезаны горизонтально. Венчики подразделяются также на симметричные – центральная часть среза перпендикулярна стенке сосуда (46% венчиков) и асимметричные – центральная часть среза под некоторым углом к стенке (54% венчиков).

В глиняном тесте наблюдается примесь шамота, зерна которого иногда более 2 мм в диаметре. Шамот придает большую механическую прочность керамике, расслаивающихся фрагментов в коллекции менее 8%. У 15% сосудов в глиняном тесте имеется в небольшом количестве примесь мелкого песка. Иногда в изломе фрагментов наблюдается незначительная пористость из-за употребления

органической примеси. Присутствие в глиняном тесте небольших кусочков охры, возможно, объясняется природным составом используемых глин.

Изготавливались сосуды ленточным способом. Судя по пяти фрагментам, расслоившимся по стыку лент, соединение лент производилось внахлест. Как правило, только на внутренней поверхности сосудов иногда прослеживаются неглубокие царапины и бороздки, имеющие преимущественно горизонтальное направление – следы первоначального выравнивания поверхности пучком травы (?) или щепкой (?). Подобные следы уничтожались при последующем заглаживании стенок. Особенно тщательно сглаживалась внешняя поверхность сосудов. У 28% сосудов внешняя поверхность заглажена до блеска, а у 7% сосудов также обработана внутренняя поверхность.

Преобладают фрагменты серо-желтого цвета, 21% имеют красноватый оттенок. Различия в окраске внешней и внутренней поверхности незначительны. Лишь отдельные черепки с внутренней стороны более темных, серых тонов. Часто в изломе фрагменты неоднородны по цвету. Встречаются двуслойные – темный слой ближе к внутренней поверхности (в двух случаях – ближе к внешней поверхности), реже трехслойные с темным слоем в середине.

На внутренней поверхности 13% сосудов фиксируются следы гари и накипи. На внешней поверхности сосудов гарь и накипь прослеживаются очень редко. Три фрагмента от крупных сосудов имеют явные следы закрашивания охрой. На одном фрагменте – охра на внутренней стороне.

На 13 фрагментах стенок и 3 фрагментах венчиков имеются конические сверлины (с внешним диаметром 0,5–1,5 см и с внутренним диаметром – 0,2–0,8 см), сделанные уже на обожженных сосудах (рис.3/1; 4/18). По О.Н. Бадеру, «на 3 сосудах имелись круглые отверстия, высверленные снаружи и располагавшиеся в нижней половине сосудов» (рис.3/13).

Все сосуды орнаментированы. Характерно членение орнаментируемой поверхности на горизонтальные пояса: широкие зоны из длинных гребенчатых оттисков чередуются с узкими, из коротких оттисков. Орнаментальные зоны вплотную примыкают друг к другу, лишь на некоторых сосудах наблюдается разреженность орнаментов (табл. 1).

Таблица 1. Ширина неорнаментированного пояса

Ширина (см)	0,5–1	1,0–1,5	1,5–2,0	2,0–2,5	2,5–3,0	> 3,0
Кол-во сосудов	8	3	6	4	1	2

У 64% сосудов орнаментация начинается от края венчика, у 20% – отступая на 0,2–1,3 см от края; зафиксировано два случая наличия гребенчатых оттисков на внутренней стороне венчика. О.Н. Бадер отметил орнамент из косо поставленных гребенчатых оттисков на внутренней стороне венчиков у 6 сосудов из 22, сохранивших части шеек.

При орнаментации преимущественно использовались разной формы гребенчатые штампы. Встречаются оттиски длиной до 3,5 см, чаще длиной от 1,5 до 2,5 см. На оттисках прослеживается от 5 до 25 зубчиков, больше 10 – сравнительно редко. Ширина оттисков колеблется от 1 до 2 мм, лишь иногда они шире 2 мм. Преобладают отпечатки зубчиков прямоугольной формы: 54% вытянуты перпендикулярно длинной оси; 16% – вытянуты параллельно длинной

оси; 8% – квадратные, 9% – косая нарезка, 9% – сегментовидные, 3% – округлые. Отпечатки зубчиков не всегда соответствуют форме зубчиков штампа. Так, сегментовидные (иногда приближающиеся к трапециевидным) оттиски получаются, когда штамп ставится не перпендикулярно, а под углом к поверхности сосуда. Но подобный прием орнаментации для рассматриваемой керамики был не характерен. При нанесении орнамента, как правило, на каждый зубец штампа приходится одинаковый нажим. Больше надавливание на верхние зубцы отмечено приблизительно на 4% сосудов, на нижние – на 5% сосудов, одновременно на верхние и нижние – на 5% сосудов.

Как дополнительный элемент при орнаментации использовались ямчатые вдавления. Они наносились углом штампа или концом палочки (?), имеют незначительную неодинаковую глубину, разнообразны по форме. Круглые, в отличие от ямок ямочно-гребенчатого неолита, не столь правильной формы. Выпуклины («жемчужины») от ямок на внутренней поверхности сосудов отсутствуют. Ямчатые вдавления встречаются в разделительных зонах. Совместно с гребенчатыми оттисками ямчатые отмечены на 7 фрагментах. 8 фрагментов, по-видимому, относятся к сосудам, целиком орнаментированным ямчатыми вдавлениями. По О.Н. Бадеру, в коллекции из раскопок А.В. Шмидта «лишь на одном сосуде, толстостенном и архаичном на вид, орнамент в виде неглубокой ямки покрывает большую часть сосуда – его среднюю и нижнюю трети».

Орнаментальные композиции объединены нами в следующие группы:

Первая группа композиций (6 сосудов): – основные зоны образуют длинные, вертикально поставленные оттиски; – разделительные зоны состоят из коротких оттисков (4 сосуда), рядов горизонтально расположенных длинных оттисков (1 сосуд) или разделительную зону заменяет неорнаментированный пояс (1 сосуд).

Вторая группа композиций (21 сосуд): – основные зоны из косо поставленных длинных оттисков; – разделительные зоны отсутствуют (2 сосуда); состоят из рядов (от 1 до 3-х) ямчатых вдавлений (4 сосуда), на остальных сосудах такие же, как в первой группе композиций.

Третья группа композиций (10 сосудов): – основные зоны состоят из длинных оттисков, имеющих в соседних зонах наклон в разные стороны; разделительные зоны отсутствуют (6 сосудов), представляют собой горизонтальный зигзаг (1 сосуд), на остальных сосудах такие же, как в первой группе композиций.

Четвертая группа композиций (32 сосуда): – основные зоны – ряды «шагающей гребенки»; – разделительные зоны на 14 сосудах отсутствуют, на 1 сосуде их заменяет неорнаментированный пояс, на 4-х сосудах – ряды коротких овальных оттисков, на 1 сосуде – ряд ямчатых вдавлений, на 3 сосудах – горизонтальный зигзаг, выполненный короткими насечками. На 6 сосудах ряды «шагающей гребенки» чередуются с рядами длинных наклонных гребенчатых оттисков; на 1 сосуде – с рядами вертикально поставленных оттисков. На 2 сосудах от горизонтальных рядов «шагающей гребенки» вниз отходят диагональные ряды «шагающей гребенки».

Пятая группа композиций (9 сосудов): – орнамент из рядов коротких овальных оттисков, на 1 сосуде разделенных неорнаментированными поясами, на 6 сосудах – горизонтальными рядами длинных оттисков, на 1 сосуде – горизонтальным зигзагом из коротких овальных оттисков. На 1 сосуде от горизонтального ря-

да косо поставленных коротких овальных оттисков вниз отходят диагональные ряды таких же оттисков.

Шестая группа композиций (1 сосуд): – горизонтальные ряды взаимопроникающих друг в друга заштрихованных треугольников, выполненных гребенчатым штампом, которые разделены горизонтальными рядами длинных оттисков.

Седьмая группа композиций (1 сосуд): – орнамент в виде сетки с ромбическими ячейками из гребенчатых отпечатков.

Аналогичные композиции были выделены О.Н. Бадером, который писал: «Орнамент исключительно зональный. Преобладают круговые пояса из косых, наклонных отпечатков зубчатого штампа, иногда образующих горизонтальные "ёлочки". На 37 сосудах орнамент в виде остроугольного зигзага – "шагающая гребенка". Встречается решетка, образующая ромбы».

Перечисленные нами композиции комбинируются на сосудах с разными по орнаменту бордюрными зонами, ширина которых не превышает 4 см. Для бордюрной зоны наиболее характерен (по частоте встречаемости на сосудах и числу вариантов сочетаний с различными композициями) орнамент из косо расположенных коротких, овальных гребенчатых оттисков. Орнамент бордюрной зоны из горизонтального ряда коротких вертикальных насечек присутствует на сосудах с орнаментами пятой группы. Орнамент из диагональных рядов коротких овальных гребенчатых оттисков – с композициями второй группы. Орнамент из гребенчатых оттисков в виде сетки с круглыми ямками в ячейках – с орнаментами пятой группы. Из-за фрагментарности материала другие возможные сочетания орнаментов на сосудах остались не выяснены. На 13 сосудах бордюрная зона отсутствует: у 9 сосудов узор первой зоны совпадает с орнаментом основных зон, у 4 сосудов – орнаментом разделительных зон.

Описанный комплекс гребенчатой керамики по всем признакам относится к камскому неолиту. Однако следует обратить внимание на единичные фрагменты с оттисками изогнутых зубчатых штампов. При нанесении орнамента штамп ставился не перпендикулярно, а с наклоном по отношению к поверхности сосуда (рис. 9/5,6). Ни форма штампов, ни способ орнаментации не характерны для камской керамики. Г.М. Бузовым в районе Синдорского озера выделена раннебронзовая керамика (тип II) (Бузов, 1967, с. 94–102), в орнаментации которой как будто бы усматриваются аналогии данным лёвшинским фрагментам. К сожалению, последние слишком малы и по ним нельзя установить форму сосудов. Наибольшее сходство имеется с оттисками фигурно зубчатых, по Г.М. Бузову, штампов на сосудах поселения Вис I. Надо заметить, что именно на этом поселении обнаружены фрагменты, хотя весьма немногочисленные, но бесспорно относящиеся к камскому неолиту (Бузов, 1967, с. 69–70, 74–76).

Наряду с камской неолитической керамикой в лёвшинских коллекциях присутствуют *фрагменты зауральского происхождения*. Всего по примеси талька в глиняном тесте выделено 20 фрагментов. В большинстве случаев частицы талька образуют мало заметные вкрапления, но шесть фрагментов жирные на ощупь, и кусочки талька хорошо различимы на поверхности. За исключением трёх с гребенчатыми оттисками, на всех фрагментах с тальком – прочерченный орнамент. Последний присутствует и на нескольких фрагментах без примеси талька. Вместе с гребенчатыми оттисками прочерк не встречен ни разу. Прочерченный орнамент наносился как палочкой (?) с округлым концом (из-за неравномерного нажима дно бороздок неровное), так, возможно, и каменной плиткой, дающей глубокий врез с подтреугольным сечением. На девяти фрагментах композиции из взаимопроникающих друг в друга заштрихованных треугольников (рис. 9/1), на двух –

орнамент в виде сетки. О.Н. Бадер отметил два сосуда с прочерченным орнаментом.

Кроме неолитической камской и зауральской керамики по материалам из Лёвшино, хранящимся в Государственном Эрмитаже, выделена *группа накольчатой керамики*, насчитывающая 1203 фрагмента (рис. 9/8–18).

Фрагменты небольшие, как правило, не более 3 см в диаметре. Толщина стенок от 0,5 до 0,7 см.

Цвет поверхности серо-желтый, несколько фрагментов коричневатокрасные. Внутренняя поверхность иногда темно-серого цвета. В изломе черепки часто черные, реже встречаются двухслойные и трехслойные по цвету.

Глиняное тесто плотное, с примесью очень мелкого песка. В изломе бывает заметна примесь шамота и очень мелкие пустоты от выгоревших органических примесей. Поверхность фрагментов выровнена, реже тщательно сглажена. На внутренней поверхности часто наблюдаются тонкие штрихи, возможно от сглаживания поверхности пучком травы.

Остатки гари встречаются на внутренней, но чаще на внешней поверхности.

На 7 фрагментах имеются конические сверлины с внешним диаметром 0,3–1,0 см, с внутренним – 0,2–0,6 см.

В трёх случаях определен налеп глиняных лент встык.

Н.А. Прокошев не отделял накольчатую керамику от гребенчатой, и получалось, что последняя имела как конические, так и плоские днища. Однако оказалось, что плоские днища, вернее уплощенные, слегка вогнутые внутрь, относятся к накольчатой керамике.

В коллекции имеется еще 33 обломка от подобных днищ. Толщина их около 1 см, т.е. они на несколько мм толще стенок. Венчики накольчатых сосудов слегка отогнуты наружу, реже – вогнутые внутрь. Обрезы венчиков скруглены, срезаны горизонтально или скошены внутрь.

Орнаментированные фрагменты составляют менее 15%. Процент орнаментированных венчиков к общему числу венчиков составляет 60%, орнаментированных фрагментов стенок – менее 15%. Орнаменты состоят из мелких или более крупных наколов, расположенных отдельно или вплотную друг к другу. Выполнены они палочкой с заостренным или закругленным концом. Если при нанесении орнамента палочка не отрывалась от поверхности, то получался либо прочерк, либо при периодическом надавливании – ячеистая линия – т.н. «отступающая палочка». Между прочерком и «отступающей палочкой» нет резкой границы: при редком, слабом надавливании дно прочерчиваемой линии почти ровное – «отступающая палочка» сближается с прочерком. На двух фрагментах оба приема орнаментации встречены вместе, причем использовалась одна и та же палочка.

Обрез венчика с внешней и внутренней стороны, либо с одной стороны орнаментирован насечками. Также насечки имеются и по внешнему контуру днищ. Видимо к описываемому комплексу не относится венчик с расчлененным валиком и с насечкой по краю (рис. 6/22). Аналогичный был найден на поселении Бор I в Среднем Прикамье (Бадер, 1961, с. 54, рис. 27/7).

Орнаменты на венчиках – горизонтальные ряда частых наколов. На одном венчике диагональные ряды наколов, выполненные «отступающей палочкой». Прочерком наносилась горизонтальные линии, зигзаг, с более или менее скругленными углами, иногда перемежающийся с рядами наколов.

На фрагментах стенок орнамент, как правило, разреженный – это либо отдельные ряды наколов, либо горизонтальный зигзаг из наколов, нанесенных

тонкой, заостренной палочкой, либо прочерченные линии, расположенные под углом друг к другу. Один фрагмент от маленького сосудика сплошь орнаментирован частыми глубокими наколами с подтреугольным дном (рис. 6/8).

Комплекс накольчатой керамики с Лёвшинской стоянки находит аналоги в волго-камской керамике Нижнего Прикамья. Несколько фрагментов (рис. 6/2–4), возможно, относятся к керамике с «насечками», выделенной на поселении Сауз I (Калинина, 1980, с. 13–14).

Керамика эпохи раннего металла с Лёвшинской дюны, по сравнению с неолитической, немногочисленна. Нами определено 118 фрагментов. О.Н. Бадер выделил около 150 обломков «максимум от 34 сосудов, из которых только 12 сохранили шейки».

90 фрагментов из коллекций, хранящихся в Государственном Эрмитаже, с рыхлым пористым тестом (рис. 7/9–16). На поверхности – многочисленные выщерблены от выгоревших при обжиге органических примесей, фрагменты серо-желтого цвета, некоторые коричневатых тонов. На внутренней, реже на внешней поверхности хорошо различимы параллельные бороздки, образовавшиеся при сглаживании сосудов зубчатым орудием.

Толщина фрагментов от 0,7 до 0,9 см.

Судя по имеющимся фрагментам, сосуды были с прямыми или слегка вогнутыми внутрь венчиками. По данным О.Н. Бадера, один сосуд имел довольно высокую, прямую шейку и резко отогнутый наружу венчик.

Обрезы венчиков скруглены или срезаны горизонтально. Один венчик, сплюснутый сверху, – "Г"-образной формы. Наличие подобных венчиков, «с характерной приплюснутостью сверху, делающей толщину их на 0,3–0,5 см больше толщины смежных частей шеек», отметил и О.Н. Бадер. У одного описанного им венчика по срезу «широкие, правильно чередующиеся вдавления, сделанные пальцем или другим предметом, что придает венчику вид как бы гофрированного» (рис. 7/15). В коллекциях, исследованных О.Н. Бадером, обнаружены обломки двух круглых днищ.

Разреженный орнамент, видимо, покрывал всю внешнюю поверхность сосудов. 20 небольших фрагментов без орнамента скорее относятся к неорнаментированным участкам сосуда, чем к сосудам, совсем не орнаментированным. По О.Н. Бадеру «из 127 обломков, не вошедших в разборку по сосудам, 62 вовсе не имеют орнамента». Орнаментальные композиции состоят из рядов длинных наклонных гребенчатых оттисков, разделенных рядами горизонтальных оттисков; из рядов оттисков, имеющих в соседних рядах наклон в разные стороны; из рядов коротких гребенчатых оттисков, разделенных неорнаментированными поясами, шириной до 3 см. Один фрагмент – от небольшого сосудика, орнаментированного глубокими, подчетырёхугольной формы наколами (рис. 7/11). О.Н. Бадер отметил наличие «шагающей гребенки».

Два венчика орнаментированы по обрезу; в одном случае – ряд наклонных гребенчатых оттисков, в другом – наклонные оттиски гладкого штампа. У трёх сосудов по внутреннему краю нанесен ряд коротких гребенчатых оттисков (2 сосуда), горизонтальный зигзаг из недлинных оттисков (1 сосуд). По О.Н. Бадеру «на 6 уплощениях венчиков орнамент в виде косо поставленных вдавлений зубчатого штампа». Наиболее близкие аналогии рассматриваемой керамики имеются в гаринской керамике Прикамья, например, поселения Бор I (Бадер, 1961, с. 22–67) и Астраханцевского (Бадер, 1959).

В отличие от описанных, 28 фрагментов имеют плотное тесто с примесью шамота и очень мелкого песка. Органическая примесь почти отсутствует.

Внешняя поверхность тщательно заглажена, но на внутренней поверхности иногда различимы тонкие штрихи. Следов обработки сосудов зубчатым орудием не обнаружено. Толщина стенок 0,8–1,0 см. Фрагменты серо-желтого цвета, изредка красноватого оттенка. На одном венчике – коническая сверлина с внешним диаметром 0,8 см, с внутренним – 0,4 см (рис. 7/2).

Орнаментальные композиции состоят из рядов клиновидных оттисков гладкого штампа, разделенных горизонтальным зигзагом из таких же оттисков; рядов овальных оттисков гладкого штампа, с неорнаментированными поясами шириной 3,5 см; рядов наклонных гребенчатых оттисков. На одном фрагменте плохо различима «шагающая гребенка».

Эта небольшая группа керамики близка «флажковой», выделенной О.Н. Бадером на Ново-Ильинском III поселении (Бадер, 1961б, с.60–75).

В коллекциях с Лёвшинской дюны присутствуют также редкие обломки ананьинской керамики. Из них два венчика с веревочным орнаментом (рис. 6/19,21). В глиняном тесте венчика с подчетырёхугольными отверстиями очень незначительная примесь талька (рис. 6/19).

О.Н. Бадер отметил и несколько фрагментов *ломоватовской керамики*.

Каменный инвентарь с Лёвшинского памятника, за исключением выделенного мезолитического комплекса, по мнению О.Н. Бадера, может быть связан либо с неолитической, либо с керамикой эпохи металла. Имеются наконечники стрел, как листовидной неолитической формы, так и с усеченным основанием, типичные для гаринских поселений турбинской культуры (рис. 8). Что касается медного ножа и шила, найденных в Лёвшино, О.Н. Бадер считал, что нож можно связывать с керамикой финального неолита.

Итак, имеющиеся материалы свидетельствуют, как минимум, о трёх периодах заселения Лёвшинской дюны, исключая эпоху железа. Судя по распространению кремневых изделий микролитического облика, древнейшая позднемезолитическая стоянка занимала, по О.Н. Бадеру, среднюю, наиболее высокую часть дюны, что не раз отмечалось для такого рода памятников.

Второй период обитания Лёвшинской дюны – поздненеолитическое время. О.Н. Бадер отмечал, что неолитическая керамика распространена на всем протяжении Лёвшинской дюны. Об одновременности и взаимной связи всех частей неолитического поселения, по его мнению, свидетельствует тот факт, что обломки одного и того же сосуда (рис. 4/13) найдены в 1925 г. А.В. Шмидтом как в главном раскопе, так и в двух юго-западных.

Керамика эпохи раннего металла, напротив, обнаружена А.В. Шмидтом только в главном раскопе, что позволяет предполагать, по О.Н. Бадеру, более узкую локализацию поселения этого времени, по сравнению с неолитическим.

Что касается «шагающей гребенки», то процент ее, на наш взгляд, не является хронологическим показателем, а отражает локальные особенности памятников (Калинина, 1979, с.26). Следует, однако, учитывать, что признаки, свидетельствующие об относительно позднем возрасте лёвшинской неолитической керамики, характерны лишь для части сосудов, в то время как другие имеют более архаичный облик. Это явствует из приведенного выше описания керамики.

К лёвшинскому этапу камского неолита О.Н. Бадер относил, кроме Лёвшино, поселения Сауз I и Чернашка (Бадер, 1970, с. 167). Проведенный нами статистический анализ подтвердил, что гребенчатая керамика поселения Сауз I по процентному соотношению ранних и поздних признаков близка лёвшинской керамике (Калинина, 1979, с.5–27).

Материалы с поселения Чернашка немногочисленны. В свое время Г.М. Буров причислял поселение Чернашка к вычегодско-вятской культуре. Опубликован один реконструированный сосуд – его опоясывают ряды ямочных вдавлений с «жемчужинами» с внутренней стороны. Между тем, одним из отличительных признаков камской неолитической культуры является полное отсутствие в орнаментации сосудов глубоких конических ямок с соответствующими выпуклостями на внутренней поверхности сосудов (Бадер, 1970, с.157). Сосуды со столь отогнутыми наружу венчиками также не встречены ни на одном из поселений камского неолита, в том числе, и на Лёвшино.

В 1970 г. в работе «Уральский неолит» в таблицах, иллюстрирующих материальную культуру лёвшинского этапа, О.Н. Бадер опубликовал под № 119 сосуд со стоянки Саузовская II (Бадер, 1970, рис. 2), а в 1973 г. в работе «Волгокамская этнокультурная общность эпохи неолита» – этот же сосуд под № 15, как происходящий из I Саузовской стоянки. Видимо, во втором случае – типографская опечатка, поскольку в 1980 г. сосуд опубликован О.Н. Бадером и А.А. Выборновым среди материалов II Саузовской стоянки (Бадер, Выборнов, 1980, с. 130, рис. 3). По мнению авторов указанной статьи, сосуд относится к комплексу «флажковой керамики» и, следовательно, не имеет отношения к камскому неолиту. Сосуды подобной, расширенной кверху формы, отсутствуют на поселениях камского неолита. Наиболее близкие аналогии опубликованному сосуду имеются в керамическом материале поселений борского этапа турбинской культуры в Прикамье, например, сосуд из жилища № 2 поселения Бор V (Бадер, 1961а, 91, рис.57). Итак, из опубликованных О.Н. Бадером сосудов к лёвшинскому этапу камского неолита, бесспорно относятся лишь сосуды № 1–3 с поселений Лёвшино и Сауз I (рис. 9).

Р.С. Габяшев к лёвшинскому этапу камского неолита относил поселения Нижнего Прикамья, типа Русско-Азибеевского, по наличию на последних сосудов «с подцилиндрическими горлами, намеченными плечиками и округло-уплощенными днищами» (Габяшев, 1978а, с. 16). Но на Русско-Азибеевском поселении Р.С. Габяшев выделил 4 типа сосудов, в том числе и «профилированные с отогнутыми или воротничковыми венчиками, орнаментированные оттисками средне- и крупнозубчатого штампа и перевитым шнуром» (Габяшев, 1978б, с. 17). Все 4 типа сосудов, по его мнению, относятся к одному комплексу (Габяшев, 1978в, с.22-39).

На наш взгляд, культурно-хронологическая специфика лёвшинского этапа не позволяет отнести к последнему памятники Русско-Азибеевского типа. Подавляющее большинство перечисленных признаков керамики этого поселения (воротничковые и отогнутые наружу венчики, округло-уплощенные днища, намеченные плечики у сосудов, применение при орнаментации крупнозубчатого штампа и перевитого шнура) абсолютно чужды культуре камского неолита.

Столь неоправданно расширительное толкование «лёвшинского этапа» привело к предположению о сосуществовании энеолитической самарской культуры лесостепного Поволжья с поздненеолитическими племенами камской культуры (лёвшинского типа) и о воздействии самарской культуры на камскую, что выражается в появлении воротничкового оформления венчиков, близких форм сосудов и некоторых орнаментальных композиций (Васильев, 1980, с.5).

Но нашему мнению, поздненеолитические, по Р.С. Габяшеву, памятники Нижнего Прикамья Русско-Азибеевского типа, и энеолитические памятники лесостепного Поволжья, по сравнению с лёвшинским этапом камского неолита, хронологически более поздние. Для заключительного этапа камского неолита

О.Н. Бадер принял предложенную А.В. Шмидтом и поддержанную Н.А. Прокошевым для Лёвшино в целом дату: конец III – начало II тыс. до н.э.

В настоящее время дата эта должна быть пересмотрена. Наметившаяся тенденция удревления неолитических культур смежных регионов, новые данные по хронологии волосовской культуры, синхронной турбинской культуре Прикамья, позволяют приблизить дату рассматриваемого этапа к концу IV тыс. до н.э., что не противоречит предложению О.Н. Бадера о более раннем, чем принято считать, возрасте первых этапов существования камской культуры.

О.Н. Бадер называл лёвшинский этап энеолитическим, исходя из его интерпретации находки медного ножа. Но у О.Н. Бадера не было сомнений в отношении памятников лёвшинского типа к культуре камского неолита. Керамика же памятников Русско-Азбеевского типа близка, на наш взгляд, «флажковой» энеолитической. Последняя, возможно, складывается на основе традиции не только камской, но и керамики, орнаментированной «насечками» (Калинина, 2003).

Таким образом, нам представляется правомерным выделение лёвшинского этапа, как заключительного в развитии камской неолитической культуры. В последующее за лёвшинским этапом энеолитическое время наблюдаются лишь переживания отдельных черт традиции камского неолита в среде иных, своеобразных культур, которые складываются в эпоху раннего металла в Среднем и Нижнем Прикамье.

Литература:

Бадер, 1949. – Бадер О.Н. Из новейших археологических исследований Чусовского отряда ГИН // БКИЧП. – М. –Л.: АН СССР, 1949. – Вып.14. – С.121–132

Бадер, 1950. – Бадер О.Н. Археологические памятники Прикамья и их научное выявление: Пособие для начинающих археологов и краеведов. – Молотов: Молотовгиз, 1950. – 114 с.

Бадер, 1957. – Бадер О.Н. Хронология формирования аллювиальных террас на Урале в археологическом освещении // ТКИЧП. – 1957. – Вып. XIII. – С.307–314

Бадер, 1959. – Бадер О.Н. Астраханцевское поселение в устье Чусовой // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции Института археологии АН СССР. – М., 1959. – Вып. 1. – С.87–112

Бадер, 1961а. – Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. – М. –Л.: АН СССР, 1961. – № 99. – 200 с.

Бадер, 1961б. – Бадер О.Н. III Ново-Ильинское поселение // Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции. – М., 1961. – Вып. 2. – С. 60–75.

Бадер, 1966. – Бадер О.Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита // МИА. – М. –Л.: АН СССР, 1966. – № 126. – С.197–205

Бадер, 1970. – Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970. – С. 157–171.

Бадер, 1973. – Бадер О.Н. Волго-камская этнокультурная область эпохи неолита // МИА. – М. –Л.: АН СССР, 1973. –№172. – С.99–106

Бадер, Выбрнов, 1980. – Бадер О.Н., Выбрнов А.А. Саузовская II стоянка в устье р. Белой и некоторые проблемы неолита-энеолита Приуралья // Энеолит Восточной Европы. – Куйбышев: Куйб. гос. пед. ин-т, 1980. – С.124–137

Буров, 1967. – Буров Г.М. Древний Синдор. – М., 1967. – С. 94–102.

- Васильев, 1980.* – Васильев И.Б. Энеолит лесостепного Поволжья // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Тезисы докладов. – Оренбург, 1980. – С. 5.
- Габяшев, 1978а.* – Габяшев Р.С. Неолит Нижнего Прикамья. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Казань, 1978. – 23 с.
- Габяшев, 1978б.* – Габяшев Р.С. Хронология неолита Нижнего Прикамья // КСИА. – М.: Наука, 1978. – № 153. – С.74–76
- Габяшев, 1978в.* – Габяшев Р.С. Русско-Азиевская стоянка // Древности Икско-Бельского междуречья. – Казань, 1978. – С. 22–39.
- Ефименко, 1948.* – Ефименко П.П. До питання про джерела культури пізньої бронзи на території Волго-Кам'я // Археологія. – Київ, 1948. – Т. II.
- Калинина, 1979.* – Калинина И.В. Гребенчатая и другие группы неолитической керамики Прикамья // АСГЭ. – 1979. – №20. – С. 5–27.
- Калинина, 1980.* – Калинина И.В. Керамика с «насечками» поселения Сауз I // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Тезисы докладов. – Оренбург, 1980. – С. 13–14.
- Калинина, 1984.* – Калинина И.В. Поздненеолитическая керамика I Саузовского поселения (К вопросу о трансформации культуры камского неолита при переходе к эпохе металла) // АСГЭ. – 1984. – №25. – С. 24–30.
- Прокошев, 1940а.* – Прокошев Н.А. К вопросу о неолитических памятниках камского Приуралья // МИА. – М. –Л.: АН СССР, 1940. – № 1. – С.11–40
- Прокошев, 1940б.* – Прокошев Н.А. Некоторые итоги изучения поздненеолитических стоянок района устья р. Чусовой (1934-1937 гг.) // БКИЧП. – 1940. – № 6-7. – С.80–81
- Черных, 1970.* – Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. – М.: Наука, 1970. – №172. – 180 с.
- Шмидт, 1940.* – Шмидт А.В. Стоянка у станции Левшино // СА. – М–Л.: АН СССР, 1940. – №V. – С.1–30
- Халиков, 1960.* – Халиков А.Х. Материалы к изучению населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // Труды Марийской археологической экспедиции. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1960. – Т. 1. – 187 с.
- Халиков, 1969.* – Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1969. – 396 с.

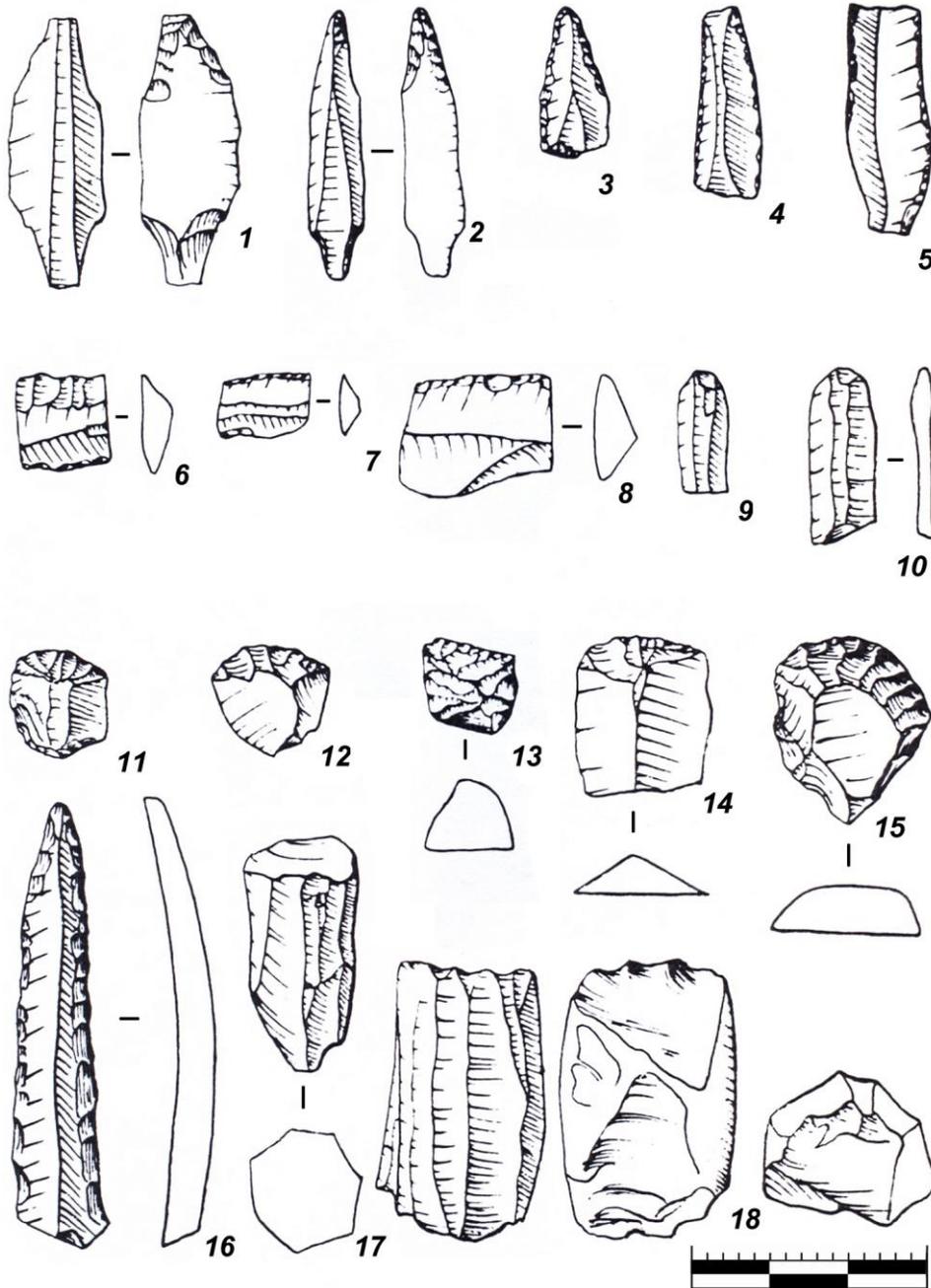
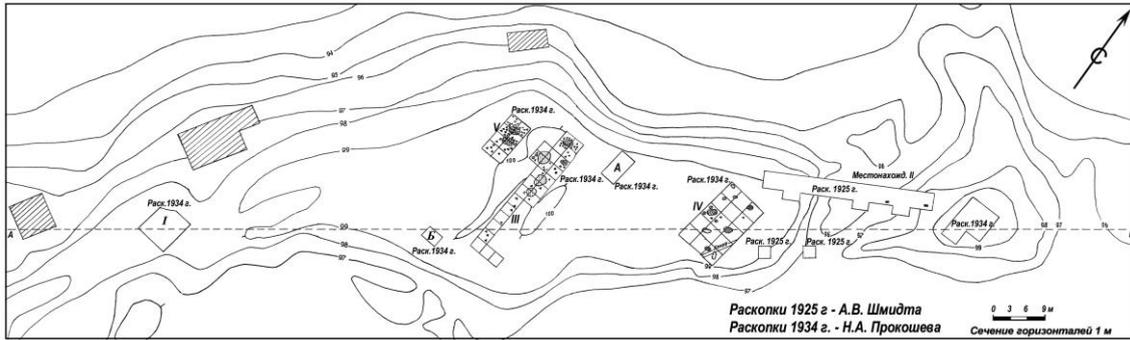

Рис. 2. Мезолитический кремневый инвентарь из раскопок Н.А. Прокошева 1934 г. (хранится в ГЭ). 10 – из сборов С.И. Сергеева (хранится в Свердлов. обл. музее)

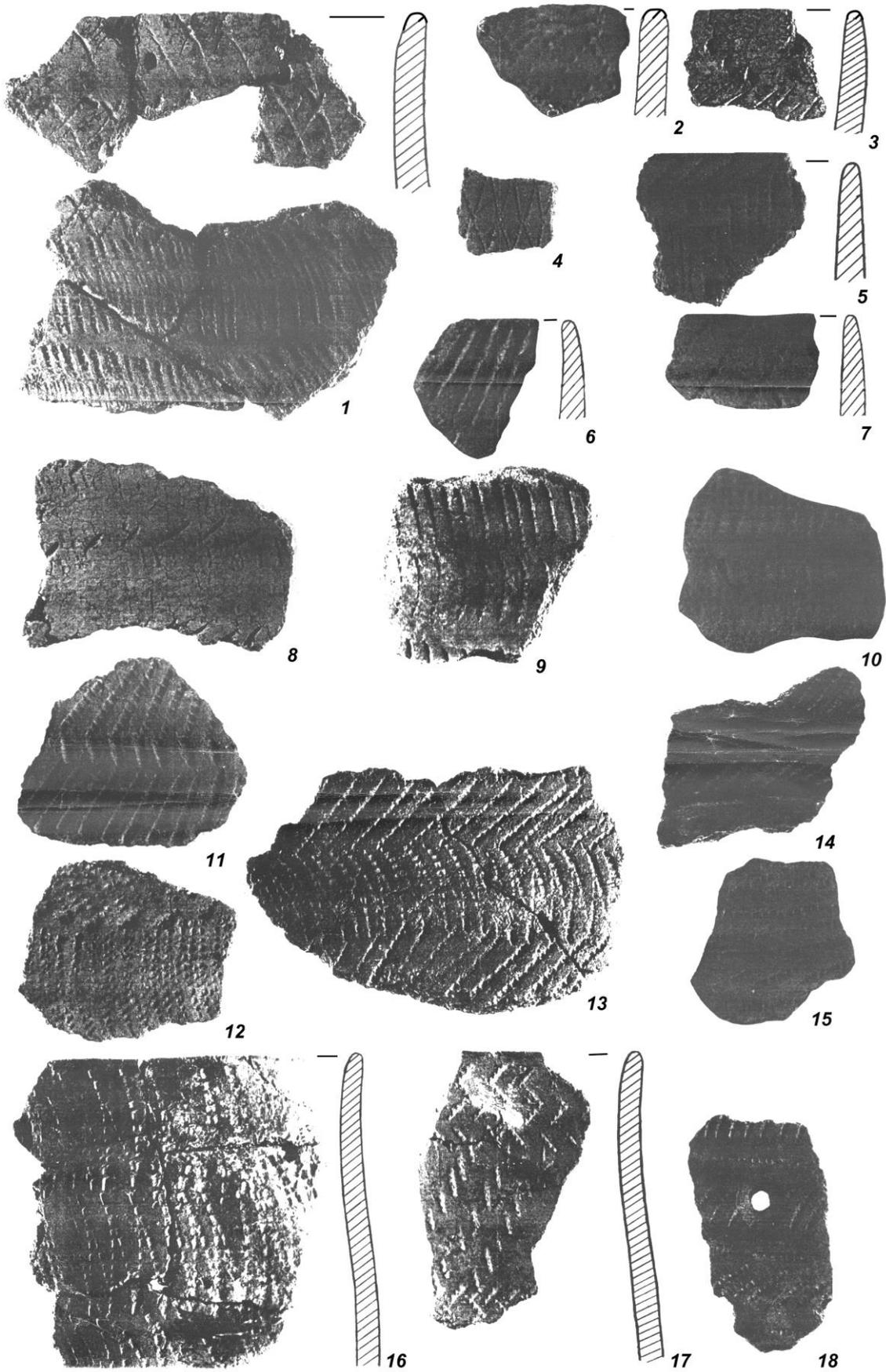

Рис. 3. Керамика поздненеолитического типа

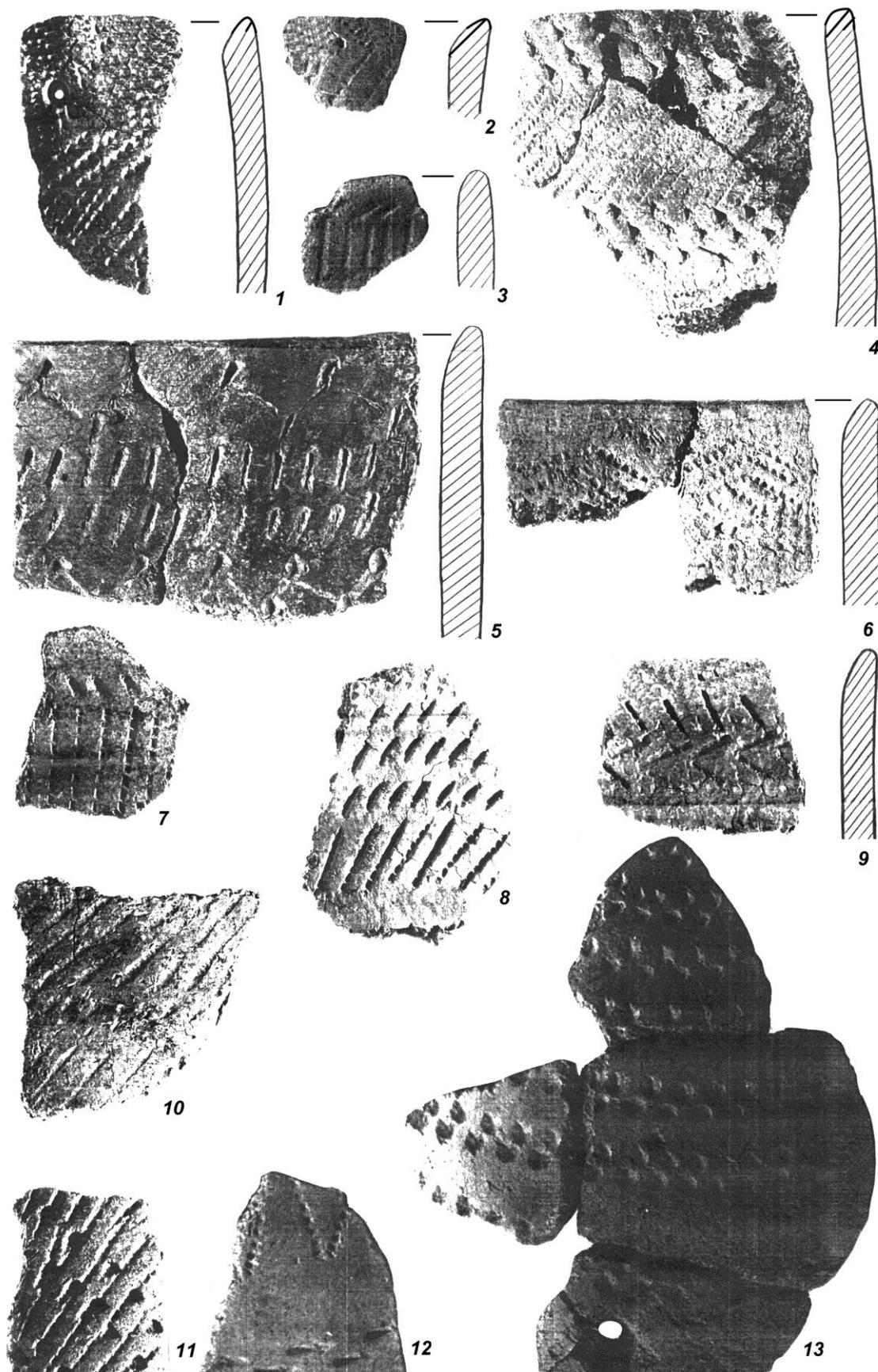

Рис. 4. Керамика поздненеолитического типа

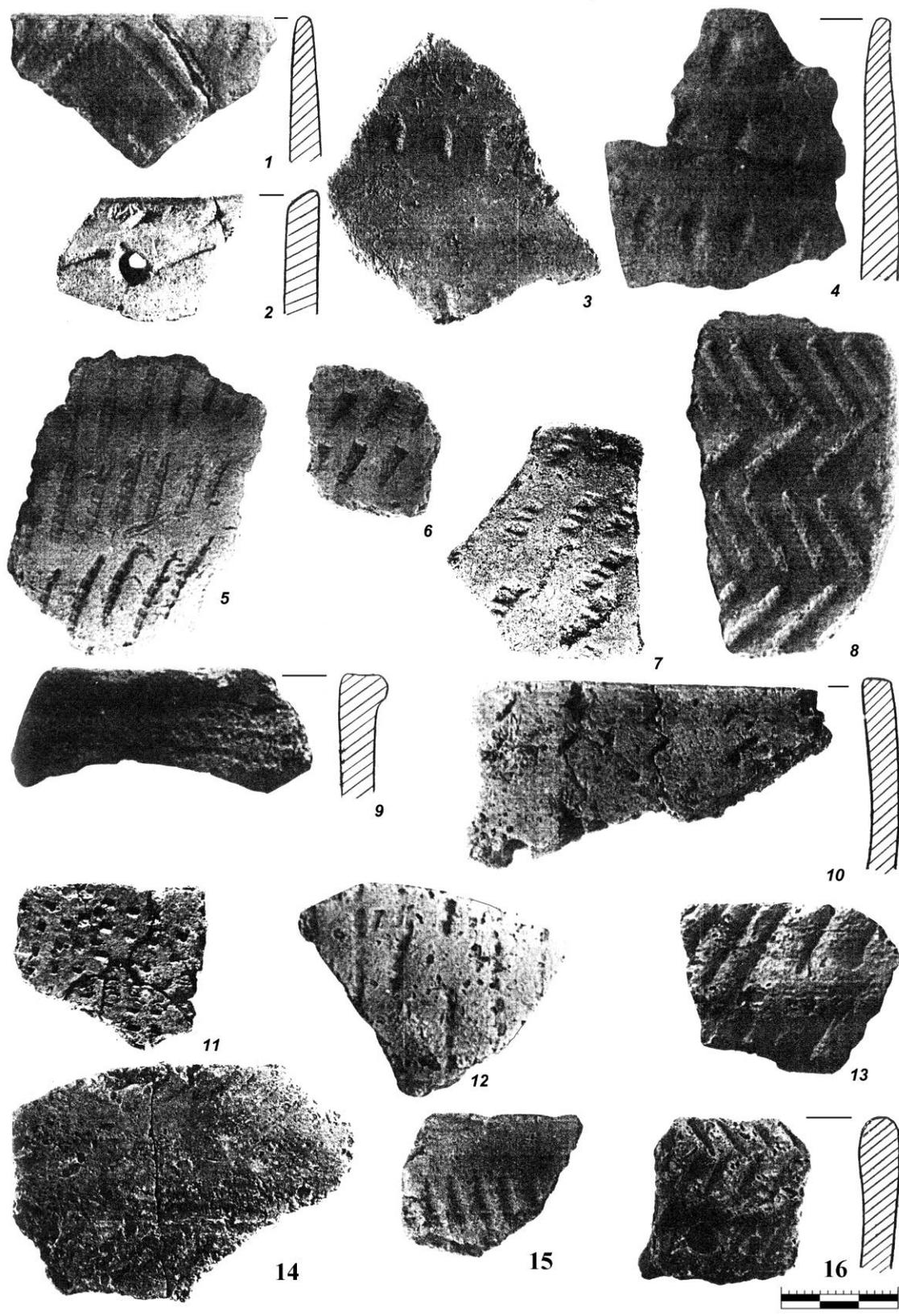

Рис. 5. Керамика гаринского типа

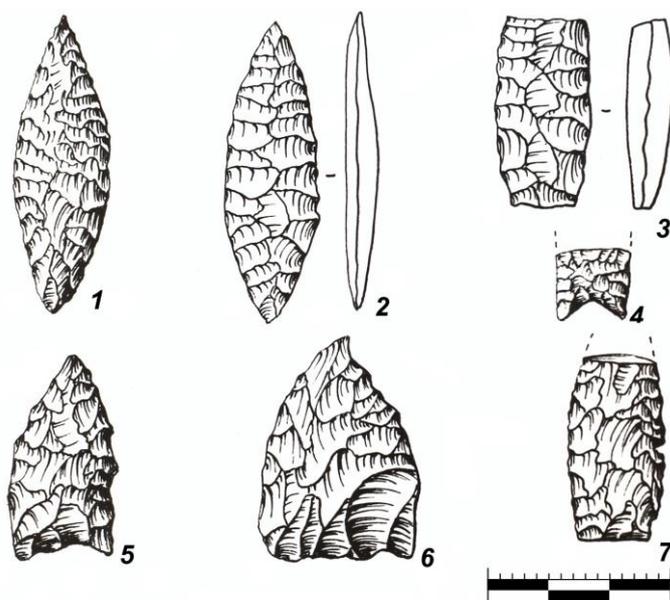

Рис. 6. Кремневые наконечники стрел неолитического (1, 2) и гаринского (3-7) типов. (1, 4-7 – из раскопок А.В. Шмидта 1925 г.; 2, 3 – из сборов С.М. Сергеева)

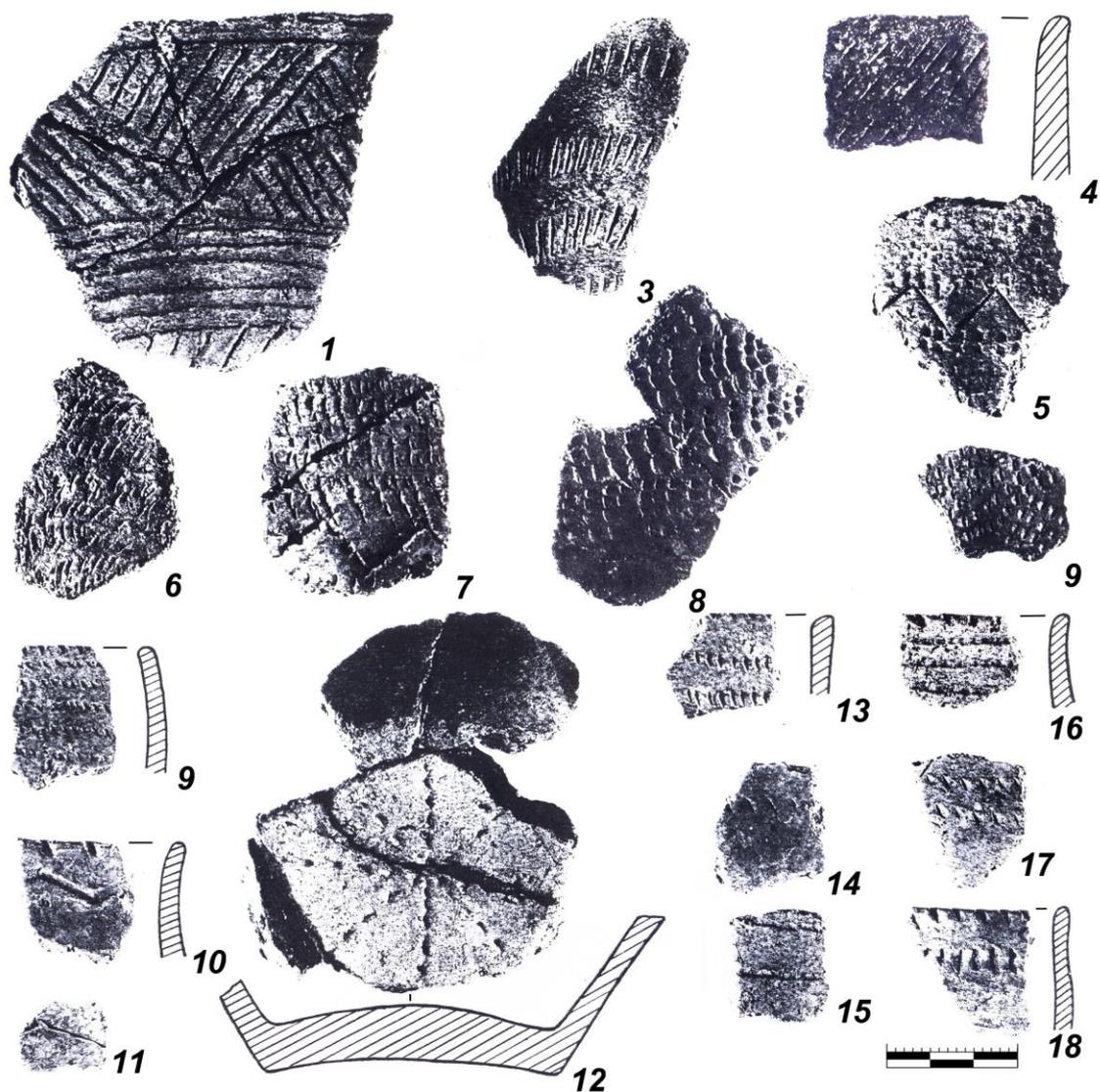

Рис. 7. Керамика поздненеолитического типа (накольчатый комплекс)

Мельничук А. Ф.

(Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь)

Вильданов Р. Ф.

(Пермский краевой научно-производственный центр по охране памятников, Пермь)

Голдобин А. В.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

Головчанский Г. П.

(Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь)

ИСТОКИ ВОСТОЧНО - РИМСКОЙ УТВАРИ И МОНЕТНОГО МАТЕРИАЛА НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКАХ АРХЕОЛОГИИ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ

Ключевые слова: Верхнее Прикамье, Восточно-Римская империя, торевтика, монеты.

Рассматриваются известные и новые находки предметов восточно-римского происхождения на территории Верхнего Прикамья, фиксирующие дальние опосредованные контакты лесного Приуралья с мировой империей раннего средневековья в VII – XIII вв.

Melnichuk A.F.

(Perm State National Research University, Perm)

Vildanov R.F.

(Perm Region Research and Production Centre for Monument Protection, Perm)

Goldobin A.V.

(Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm)

Golovchansky G.P.

(Perm State National Research University, Perm)

ORIGINS OF THE EAST ROMAN UTENSILS AND COIN MATERIAL FROM THE MEDIEVAL ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE UPPER KAMA REGION

Keywords: Upper Kama Region, Eastern Roman Empire, toreutics, coins

Known and new items of the East Roman origin on the territory of the Upper Kama region are addressed. The findings record long range indirect contacts of the sylvan Urals with the world empire of the early Middle Ages in the 7 – 13th centuries.

С эпохи раннего железного века в Верхнее Прикамье начинается активное поступление предметов «дальнего» импорта, изготовленных на территориях южных и юго-восточных цивилизаций (Вильданов, Мельничук, 1999; Лепихин, Мельничук, и др., 2002; Лепихин, Мельничук и др., 2003; Мельничук, Лепихин, Вильданов, 2004). Экспансия гуннов вызывает небольшое затухание процесса. Новый всплеск поступлений «дальних» импортных изделий в регион возрождается в конце V – начале VII вв. и связан, в первую очередь, с цивилизациями Средней Азии (Сасанидский Иран, Древний Хорезм, Согд) и Восточно-Римской (Византийской) империей. Эти процессы нашли отражение в многочисленных диссертациях и публикациях (Теплоухов, 1895; Кропоткин, 1967; Лещенко, 1971; Даркевич, 1976; Морозов, 1996; Безруков, 2005; Валеев, 2011; Голдина, 2012; Чичко 2014; Обидённый и др., 2015 и др.).

В своей работе мы рассмотрим истоки поступления предметов Восточно-Римской империи. В хронологическом плане поступление восточно-римского импорта (драгоценной утвари и монет) в таёжное Приуралье большинством исследователей определяется в рамках двух временных стадий: 1) конец V–VIII вв.; 2) конец X – первая половина XIII вв.

Восточно-римские предметы из драгоценного металла (кроме украшений), за исключением одной монеты в Демёнковском некрополе ломоватовской культуры, найдены в т. н. «кладах восточного серебра», где они обычно сочетаются с материалами среднеазиатских цивилизационных центров, прежде всего, Сасанидского Ирана и Согда, реже Хорезма. В диссертации В.Ю. Лещенко отмечено 24 ранневизантийских сосуда и несколько чаш, которые он определял как предметы византийско-европейского круга (IX–XII вв.) (Лещенко, 1971, с.18).

Л.А. Мацулевич, обратившись к детальному изучению раннего восточно-римского серебра, обнаруженного в Прикамье, установил, что во второй половине I тыс. н. э. «время притока византийских серебряных сосудов не может быть далеко отодвинуто от времени их изготовления, следовательно, существовали прямые пути, соединявшие Прикамье и Византию» (Мацулевич, 1940, с.74). Самые ранние ромейские сосуды этого периода, найденные в Верхнем Прикамье близ г. Чердыни и в Усть-Кишерти (бассейн р. Сылва), датированы исследователем первой половиной VI века. Первый сосуд, изготовленный мастерами Константинополя, найден в окрестностях г. Чердыни в середине XIX века. Он представляет собой серебряный ковш с медальном в центре, где рельефно изображена сцена измерения двумя эронтами уровня воды в Ниле. Ручка сосуда декорирована образом Нептуна с трезубцем, попирающим рыбу; на оборотной стороне ручки – 4 клейма императора Анастасия I (491–518) (Залеская, 2006, с.55, рис.24). Вторым сосудом (место изготовления Константинополь) является блюдо с изображением розетки, отмечен на дне 5 клеймами императора Юстиниана I (527–565). Самое позднее восточно-римское блюдо этого временного диапазона (с изображением Силена и Менады), входило в состав Мальцевского (Калгановского) клада в бассейне р. Иньвы. Время и место его изготовления – 20-е гг. VII в., Константинополь – определено Л.А. Мацулевичем по клейму императора Ираклия (Гераклия) I (610–641). В состав клада, помимо описанного А. Л. Мацулевичем ромейского сосуда, входили и другие восточно-римские изделия из драгоценного металла. Среди них еще два блюда (одно из них фрагментированное) с изображением креста в венке, которые также датированы эпохой императора Ираклия I (Константинополь, 610–629/30). Эти блюда сопровождали серебряные гривны «глазовского типа» (IX–X вв.) и восточно-иранское блюдо согдийской школы, которое, по Б.И. Маршаку, датировано рубежом VII–VIII вв. (Тревер, Луконин, 1987, с. 123; Маршак, 1971, с.91, рис.4). Смущает лишь одно, – что на дне блюда, проанализированного А.Л. Мацулевичем, имеется славянская надпись-граффити «*Андреу*» (Теплоухов, 1895, с. 255). Это свидетельствуют о том, что данный сосуд с клеймами императора Ираклия I, скорее всего, мог поступить в Верхнее Прикамье в X–XII вв. с территории Древней Руси. К сожалению, графологическое изучение данного граффити не проводилось.

Один из самых ранних восточно-римских сосудов в Верхнем Прикамье получен К.М. Русановой в ходе разведки (1974) от жительницы д. Сальниково в бассейне р. Косы Коми-Пермяцкого автономного округа (Русанова, 1974; Русанова, Поляков, 1975, с. 174–175). Это блюдо диаметром 27,3 см было найдено на пашне в конце 50-х гг. XX века. Вместе с ним обнаружена гривна

«глазовского» типа, которая не сохранилась. На поверхности блюда-дискоса отмечается изображение «георгиевского» креста, на оборотной его стороне – 4 клейма, относящихся, по заключению сотрудника Государственного Эрмитажа Г.Д. Белова, к эпохе императора Анастасия I (491–518), и славянская надпись-граффити «Еуфим» (Русанова, 1974, с. 8).

Ранние восточно-римские сосуды содержались в Слудкинском кладе (устье р. Обвы, прав. приток р. Камы). Среди них блюда – с изображением сцены спора Аякса и Одиссея из-за оружия Ахилла (VI в.), и с изображением коня под деревом с 5 клеймами времени императора Юстиана I Великого (Константинополь, 527–565), с рельефным изображением креста в венке (Константинополь, 610–633) и с клеймом императора Ираклия I (610–641). Ромейским сосудам сопутствовали согдийская (первая половина VIII в.) и хоросанская (XI–XII вв.) серебряные чаши. Высказано предположение, что клад был закопан в XI–XII вв. (Тревер, Луконин, с. 122, Залеская, 2006, с. 58–5; 63 – 65, 71, рис. 25, 33, 40).

Группа ранних ромейских сосудов выявлена в Климовском кладе (бассейн р. Иньва). Среди них блюда с пасторальной сценой (Константинополь, предположительно 530-е гг.) с 5 клеймами времени императора Юстиана I Великого, с крестом в венке (Константинополь, 603–610 гг.), с 5 пробирными знаками императора узурпатора Фоки (602–610) и просто с крестом из Восточного Средиземноморья (VII в.). С ними найдены: сасанидские блюдо периода Шапура III (383–388), блюдо с изображением «часов Хосрова» (VII в.), а также согдийский сосуд – VIII в. (Тревер, Луконин, с. 125; Залеская, 2006, с. 56–58, 68–69, 77, рис. 25, 37, 53).

Ещё одно малоазийское блюдо VI в. со сценой кормления змей происходит из собрания Строгановых, и его местонахождение, очевидно, связано с их прикамскими вотчинами (Залеская, 2006, с. 65–66, рис. 34). В 1911 г. блюдо с изображением креста в венке из виноградной лозы с клеймами императора Ираклия I (610–629/30, Константинополь) найдено близ д. Пятигоры – Гайнский район, прав. берег р. Камы (Залеская, 2006, с. 72, рис. 43).

Представляет интерес серебряный кувшин с изображением nereиды, поступивший в фонды Государственного Эрмитажа в 1925 г. из Прикамья. Сосуд изготовлен в Константинополе в пределах 641–651 гг. и отмечен пятью клеймами императора Константа II (Залеская, 2006, с. 74–75, рис. 49). По мнению Л.А. Мацулевича, из Пешнигорского клада (бас. р. Иньвы) происходит ковш со сценами рыбной ловли (Константинополь, 641–651), также отмеченный пробирными знаками императора Константа II (Залеская, 2006, с. 76, рис. 50).

Исключительно любопытна чаша полусферической формы, поступившая в фонды Государственного Эрмитажа в 2001 г. из собрания И.И. Гуляева (Пермь). На чаше восточно-средиземноморского происхождения (VII в.) представлено гравированное изображение человека, руки которого зажаты надетой на шею колодкой. По мнению Б.И. Маршака, данное изображение связано с демонологическими образами, свойственными для Волжской Булгарии, и нанесено на поверхность сосуда намного позднее его изготовления (Залеская, 2006, с. 77–78, рис. 56). Очевидно, этот уникальный предмет поступил в Верхнее Прикамье по Камскому торговому пути прямо из государства волжских булгар в X–XI вв. К сожалению, точное местонахождение находки не установлено: не исключено, что она поступила к пермскому антиквару И.И. Гуляеву от археологических мародёров.

Необходимо отметить находки еще четырех восточно-римских ранне-ираклийских сосудов, найденных за пределами Пермского края в верховьях

р. Вятки (Турушево – блюдо с восьмилепестковой розеткой, изготовленное в Константинополе в пределах 610–629/30 гг. с клеймами Ираклия I; блюдо с крестом в венке, изготовленное в Константинополе в пределах 641–651 гг. с клеймами времени императора Константа II и греческой надписью на дне), в бассейне р. Чепцы (Карасево – гладкое блюдо VII в. из Восточного Средиземноморья), и в самых верховьях Камы (Томыз – блюдо с розеткой, изготовленное в Константинополе в 610–629/30 гг., с пробирными знаками Ираклия I), которые также совмещаются в кладах с сасанидской драгоценной утварью и «глазовскими» гривнами, как в подобных собраниях серебряных изделий географически близкого Верхнего Прикамья (Даркевич, 1976, с. 10, 13, 36; Залесская, 2006, с. 72–73, 76–77, рис.44, 46, 51, 54).

Следует признать то, что восточно-римские блюда, произведенные в Ромейской державе в VI–VII вв. (по Л.А. Мацулевичу), вряд ли могли попасть непосредственно в Верхнее Прикамье в течение небольшого временного промежутка после их изготовления. Ромейские сосуды со славянскими граффити на днищах, вероятно, связаны с Древней Русью второй половины X – XII вв. Часть восточно-римской драгоценной утвари поступала в Верхнее Прикамье из Средней Азии – об этом свидетельствует наличие в таёжном Приуралье византийских сосудов с клеймами императора Юстиниана I (блюдо, изготовленное в Константинополе ок. 550 г. с изображением Ахилла и Брисеиды – прав. берег р. Бартым) и со штампами времени императора Константа II (с розеткой, из д. Мартыново, бассейн р. Иньвы, изготовленное в Константинополе в пределах 651–668 гг.), на которых соответственно отмечаются надписи бухарским вариантом согдийского письма («Государь Бухары Дазой») и среднеазиатскими (хорезмийскими) письменами (Лившиц, Луконин, 1964, с. 167; Лещенко, 1970; Маршак, 2006, с. 73; Залесская, 2006, с. 59–60, рис. 27). Б.И. Маршак заключает, что «согдийцы, которые господствовали на Шёлковом пути с III по начало IX вв., участвовали не только в торговле, но и в обмене художественными мотивами между Римом и Византией, с одной стороны, и Центральной Азией и Китаем, с другой. Кроме того, византийское влияние на согдийскую торевтику позволяет предположить, что немало сосудов этой страны попадало в Согд» (Маршак, 2006, с. 74). Исследователь всё же полагает, что «византийские торговцы, возможно, сами путешествовали по Меховому пути, конкурируя или сотрудничая со среднеазиатскими. Иначе трудно было бы объяснить, почему среднеазиатские надписи есть только на 11,7 % византийских сосудов VI–VII вв. из Прикамья, в то время как на сасанидских IV–VII вв. их 20, 6%. Надо отметить, что кто-то завёз около 300 серебрянных монет Ираклия в языческое святилище в Бартыме (Прикамье)». Характерно, что ученый определяет внезапное прекращение византийского импорта в таёжную зону Приуралья с появлением на исторической сцене Восточной Европы Хазарского каганата во второй половине VII в. (Маршак, 2006, с. 75).

Значительный выброс монет восточно-римского императора Ираклия I (610–641) и его сына – соправителя Константина III (Ираклий–Константин, 612–641) отмечен в бассейне р. Сылвы (Бартым – 272 экз.; Усть-Сылва – 6 экз.; Шестаково – 10 экз.) (Бадер, Смирнов, 1954, с.19, рис.8; Казаманова, 1957; Мельничук и др., 2004, с. 126). Уникальность массового поступления этих монет в том, что они чеканены в очень узкий хронологический период с 615 по 632 гг., до объявления императором Ираклием I своим вторым соправителем младшего сына от второго брака Ираклия (Ираклеона) II (632–641) (Казаманова, 1957; Мельничук и др., 2004, с. 126). Такого значительного поступления гексаграммов Ираклия I –

Константина III в варварский мир таежных пространств Восточной Европы больше нигде не наблюдается. Характерно, что данные монеты имели прекрасную сохранность, они не использовались в обращении или в качестве декоративных украшений женского костюма. По В.В. Кропоткину, чекан бартымских гексаграммов не был вообще никогда в употреблении (Кропоткин, 1967, с. 50).

Сложен вопрос о путях поступления в таёжные области Прикамья восточно-римской драгоценной утвари и нумизматического материала вкупе с сасанидским и согдийским серебром. Многие исследователи считают, что восточно-римское серебро поступало в Пермский край в «до арабское» время из Центральной Азии (Теплоухов, 1895) и поддерживают мнение А.В.Шмидта о наличии сухопутного торгового пути, который шёл из среднеазиатского цивилизационного пояса через степные пространства в Башкирию, а затем по рекам бассейна р. Сылва – в северотаёжные области Верхнего Прикамья (Шмидт, 1925; Бадер, Оборин, 1958, с. 166; Лещенко, 1971, с. 20-21; Иванов, 1998, с.58, 110; Голдина, 2012, с. 117; Чичко, 2013, с. 46).

Мы не отрицаем, что часть ромейской драгоценной утвари, особенно с среднеазиатскими граффити, следовало сухопутным путем из Центральной Азии через Башкирию в Прикамье. Однако полностью игнорировать мнения Л.А. Мацулевича и В.В. Кропоткина о поступлении восточно-римского серебра в Приуралье из сферы влияния Ромейской державы (Крым, особенно Кавказ) вряд ли продуктивно. Монетный материал Восточно-Римской империи, в отличие от драгоценной утвари, совершенно не отражён на территории Башкирии и крайне непредставителен в среднеазиатском регионе, где из нумизматических находок, связанных с соправителями Ираклием I и Константином III, отмечены один солид и один брактеат (Киргизия), один брактеат (Таджикистан) и одна индикация монеты (Андижан, Узбекистан) (Кропоткин, 1962, с. 46, 51; 1965, с. 186). Отсюда следует, что значительный выброс гексаграммов Ираклия I и его соправителя Константина III осуществлялся не из областей Средней Азии, а с окраинных территорий ромейской державы или пограничных с ней районов (Кавказ, Северное Причерноморье).

В свое время И.Ю. Пастушенко высказал мнение, что столь объёмное поступление гексаграммов Ираклия I – Константина III в бассейн р. Сылвы обусловлено политической обстановкой в Малой Азии, связанной с продолжительной войной между Восточно-Римской империей и Сасанидским Ираном, которая закончилась в 628 г. после убийства Хосрова II. В этой войне, основным театром действий которой было Закавказье, в качестве союзников Ираклия I выступили хазары. Именно они могли получить в качестве оплаты за военные услуги, помимо золотых солидов, значительное количество серебрянных гексаграммов и слитков, и использовать этот драгоценный металл в качестве товарного эквивалента в меховой торговле со средневековыми общинами древних жителей бассейна р. Сылвы (Пастушенко, 1997, с. 36–37). Еще раньше о связи распространения в таежных районах Волго-Камья гексаграмм первых представителей Ираклийской династии с хазарами писал А.Г. Мухамадиев, сделавший вывод о том, что «гексаграммы Ираклия встречаются, кроме Северного Кавказа, в Поволжье и Приуралье», и это явление, «по-видимому, связано с деятельностью хазар. Однако в VII в. ограниченное обращение монет как платежных средств, несомненно, происходило на Северном Кавказе, где располагались более ранние политические центры хазар» (Мухамадиев, 1990, с.29). Близкой точки зрения придерживался В.Ю. Морозов, утверждавший, что «сасанидские и византийские монеты поступали в регион по Волжскому пути в

ранний период (к. V – к. VII вв.)), а большая часть византийских и сасанидских сосудов связаны с их поступлением из исторических областей Средней Азии (Морозов, 1996, с. 156–158). О непосредственной связи Прикамья с Закавказьем, осуществлявшейся «посредством прямых контактов по Волге и Каме в сравнительно короткий отрезок времени (вторая половина V – середина VII вв.)», пишет А.В. Безруков (Безруков, 2005, с. 128).

Эту точку зрения поддержали в своё время авторы данной статьи, отмечая значительное число серебрянных гексаграммов Ираклия I и его соправителя Константина III в Закавказье, особенно, в Армении (Мельничук и др., 2004, с.128–129). Однако точка зрения И.Ю. Пастушенко не нашла поддержки у Р.Д. Голдиной, которая, ссылаясь на А.В. Комара, отмечала, что выплаты варварам ромей «производили преимущественно в золотых солидах» (Голдина, 2012, с.115). Например, согласно мнению сербского исследователя И. Ковачевича, с 558 по 626 г. авары получили из Византии приблизительно 6 млн. солидов, т. е. – до 26 т золота (Цит: Соколова, 1993, с.148). Однако кочевники помимо золота могли частично довольствоваться серебром, которое широко применялось в изготовлении декоративных украшений костюма раннесредневекового степного населения Восточной Европы. Следует также отметить, что в Перещепинских сокровищах серебряная, в основном, восточно-римская посуда (19) превалирует над золотыми сосудами (16). По данным Б.И. Маршака, в VIII–IX вв. уже и сами хазары на привозном сырье производили серебряные сосуды, один из которых, выполненный в стиле согдийской кружки, оказался в Прикамье (Маршак, 2006, с.75–76).

По мнению Р.Д. Голдиной, в виду того, что как государство Хазарский каганат политически оформился только во второй половине VII в., вряд ли следует связывать с ним бартымские древности, включая восточно-римские монеты родоначальников Ираклийской династии. Исключительный интерес вызывает вывод исследователя о том, что следует уделять внимание не хазарским, а раннеболгарским древностям, которые «появились в непосредственной близости от неволинской территории на рубеже VII – VIII вв.» (Голдина, 2012, с. 115). Следует отметить, что предтечей Хазарского каганата в Приазовье и Причерноморье являлось кратковременное раннегосударственное образование Великая Болгария с центром в Фанагории во главе с ханом Кубратом, которое, по Г.С. Литаврину, было оформлено в 632 г., а по С.А. Плетнёвой – в 640 г. (Литаврин, 1985, с.132-140; Плетнёва, 1986, с. 20-21), и существовало как сложное вождество вплоть до смерти своего основателя около 660 г. (Мингазов, 2013, с.10). По письменным источникам известно, что Кубрат имел дружеские отношения с императором Ираклием I, даровавшим ему сан патрикия (Чичуров, 1980, с.161). К настоящему времени, после долгой полемики с И. Вернером, российские археологи признали, что Перещепинские древности связаны с захоронением хана Кубрата во второй половине VII вв. (Залеская и др., 1997; Львова, 2002, с.20–23). По мнению исследователей, многие византийские драгоценные предметы и монеты вошли в состав Перещепинских сокровищ в качестве «дипломатических даров, когда аварская угроза была отведена от Византии» (Залеская и др., 1997, с.74–75). Таким образом, тесные отношения хана Кубрата с ранними представителями Ираклийской династии создавали серьёзные предпосылки для аккумуляции на обширных пространствах Великой Болгарии (Северное Причерноморье, Приазовье, Прикубанье) восточно-римской драгоценной утвари и монет. Именно отсюда восточно-римское, в первую

очередь, ираклийское, серебро могло проникать по течению Дона, а затем Волги в таёжное Прикамье в середине – второй половине VII века.

Очень заманчиво было бы предполагать, что ранние болгары могли участвовать в закавказских походах 626–630 гг. вместе с тюркютами и хазарами в антисасанидской коалиции, созданной Ромейской державой и Западно-Тюркским каганатом. М.И. Артамонов отмечал, что самих тюркютов в Закавказье было мало, и состав союзников Ираклия I был достаточно разнороден: среди основного воинского массива хазар, вероятно, имелись отряды болгарских всадников (Артамонов, 1962, с.155). Предположение М.И. Артамонова пытаются развить археологи Поволжья и Приуралья при интерпретации материалов одного из погребений Шиловского могильника в Ульяновском Поволжье, где найдено захоронение воина с просверленным золотым солидом Ираклия I и его соправителя Константина III, а также с костяными пластинами, на которых, по мнению авторов, «запечатлён только победоносный поход», очевидно, связанный с закавказскими военными действиями 626–630 гг. антисасанидской коалиции Ромейской державы и Западно-Тюркского каганата с привлечением местных племенных объединений савиров, хазар и болгар-барсиллов (Багаутдинов, Зубов, 1998, с. 256; Багаутдинов и др., 1998, с. 105–109; Обыдённов и др., 2015, с. 315). В то же время Л.Н. Гумилёв отмечал: «чрезвычайно существенно, что в закавказских походах болгары не участвовали. Но это понятно, если учесть, что авары держали под своим контролем всю... область причерноморских степей до Дона. Тюркютский джабгухаган был бы крайне наивен, если бы оставил эту границу незащищенной. По-видимому, ее охрана была поручена именно болгарам, что находит подтверждение в дальнейшем ходе событий» (Гумилёв, 2003, с.33). Однако сейчас следует признать, что приоритетно выброс серебрянных восточно-римских монет во второй половине VII в. осуществлялся через посредничество ранних болгар, которые к этому времени почти достигли территории Среднего Поволжья, где впоследствии сформировалась Волжская Булгария (Матвеева, 1997, с. 93–94; Багаутдинов и др., 1998).

О том, что поступление серебрянных гексаграммов Ираклия I и Константина III в таёжное Прикамье осуществлялось по Волго-Камской речной магистрали, свидетельствуют новейшие случайные находки этих монет в районе перелома Дона с Волгой (2 экз.) и в Саратовской области (2 экз.). Учитывая дружественные отношения хана Великой Болгарии Кубрата с ромейскими правителями Ираклийской династии во второй-третьей четвертях VII в., можно с определенной долей вероятности согласиться с предположением В.Ю. Морозова, что часть восточной серебрянной утвари, сасанидских драхм (в том числе, Хосрова II) и почти все гексограммы в бассейн р. Сылвы (Бартым, Шестаково, Усть-Сылва) могли доставить восточно-римские купцы, которым патронировали ранние болгары (Морозов, 1996, с.157).

В связи с этим следует обратить внимание на ареал распространения именьковской культуры (Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье), где выявлен, на наш взгляд, представительный комплекс сасанидских монет (10 сер. V – сер. VI вв. (Морозов, 1998, с. 379). Необходимо отметить, что именьковскими общины активно контактировали в Среднем Поволжье с кочевым населением, рассматриваемым исследователями преимущественно как раннеболгарское (Матвеева, 1997, с. 93).

Таким образом, по Волге в таёжное Прикамье проникало также и сасанидское (особенно монетное) серебро к. VI – первой половины VII вв., выбросы которого в Закавказье, как и ираклийских серебрянных гексаграммов и

сосудов, были значительны. Основными посредниками этого торгового потока, очевидно, были ранние болгары в период существования Великой Болгарии (вторая – третья четверти VII в.), а затем, с возникновением Хазарского каганата, именно они могли оставаться важным связующим звеном в торговле с таёжными областями Приуралья, вплоть до формирования государства Волжская Булгария в X веке.

На территории Верхнего Прикамья после мощной аккумуляции серебряных гексаграммов Ираклия I с соправителем Константином III в бассейне р. Сылвы, новые поступления восточно-римских монет, очевидно, были крайне редки. В новейшее время отмечено только 2 пункта таких находок.

В ходе исследования Демёнковского некрополя ломоватовской культуры (бассейн р. Обвы) в детском захоронении 158а была найдена монета, определенная Р.Ф. Вильдановым как индикация восточно-римского солида Константа II (641–668), сына Константина III и внука Ираклия I (Мельничук, Кузьминых, 2008, с. 470–471). Монета с отверстием для подвешивания потёрта и имеет неудовлетворительное состояние. Ее поверхность местами покрыта патинированными медными окислами. Металл определен как бронза, покрытая тонким слоем золота, это т. н. субэратная (плакированная) монета. Ее размеры 20, 5 x 20 мм, вес 2,58 г. На аверсе монеты наблюдается плохо различимый бюст императора анфас в головном уборе с крестом. Надпись не различима или отсутствует. На поверхности аверса различимо граффити, напоминающее по вертикали букву «З» или древнегреческую сигму. Этот знак, размещенный по горизонтали индикации, Р.Ф. Вильданов атрибутирует как древнееврейское обозначение «сиин» (S), считая, что граффити отражает хазарский след в истории этой монеты. Граффити нанесено в левой нижней части бюста монарха. Близкое начертание знака отмечено на хазарской монете VIII–IX вв., найденной в Швеции, на которой отмечены арабская и хазарская рунические надписи. Данные об этой монете приводит А.Г. Мухаммадиев в своем труде, посвященном древним монетам Казани, ссылаясь на работу Габора Хоссу «Наследие писарей» (2012 г. – рис. 7/2. II/c) (Мухаммадиев, 2005). На реверсе деменковской монеты отмечена голгофа в три ступени, на которой помещен костыльный крест или крест potent. По окружности слабо различима надпись VICTORIA AVGVII.

Индикация была найдена около челюстных костей погребённого. Из датирующих предметов рядом с ней находилась медная височная подвеска с полый привеской в виде шара (отдел А, тип 1 по Р.Д. Голдиной), которая синхронизируется с демёнковской стадией ломоватовской культуры – конец VII – VIII вв. (Голдина, 1985, с. 34, табл. I/1). Следует отметить, что в одном ряду с погребением 158а, где обнаружена индикация, в захоронении воина (№ 164) найдена хорошо сохранившаяся драхма Хосрова II Парвиза, чеканенная в 624/625 гг. в г. Шираз провинции Фарс (определение Р.Ф. Вильданова). Ей сопутствовал бронзовый пояс с квадратными штампованными накладками с прорезью в основании, свойственный демёнковской стадии ломоватовской культуры (к. VII–VIII вв.). Нам представляется, что данная монета (как и гексограммы, найденные на памятниках бассейна р. Сылва) проникла в бассейн Обвы по Волго-Камскому пути. Находки индикаций золотых восточно-римских солидов крайне редки, но они встречаются иногда как на Северном Кавказе (две ираклийские индикации), так и в Средней Азии (8 монет, из которых 4 ираклийские). Следует отметить, что в Казахстане найдена индикация Константа II (641–668) (Кропоткин, 1962, с. 30, 46, 47).

Таким образом, следует признать, что восточно-римские предметы, особенно монетное серебро, проникали в таёжное Прикамье в значительной степени по Волго-Камской речной магистрали, особенно в период существования в Причерноморье и Приазовье Великой Болгарии Кубрата (вторая – третья четверть VII вв.), имевшей тесные связи с Ромейской державой. Проникновение также связывается с началом продвижения ранних булгар в Среднее Поволжье к концу VII века. Мы склонны, вслед за М.Ф. Обыдённовым и его коллегами, не постулировать наличие «проторенных торговых путей в таежное Приуралье с регулярной многовековой «торговлей купцов из Средней Азии» и, соответственно, ареала Восточно-Римской империи, и согласны с тем, что на характер этих связей сильно сказывался «фактор перманентной военно-политической нестабильности Урало-Аральского региона VI–VII вв.», а также степных пространств Восточной Европы. В связи с этим нас привлекает положение исследователей, что «обстоятельства политических военно-конфликтных взаимоотношений Византии и Ирана в этот период, рикошетом» сказывались «и на их соседях к северу от Каспия либо степным транзитом, либо Волго-Камским» (Обыдённов и др., 2015, с. 315–316).

Вторая волна поступлений восточно-римской драгоценной утвари относится к концу X – первой половине XIII вв. Она связана со становлением и развитием государственных образований Волжская Булгария и Древняя Русь, которые оказывали серьёзное влияние на ближнюю периферию финно-угорского мира, в частности, на общины жителей таёжного Верхнего Прикамья (Мельничук, Оборин, 1989; Белавин, 2000; Мельничук, 2005; Валеев, 2011).

В этот период в регион поступила лишь одна восточно-римская монета. Она была найдена в ходе раскопок 1988 г. поселения Рассолы (автор раскопок Г.А. Бординских; Соликамский район, лев. берег р. Боровой, лев. бер. р. Камы). В слое, где фиксировались остатки соледобычи эпохи родановской культуры (X–XIII вв.), был найден серебряный миллиариссий чекана императора Романа I Лакапина (Узурпатора) и его старшего сына Христофора (921–931). Из датируемых вещей в слое с монетой обнаружена бронзовая колоколовидная привеска, имеющая широкий хронологический спектр – IX–XIII вв. (Бординских, Матушкин, 2006, с.93). Время чеканки монеты (первая – вторая четверти X в.) соответствует периоду, когда прямых связей Прикамья с Древней Русью не существовало, что, казалось бы, заставляет предположить поступление её в регион из Волжской Булгарии. Однако, по сводкам В.В. Кропоткина, Волжская Булгария не входила в ареал восточно-римского монетного обращения. На её территории известна лишь одна медная монета императора Феофила (829–842) (Кропоткин, 1962, с.32). На монетном рынке Волжской Булгарии полностью доминировали среднеазиатские, в большей степени – саманидские дирхемы (Валеев, 2009, с.37). В то же время, монетное восточно-римское серебро было широко распространено в Древней Руси, не только в её южных регионах, но и в северных (Даркевич, 1985, табл.108). Если брать монеты чеканки Романа I Лакапина, то они отмечены на территории Украины, Белоруссии, Эстонии, Смоленской, Новгородской и Псковской областей России (Кропоткин, 1962, с.26–27, 33). Таким образом, миллиариссий Романа I Лакапина и его соправителя Христофора, скорее всего, мог попасть в Прикамье в результате опосредованных связей с представителями Древней Руси в XI – начале XII вв. В качестве гипотезы можно связать ряд восточно-римских находок, поступавших в бассейн верхнего течения р. Камы, с древнерусскими воинами, очевидно, периодически посещавшими этот регион в конце X – XI веках. С этими посещениями, вероятно,

связаны находки каролингских мечей (Селезни, Гавриково) и знаки Рюриковичей (Макаров и др., 2011, с. 108; Маршак, 2006, с. 77; Крыласова, 1995; Белавин, Крыласова, 2008, с.388. Вклейка, р. 10).

В конце I – начале II тыс. восточно-римский импорт представлен в основном драгоценной утварью. Исключительный интерес представляют сосуды восточно-римского производства, к которым мы уже обращались в данной статье. На их днищах отмечаются славянские, очевидно, древнерусские надписи (Мальцево, Сальниково). Предметы представляют образцы ранней ромейской торевтики VI – VII вв. Блюдо из д. Сальниково (бассейн р. Косы, прав. пр. р. Камы) обладает клеймами императора Анастасия I (491–518) и славянской надписью-граффити на дне «Еуфим». Однако следует отметить, что с ним была обнаружена серебряная глазовская гривна, что повышает время сокрытия клада до XI–XII в. (Русанова, 1974, с. 8).

Сосуд из Мальцевского клада (бассейн р. Иньвы, прав. пр. Камы) с клеймами императора Ираклия I (610–641) имеет на днище славянскую надпись-граффити «*Андреу*». Помимо него в состав клада входили ещё два ираклийских блюда, согдийский кувшин (рубеж VII – VIII вв.), а также 6 серебряных глазовских гривен IX–X вв. (Тревер, Луконин, 1987, с. 123; Маршак, 1971, с. 91, рис.4). Таким образом, собрание этих артефактов было захоронено, очевидно, в XI – XII вв. Нам сложно объяснить, каким образом столь ранние восточно-римские сосуды долго хранились в каких-то сокровищницах Древней Руси, чтобы затем оказаться в таёжном Приуралье. А.М.Белавин объясняет появление ромейской серебряной посуды со славянскими (древнерусскими) надписями в Верхнем Прикамье, как результат «транзитной торговли через Волжскую Болгарию в Приуралье IX–XIII вв.» (Белавин, 1998, с. 170). Однако в пределах Волжской Булгарии практически нет находок не только восточно-римских монет, но и драгоценной утвари ромейского производства. В связи с этим мы склоняемся к мысли, что эти раритеты поступили в бассейн верхнего течения р. Камы из северных областей Древней Руси. Именно через северорусские земли, по В.П. Даркевичу, осуществлялся вторичный импорт поздневизантийских сосудов в Приобье, а также, очевидно, и в Верхнее Прикамье (Даркевич, 1975, с. 267).

В этой связи интерес представляет поздневизантийская чаша (X–XII вв.) из д. Пеняхино (Соликамский район, ближе к устью р. Вишеры), найденная в 1949 г. (Бадер, 1951, с. 93–94, рис.26). На ней среди различных рельефных сюжетных изображений выделяется центральная фигура святого Феодора Стратилата. На пеняхинском сосуде по его верхнему краю отмечается греческая надпись, переведенная следующим образом: «*Господи помози рабу своему Феодору Туркелин (?)*». По О.Н. Бадеру, святой Феодор Стратилат был покровителем владельца чаши ромея Феодора Туркелина. Великомученик Феодор Стратилат широко почитался на Руси, особенно в её северных районах, где строились в честь святого храмы, например церковь Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде (ок. 1361 года) (Царевская, 2008).

По данным Б.И. Маршака, в конце 90-х гг. XX вв. Государственному Эрмитажу удалось приобрести в г. Перми «серебряный церковный сосуд – евхаристическую чашу XII в., выполненную в итало-византийском стиле. На ней есть так называемый знак Рюриковичей XII в. и русская надпись того же времени с точным обозначением веса сосуда» (Маршак, 2006, с.77). К сожалению, публикация Б.И. Маршака и Ю.А. Пятницкого, посвящённая этой яркой находке из Верхнего Прикамья, напечатанной в редком малотиражном издании, нам оказалась недоступна (Маршак, 2007, с. 82). Из с. Вильгорт происходит чаша XII

– начала XIII вв., которая по Б.И. Маршаку, имеет киликийское происхождение (Маршак, 2006, с. 77, ил. 6).

В работе А.В. Банк упоминается восточно-римская кружка из Березниковского краеведческого музея, условия находки которой неизвестны. Исследователь датировал этот сосуд XII в. (Банк, 1978, с.42–43, рис.29). В.П. Даркевич обратился к редкому произведению ромейского художника X в. (Плехановский клад, Соликамский район, прав. берег р. Камы), создавшего кружку, в декоре которой наблюдается «сплав византийских и танских элементов», что «позволяет предположить работу византийского мастера, знакомого с дальневосточными образцами (Даркевич, 1976, с.176, рис. 138/1–3).

Не отрицая возможности появления отдельных поздних восточно-римских сосудов в таежной зоне Приуралья и Западной Сибири в результате торговых связей с Волжской Булгарией, мы все же считаем приоритетным мнение В.П. Даркевича, по которому позднеромейская драгоценная утварь представляет собой вторичный импорт через северорусские земли в урало-сибирский финно-угорский мир XI–XIII веков. Это связано с тем, что на территории Волжской Булгарии, в отличие от древнерусских земель, практически нет восточно-римских монет и не известны находки ромейской драгоценной утвари. Важным фактом является то, что на восточно-римских сосудах из Верхнего Прикамья и Сибири отмечаются древнерусские граффити (4 случая). На знаменитой сибирской ромейской чаше из Березова наблюдается древнерусская надпись, гласящая, что чаша весит (или стоит) 35 гривен серебра, что сближает её с Евхаристической чашей из Перми, поступившей в фонды ГЭ в 2000 г. (Федорова, 2002, с. 7–9). В.П. Даркевич отмечал, что по стилю почерка надпись на березовской чаше близка к почерку новгородских берестяных грамот (Даркевич, 1975, с.395). Характерно, что в Верхнем Прикамье поздние ромейские сосуды, за исключением непаспортизированной находки из Перми, найдены в его северных районах, где такого мощного культурного влияния Волжской Булгарии, как на родановских памятниках Иньвенско-Обвинского поречья, в средневековом керамическом материале не наблюдается. По подсчётам одного из авторов статьи, на всю обширную территорию Северного Прикамья, начиная от устья р. Вишеры, при значительных раскопах средневековых городищ и селищ, найдено до 5 керамических сосудов Волжской Булгарии (Мельничук, Корчагин, 2003). Таким образом, свидетельств того, что на будущей исторической территории Перми Великой существовали фактории болгарских купцов, к настоящему времени нет. В то же время, именно в Верхнем Прикамье в погребальных комплексах родановской культуры возрастают находки западноевропейского монетного серебра XI–XII вв. Это же явление наблюдается на памятниках Перми Вычегодской, которые имели к концу XI в. прямые контакты с населением северных земель Древней Руси (Савельева, Клёнов, 1997, с.658, табл.1). Следует отметить, что определенная традиция наносить на серебряные сосуды граффити была свойственна именно древнерусским хозяевам этих вещей (Седова, 1964; Даркевич, 1975, с. 41; Медынцева, 2000, с. 152).

Литература:

- Артамонов, 1962.* – Артамонов М. И. История хазар. – Л.: ГЭ, 1962. – 523 с.
Багаутдинов, Зубов, 1998. – Багаутдинов Р.С., Зубов С.Э. Военный комплекс шиловских костяных пластин // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. – СПб: ГЭ, 1998. – С. 253–256.

- Багаутдинов и др., 1998.* – Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. – Самара, 1998. – 286 с.
- Бадер, 1951.* – Бадер О.Н. Камская археологическая экспедиция в 1949 // КСИ-ИМК. – М.: АН СССР, 1951. – XXXI. – С. 89–95.
- Бадер, Оборин, 1959.* – Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. – Пермь: Пермс. кн. изд-во, 1959. – 244 с.
- Бадер, Смирнов, 1954.* – Бадер О.Н., Смирнов А.П. «Серебро Закамское» первых веков н. э. Бартымское местонахождение // Труды ГИМ. – М., 1954. – Вып. XIII. – 26 с.
- Банк, 1978.* – Банк А.В. Прикладное искусство Византии IX–XII вв.: Очерки. – М.: Наука, 1978. – 312 с.
- Безруков, 2005.* – Безруков А.В. Торгово-экономические связи Волго-Камья с античным миром: Автореф. дис..... канд. ист. – Челябинск, 2005. – 22 с.
- Белавин, 1998.* – Белавин А.М. Камский торговый путь из Болгара в «страну Вису и Чулман» // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. – Казань: Мастер Лайн, 1998. – С. 161–171.
- Белавин, 2000.* – Белавин А.М. Камский торговый путь. – Пермь: ПГПУ, 2000. – 200 с.
- Белавин, Крыласова, 2008.* – Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ, 2008. – 603 с.
- Бординских, Матуцкий, 2006.* – Бординских Г.А., Матуцкий Н.В. Реконструкция солеваренного комплекса (по материалам раскопок поселения Рассолы на р. Боровой) // Оборинские чтения: Материалы археологических конференций. – Пермь: ПОКМ, 2006. – Вып. 4. – С.93.
- Валеев, 2009.* – Валеев Р.М. Булгарские клады как источник по развитию товарно-денежных отношений в Волжской Булгрии // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – История. Т. 2. (64). №4. – С. 32–39.
- Валеев, 2011.* – Валеев Р.М. Торговля в Поволжье и Приуралье: Автореф. дис... докт. ист. наук. – Казань, 2011. – 48 с.
- Вильданов, Мельничук, 1999.* – Вильданов Р.Ф., Мельничук А.Ф. Дальние юго-восточные связи населения Пермского Приуралья в раннем железном веке (по нумизматическому материалу Гляденовского костыща) // XIV Уральское археологическое совещание (21-24 апреля 1999 г.): Тезисы докладов. – Челябинск: Рифей, 1999. – С. 119-120.
- Голдина, 1985.* – Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 280 с.
- Голдина, 2012.* – Голдина Р.Д. Истоки «дальнего» импорта в Приуралье // Известия Коми научного центра Уро РАН. – Сыктывкар, 2012. – Вып. 2(10). – С. 108–198.
- Гумилев, 2003.* – Гумилёв Л. Н. Древние тюрки: История образования и расцвета Великого тюркского каганата (VI–VIII вв. н.э.). – СПб.: «Кристалл», 2003. – 145 с.
- Даркевич, 1975.* – Даркевич В.П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII вв. – М.: «Искусство», 1975. – 352 с.
- Даркевич, 1976.* – Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII – XII вв. – М.: Наука, 1976. – 200 с.
- Даркевич, 1985.* – Даркевич В.П. Международные связи // Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. – М.: Наука, 1985. – С. 387–399.
- Иванов, 1998.* – Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. – Ижевск: УДИИЯЛ, 1998. – 309 с.

- Залеская, 2006.* – Залеская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV – VII веков. Каталог коллекции. – СПб: ГЭ, 2006. – 272 с.
- Залеская и др, 1997.* – Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фонякова Н.А. Сокровища хана Кубрата: Каталог выставки. – СПб.: ГЭ, 1997. – 255 с.
- Казаманова, 1957.* – Казаманова Л.Н. Бартымский клад византийских серебряных монет VII в. // Труды ГИМ. – М., 1957. – Вып. 26. Ч. 2. – С. 70–76.
- Кропоткин, 1962.* – Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. – М.: АН СССР, 1962. – Е-4- 4. – 93 с.
- Кропоткин, 1965.* – Кропоткин В.В. Новые находки византийских монет на территории СССР // Византийский временник. – М., 1965. – Т. XXVI. – С. 166–189
- Кропоткин, 1967.* – Кропоткин В.В. Экономические связи восточной Европы в I тыс. н. э. – М.: Наука, 1967. – 135 с.
- Крыласова, 1995.* – Крыласова Н.Б. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника // РА. – 1995. – №2. – С.192-197.
- Лепихин, Мельничук и др., 2002.* – Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф., Овчинников С.С., Чуйкина Е.В. Бусы костяных гляденовской культуры как индикатор культурных опосредованных связей населения Среднего Приуралья с цивилизациями Востока и Античного мира // Древние этнокультурные связи финно-угров. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2002. – С. 125–128.
- Лепихин, Мельничук и др., 2003.* – Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф., Вильданов Р.Ф., Чуйкина Е.В. Культурные опосредованные связи населения Среднего Приуралья с цивилизациями Востока и Античным миром (по материалам Гляденовского костяка) // Труды КАЭЭ. – Пермь. ПГПУ, 2003. – Вып. III. – С. 44–49.
- Лещенко, 1970.* – Лещенко В.Ю. Новое византийское блюдо из Верхнего Прикамья // СГЭ.– Л.: ГЭ, 1970. – Вып. XXXI. – С. 49–51.
- Лещенко, 1971.* – Лещенко В.Ю. Восточные клады на Урале в VII – XIII вв. (по находкам художественной утвари): Автореф. дис..... канд. ист. – Л., 1971. – 21 с.
- Лившиц, Луконин, 1964.* – Лившиц В.А., Луконин В.Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах // ВДИ. – 1964. – № 3. – С. 167–176.
- Литаврин, 1985.* – Литаврин Г.С. Раннефеодальные государства на Балканах VI – XII вв. – М.: Наука, 1985. – 366 с.
- Львова, 2002.* – Львова З.С. Перещепинский клад в собрании Эрмитажа // Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 14: Седьмые Державинские чтения. «Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики». – СПб.: СПбГУ, 2002. – Ч. 1. – С.20–23.
- Макаров и др., 2011.* – Макаров Э.Ю., Мельничук А.Ф., Третьяков Д.В. Новые средневековые древности близ г. Чермоза Пермского края // Вестник Пермского университета. – 2011. – История. Вып. 1(15). – С. 104–113.
- Маршак, 1971.* – Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. – М.: Наука, 1971. – 191 с.
- Маршак, 2006.* – Маршак Б.И. Серебро за меха // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. – СПб.: ГЭ, 2006. – С. 72–82.
- Матвеева, 1997.* – Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. – Самара: Самарский ун-т, 1997. – 226 с.
- Мацулевич, 1940.* – Мацулевич Л.А. Византийский антик в Прикамье // МИА. – М.: АН СССР, 1940. – №1. – С. 139–158.
- Медынцева, 2000.* – Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. – М.: Наука, 2000. – 291 с.

- Мельничук, 2005.* – Мельничук А.Ф. Среднее Приуралье – перепутье средневековых торговых дорог // Вестник Пермского университета. – 2005. – История. Вып. 5. – С.177–186.
- Мельничук и др., 2004.* – Мельничук А.Ф., Вильданов Р.Ф., Голдобин А.В. Ранне-средневековый восточный монетный комплекс жертвенного места ломоватовской культуры в устье реки Сылва // Вестник Пермского университета. – 2004. – История. Вып.5. – С. 125–130.
- Мельничук, Корчагин, 2003.* – Мельничук А.Ф., Корчагин П.А. Новейшее изучение древнего Искора // Чердынский край: прошлое и настоящее: Материалы научных конференций. – Чердынь, 2003. –128 с.
- Мельничук, Кузьминых, 2008.* – Мельничук А.Ф., Кузьминых А.Ю. Новые исследования могильника Деменки // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. – Ижевск, 2008. – С.469–473.
- Мельничук, Оборин, 1989.* – Мельничук А.Ф., Оборин В.А. Связи финно-угорских племен Прикамья со славянами в XI–XV вв.// Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. – М.: Наука, 1989. – С. 79–81.
- Мингазов, 2013.* – Мингазов Ш.Р. Великая Болгария и роль тюркоязычных болгарских племен в истории Европы: Автореф. дис... канд. ист. – Казань, 2013. – 27 с.
- Морозов, 1996.* – Морозов В.Ю. Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. – Самара, 1996. – С. 128–164.
- Морозов, 1998.* – Морозов В.Ю. Использование находок Сасанидских монет для хронологии археологических памятников Поволжья и Прикамья // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. – Самара, 1998. – С. 295–302.
- Мухамадиев, 1990.* – Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1990. – 98 с.
- Мухамадиев, 2005.* – Мухамадиев А.Г. Древние монеты Казани. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2005. – 200 с.
- Обыдённов и др., 2015.* – Обыдённов М.Ф., Круглов Е.А., Кашапова Л.Е. К вопросу о маршрутах транзита и семантике изображений на предметах импорта // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20. № 1. – С. 313–320.
- Пастушенко, 1997.* – Пастушенко И.Ю. Волго-Камский торговый путь // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии. – Березники, 1997. – С.36–38.
- Плетнёва, 1986.* – Плетнёва С.А. Хазары. – М.: Наука, 1986. – 88 с.
- Русанова, 1974.* – Русанова К.М. Отчёт об археологической разведке в Юрлинском и Кочёвском районах Коми округа в 1974 г. / Рукопись. – Пермь, 1974. – Архив КА ПГНИУ
- Русанова, Поляков, 1975.* – Русанова К.М., Поляков А.Г. Разведка в Коми-Пермяцком национальном округе // АО, 1974. – М.: Наука, 1975. – С. 174–175.
- Савельева, Клёнов, 1997.* – Савельева Э.А., Клёнов М.В. Древнерусская колонизация Европейского Северо-Востока Европы // Археология республики Коми. – М.: «ДиК», 1997. – С. 651–691.
- Седова, 1964.* – Седова М.В. Серебряный сосуд XIII в. из Новгорода // СА. – 1964. – №1. – С.334
- Соколова, 1993.* – Соколова И.В. Монеты Перещепинского клада // Византийский временник. – М.: Наука, 1993. – Т. 54. – С. 146–152.

- Теплоухов, 1895.* – Теплоухов Ф.А. Древности пермской чуди из серебра и золота и её торговые пути // Пермский край. – Пермь, 1895. – Т. 3. – С. 247–290.
- Тревер, Луконин, 1987.* – Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Художественная культура Ирана III–VIII веков. Собрание Государственного Эрмитажа. – М.: «Искусство», 1987. – 155 с.
- Фёдорова, 2002.* – Фёдорова Н.В. Византийское сокровище угорских князей // Родина. – 2002. – № 7. – С. 7–9.
- Царевская, 2008.* – Царевская Т.Ю. Роспись церкви Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде: проблемы идейного содержания и художественного своеобразия храмовой декорации позднепалеологовского времени: автореферат дис... доктора искусствоведения. – М., 2008. – 45 с.
- Чичко, 2013.* – Чичко Т.В. Пути и перевалочные пункты проникновения восточного импорта на территорию Южного Урала и Прикамья в эпоху раннего средневековья // Проблемы поиска и изучения древних и средневековых городов на Южном Урале и сопредельных территориях. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. – С. 44–50.
- Чичко, 2014.* – Чичко Т.В. Восточная торевтика в системе культурных связей и военно-политической истории населения Прикамья и Приуралья в раннем средневековье (конец VI – первая половина IX вв.: Автореф. дис... канд. ист. наук.. – Казань, 2014. – 27 с.
- Чичуров, 1980.* – Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарии. – М.: Наука, 1980. – 217 с.
- Шмидт, 1925.* – Шмидт А.В. Доисторическое прошлое Кунгурско-Красноуфимского края // Кунгуро-Красноуфимский край.– Кунгур, 1925. – Вып. 8–10. – С. 9–15

Белавин А.М.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермский научный центр УрО РАН, Пермь)

ЗНАКИ РЮРИКОВИЧЕЙ ИЗ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Ключевые слова: геральдика, Рюриковичи, торговля, взаимодействие с Древней Русью

Находимые в Предуралье изображения знаков Рюриковичей отражают взаимодействие с Русью. Ведущую роль в этом взаимодействии играют торговые и этнокультурные связи с Волжской Булгарией. Контекст находок этих знаков не дает возможности видеть в них отражение даннической зависимости Предуралья от Руси X-XIII вв.

Belavin A.M.

(Perm State Humanitarian Pedagogical University,
Perm Research Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm)

SYMBOLS OF THE RURIK DYNASTY FROM THE PERM CIS-URALS

Keywords: heraldry, Rurik dynasty, trade, interactions with Old Russia

Imagery of symbols of the Rurik dynasty found in the Cis-Urals reflects interactions with Russia. Key role in this interaction is played by trade and ethnocultural links with Volga Bulgaria. The context of these findings does not allow considering them a proof of tributary dependency of the Cis-Urals from Russia in the 10 – 13th centuries.

Среди немногочисленных предметов X–XIII вв., поступивших в Пермское Предуралье из древнерусских территорий, ярко выделяется серебряная трапециевидная подвеска, имеющая на лицевой стороне знак Владимира Святославовича.

Этот предмет происходит из погребения № 37 Рождественского языческого финно-угорского могильника, входящего в состав Рождественского археологического комплекса в Карагайском районе Пермского края, который, кроме упомянутого могильника, включает два городища, неукрепленный посад и мусульманский могильник домонгольского времени.

Кроме подвески, найденной в районе груди погребенного, в состав инвентаря указанного погребения входили: три круглые пластинчатые серебряные подвески с отверстиями для нашивания на одежду, бронзовая ажурная флаконовидная пронизка-игольник, железное кольцо, калачевидное железное кресало, нож, втульчатый топор-пешня, бронзовая бусина, железный клин. В ногах погребенного собраны фрагменты деревянного сосуда с серебряными обкладками и медными гвоздями. Погребение датируется рубежом X–XI вв. и является типичным для позднего этапа ломоватовской культуры VII–XI веков. Погребенный при жизни был, вероятно, какой-либо значимой личностью, о чем свидетельствуют серебряные украшения и сравнительно редкий деревянный сосуд, обитый серебром по венчику.

Подвеска со знаком Рюриковичей представляет собой литую серебряную пластину трапециевидной формы с подвижным колечком для ношения. На лицевой стороне подвески нанесено парадное изображение трезубца (в варианте, близком к сребреникам Владимира III типа), его боковые зубцы выполнены в виде клинков мечей с долом, а центральный зубец – в виде пики с треугольными

выступами в основании (подробное описание см.: Крыласова, 1995, с. 194–195). Подобных парадных геральдических подвесок известно не более трех десятков, на Урале и в Прикамье эта находка единственная. По общепринятой классификации княжеских знаков, описываемый трезубец принадлежит Владимиру Святославовичу (период правления 978–1015), и такие знаки-подвески использовались лишь при его правлении. Дата погребения (не зависимо от даты подвески) подтверждает использование подвески её владельцем именно при жизни Владимира.

На оборотной стороне подвески нанесено изображение меча, соединенного с молотом бога Тора. Меч изображен рукоятью к основанию трапеции. По оформлению рукояти он близок к реальным прототипам X века (тип 9, по классификации А.Н. Кирпичникова). Лезвие меча плавно переходит в изображение молота бога Тора, которое занимает всю верхнюю часть оборотной стороны пластины. Значение этого изображения, по обоснованной гипотезе С.В. Белецкого, – геральдический знак (герб) конунга Олава Трюггвасона (Белецкий 1996, с. 38-40; Белецкий 2004, с. 258-259) – приемного сына Владимира и хёдвинга в великокняжеской дружине.

Изображения выполнены в одинаковой технике в момент изготовления подвески.

Публикация рождественской подвески вызвало достаточно бурное её обсуждение в литературе, связанное как с редкостью самого предмета, так и с редкостью изображений на нем (особенно изображение меча с молотом Тора), а также с тем, что это – единственная находка геральдической подвески на Предуральской территории в значительном отрыве от тех земель, где сосредоточено основное количество металлических и костяных подвесок со знаками Рюриковичей, которых опубликовано к настоящему времени около полусотни (Михеев, 2014, с.57–58).

Некоторые историки, считая, вслед за Б.А. Рыбаковым и В.Л. Яниным (Рыбаков, 1940; Янин, 1982), что геральдические подвески являются знаками вирников и других служащих великого князя, относят находку из Рождественского могильника к числу самых весомых доказательств даннической зависимости Предуралья от Киевской Руси уже на рубеже X–XI веков.

В.Я. Петрухин и Д.С. Раевский пишут следующее: «Прямых подтверждений о подчинении поволжских и пермских финнов Руси (исключая мери) равно как и о даннических отношениях практически нет. Исключение составляет находка подвески с древнерусским княжеским знаком из Рождественского могильника в Пермской области, которая могла принадлежать представителю местной верхушки коми-пермяков, связанной торговыми и данническими отношениями с Русью» (Петрухин, Раевский 1998, с. 324).

Е.А. Мельникова считает, что: «можно предполагать с большой долей уверенности, что данное погребение принадлежит княжескому дружиннику скандинавского происхождения» (Мельникова 1999, с.85). Если под князем имеется в виду Великий князь Киевский, то Е.А. Мельникова считает находку подвески убедительным доказательством прямых связей Киева и Прикамья.

Таким образом, если верить указанным авторам, Верхнее Прикамье на рубеже X–XI вв. было если не частью Руси, то, во всяком случае, прямым данником, и здесь находились представители великокняжеской администрации и их дружинники.

Однако никаких признаков воинского захоронения в инвентаре погребения №37 нет. Топор-пешня вряд ли мог быть основным оружием княжеского

древнерусского дружинника, да и у местных воинов в погребениях имеются сабли, боевые топоры, наборы стрел, остатки луков. Кроме того, никаких скандинавских предметов в данном погребении нет – это, еще раз подчеркну, типичное финно-угорское ломоватовское погребение (хотя и достаточно значимого при жизни человека).

Публикатор и автор находки подвески Н.Б. Крыласова, вслед за А.А. Молчановым, который считает, что подобные подвески были верительными знаками лиц, уполномоченных для выполнения миссий разного рода (Молчанов 1986), относит подвеску к верительным знакам, предназначенным для торговцев (Крыласова, 1995, с.196–197). В соответствии с договором между Владимиром и болгарями 1006 г., вероятно, такие «печати для ношения» были выданы болгарским купцам для свободной торговли на Руси («Ношаху если [слы] печати злати, а гостье сребрени» см.: ПВЛ, с.35). Можно утверждать, что данный знак был собственностью т.н. «купца чулманского» – одного из торговых посредников болгар из числа коренного населения Прикамья, который и погребен в могиле № 37 Рождественского могильника (Белавин, Крыласова, 2008, с. 503-504). Таким образом, эта находка является археологической иллюстрацией рассказов ал-Омари (Умари) о «купцах чулымских», хотя они и относятся к более позднему времени, но традиция посреднической торговли сложилась у жителей Предуралья уже в X столетии.

К.А. Руденко, присоединяясь к точке зрения о значении таких подвесок, как верительных купеческих знаков, считает геральдическую подвеску из Рождественского могильника «специальным знаком собственности» русских купцов, внедрившихся на торговый рынок Прикамья почему-то во второй трети XI в. (Руденко 2007, с. 72), хотя дата погребения, как и подвески, не выходит за первую четверть XI века. Никаких указаний, что данное финно-угорское погребение принадлежит славянину, нет.

К обсуждению знака на оборотной стороне подвески присоединились В.С. Кулешов, А.В. Гомзин и Н.А. Плавинский. Разобрав ряд изображений молота Тора на монетах и подвесках, в том числе, выделив особую группу изображений, которые объединяют молот Тора и меч («Мечемолоты» – по оригинальному определению указанных авторов) (Кулешов, Гомзин, Плавинский, 2012). Подобные изображения, по их мнению, воплощают юридическую и воинскую силу (т.н. «право меча») и божественную харизму высшей княжеской власти. Все подобные изображения авторы связывают с периодом княжения Владимира Святославовича.

К теме геральдических подвесок со знаком Рюриковичей также обратился С.М. Михеев. По его мнению, только семь из всех опубликованных металлических подвесок характеризуются одинаковой формой, размерами, выполнены в единой технике, на всех нанесены парадные изображения знаков Рюриковичей, – в силу этого они могут быть признаны эталонными и именно они представляли собой официальные знаки княжеских чиновников (Михеев, 2014, с.57-58). Пять из них имеют изображения трезубца Владимира, одна – с изображением древнейшего простого двузубца, одна – с изображением трезубца Владимира на одной стороне и трезубца Ярослава на другой. Большинство подвесок изготовлено из сплавов на основе меди, одна или две – из серебра. Рождественская подвеска, чья форма и характер парадного изображения трезубца Владимира отличаются от эталонных, отнесена С.М. Михеевым к подвескам-украшениям, выполненным по образу официальных двусторонних подвесок. Таким образом, по мнению С.М. Михеева, эта и подобные её подвески не могли

быть официальными знаками великокняжеских чиновников. Кому, купцу или чиновнику, могла принадлежать эта серебряная подвеска, автор не уточняет.

Таким образом, дискуссия о назначении подобных предметов не исчерпана, и наша точка зрения на значение рождественской подвески как верительного знака купца «чулыманского» – торгового партнера болгар, не опровергнута.

Отметим, что изображение знака Рюриковичей в Предуралье встречено еще на двух предметах. В 1977 г. на городище Иднакар (Удмуртия, окрестности г. Глазова) в слое № V был найден костяной односторонний гребень с высокой спинкой, на которой вырезан знак, по мнению публикатора находки А.О. Амелькина, весьма схожий со знаком Владимира Святославовича (Амелькин, 1987, с. 107). Гребень может быть датирован по материалам слоя X – началом XI вв. Крестообразный знак, расположенный в центре двузубца, вырезан несколько глубже и, по мнению А.О. Амелькина, связан с исправлением тамги Святослава Игоревича на тамгу его сына Владимира Святославовича. С.В. Белецкий, разбирая этот знак, пришел к выводу, что изначально тамга на гребне изображала знак Олега Святославича древлянского – второго сына Святослава Игоревича (годы правления 970–977) (Белецкий, 2012, с.437). По справедливой оценке А.О. Амелькина, простой костяной гребень не мог быть импортным изделием, и не мог нести признаков социального статуса. Однако, как нам кажется, это – пример попытки подражать металлическим и костяным трапециевидным подвескам со знаками Рюриковичей, и знак на бытовой предмет был нанесен местным жителем с целью как-либо повысить свой социальный статус. А.О. Амелькиным упоминается еще один гребень, имеющий знак, напоминающий описанный выше. Однако этот гребень так и не опубликован, а его описание не позволяет считать упомянутый знак тамгой Рюриковичей (Иванова, 1998, с.205) и учитывать его в этой публикации.

Третий знак Рюриковичей из Предуралья имеется на Евхаристической серебряной золоченой чаше, найденной, по устному сообщению пермского коллекционера И.И. Гуляева, в лесном массиве под г. Соликамском. В 1998 г. чаша была приобретена у пермского коллекционера Государственным Эрмитажем (инв. № 1485).

На внешней стороне чаши имеется древнерусская надпись Е Н В ЗОЛОТНИКА, обозначающая вес, и граффити в виде княжеского трезубца. Публикаторами чаша датирована около 1200 г. К сожалению, в публикации, находящейся в нашем распоряжении (Маршак, Пятницкий, 2000, с.95-97), изображение трезубца отсутствует, имеется только упоминание о нем. По сообщению сотрудника Государственного Эрмитажа В.С. Кулешова, знак представляет собой «симметричный трезубец с кольцом, завершающим ножку снизу»¹. Принадлежность к конкретному Рюриковичу не установлена, С.В. Белецким при экспертизе чаши высказано предположение, что знак относится к XII столетию. Чаша, скорее всего, изготовлена западным мастером в княжеских мастерских на Руси (возможно, в Киеве). В Прикамье чаша, учитывая её возможное южнорусское происхождение, могла попасть через Волжскую Булгарию не позже первой трети XIII века в общем потоке товарного серебра, и использовалась на угорском святилище, чем объясняется её находка в лесу.

Таким образом, в Предуралье в настоящее время известно три знака Рюриковичей, два из которых относятся к X – первой четверти XI вв. Все они в той или иной степени демонстрируют наличие торговых связей с Русью,

---

¹ Благодарю В.С. Кулешова за активное желание помочь в публикации данного знака.

осуществлявшихся через посредничество болгарских торговцев. Недаром две находки (рождественская и иднакарская) связаны с болгарскими торговыми факториями X – XIII вв. Каких-либо даннических отношений населения Предуралья с Русью или переселения древнерусских купцов, воинов или ремесленников в Предуралье эти находки не маркируют. Однако рождественская геральдическая подвеска наглядно демонстрирует торговые успехи «купцов чулыманских», имеющих официальные разрешения на торговлю на Руси и, возможно, в Скандинавии.

Литература:

- Амелькин, 1987.* – Амелькин А.О. Знак на гребне с городища Иднакар (к вопросу о начальном этапе русско-удмуртских контактов) // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. – Ижевск: НИИ при СовМин УАССР. – С.107–113
- Белавин, Крыласова, 2008.* – Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ. 2008. – 603 с.
- Белецкий, 1996.* – Белецкий С.В. Подвеска с родовыми знаками из Рождественского могильника // Ладога и Северная Европа: Вторые чтения памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 22-23 декабря 1996 г.): Материалы к чтениям. – СПб., 1996. – С. 35–40.
- Белецкий, 2004.* – Белецкий С.В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев: Восьмые чтения памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 21-23 декабря 2003 г.). – СПб., 2004. – С. 243–319.
- Белецкий, 2012.* – Белецкий С.В. Древнейшая геральдика Руси // Повесть временных лет / Пер. Д.С. Лихачева, О.В. Творогова, комментарии А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова при участии А.М. Введенского и Л.В. Войтовича, 129 илл. М. Мечева. – СПб., 2012. – С. 431–465.
- Иванова, 1998.* – Иванова М.Г. Иднакар: древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: УдМНИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 294 с.
- Крыласова, 1995.* – Крыласова Н.Б. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника // РА. – 1995. – №2. – С.192-197.
- Кулешов, Гомзин, Плавинский, 2012.* – Кулешов В.С., Гомзин А.А., Плавинский Н.А. Новые материалы к истории древнейшей русской геральдики: восточноевропейские граффити с «молотками Тора» // Семинар «Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина»: Заседание 18 января 2012 года в 15.00 в Зале Совета Государственного Эрмитажа. – СПб., 2012. – С. 12–23.
- Маршак, Пятницкий, 2000.* – Маршак Б.И., Пятницкий Ю.А. Чаша Евхаристическая // Синай. Византия и Русь. Православное искусство с VI до начала XX века. / Под ред. Ориана Баддлей, Эрлина Брюннер, Эрия Пятницкого. – СПб.: Государственный Эрмитаж, Фонд Святой Екатерины, 2000. – 116 с.
- Мельникова, 1999.* – Мельникова Е.А. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. – Казань: Мастер Лайн, 1999. – С.80–94.
- Михеев, 2014.* – Михеев С.М. К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. – М., 2014. – 4 (58). – С. 45–63.
- ПВЛ, 1950.* – Повесть временных лет / Под ред. чл.-кор. АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. –1-е изд. – М. –Л.: АН СССР, 1950. – Ч. 1. – 556 с.
- Молчанов, 1986.* – Молчанов А.А. Верительные знаки киевских князей и древнескандинавские Jartegnir // IX Всероссийская конференция по изучению

истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. – М., 1986. – Ч.1. – С.184–186

Петрухин, Раевский, 1998. – Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. – М., 1998. – 386 с.

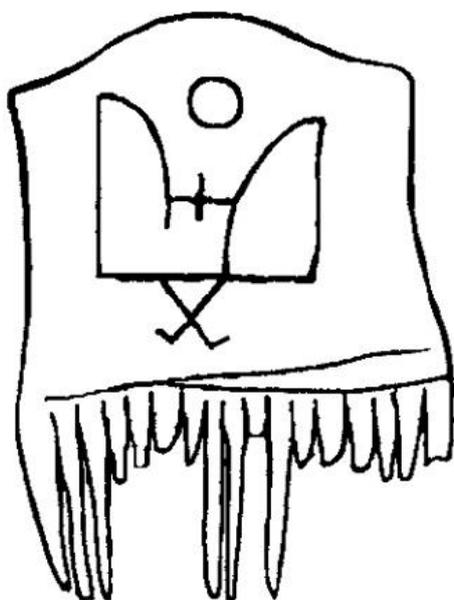
Руденко, 2007. – Руденко К.А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. – Казань: НМРТ, 2007. – 244 с.

Рыбаков, 1940. – Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // СА. – 1940. – № 6. – С. 227–257.

Янин, 1982. – Янин В.Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. – М., 1982. – С. 138–155.

Рис.1 Серебряная подвеска из погребения №37 Рождественского могильника

Рис.2 Прорисовка костяного гребня с городища Иднакар (по А.О. Амелькуну)

Шмуратко Д.В.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

Брюхова Н.Г.

(Пермский научный центр УрО РАН, Пермь)

МИТИНСКАЯ КУРГАННАЯ ГРУППА: РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (РАСКОПКИ 2014 ГОДА)

Ключевые слова: курганы харинского типа, Великое переселение народов, Пермский край

В статье представлены результаты раскопок сезона 2014 г. на Митинском курганном могильнике эпохи Великого переселения народов на севере Пермского края. Приведены результаты абсолютной хронологии погребений могильника.

Shmuratko D.V.

(Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Bryukhova N.G.

(Perm Research Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm)

MITINO KURGAN GROUP: NEW RESEARCH (EXCAVATIONS IN 2014)

Keywords: mounds harinskogo type, Great Migration, Perm krai

The results of the excavation season in 2014 at Mitino burial mound Era of the Great Migration to the north of Perm Krai are presented in the article. The results of the absolute chronology of the burials cemetery are presented.

Летом 2014 г. после более чем полувекового перерыва отрядом КАЭЭ ПГГПУ были возобновлены исследования на памятнике археологии федерального значения Митинская курганная группа у д. Митино Кочевского района Пермского края (Митинский курганный могильник).

Могильник Митино относится к косинской группе курганных могильников Верхнего Прикамья, расположен в 1,5 км к востоку от д. Митино Кочевского района Пермского края, на левом берегу р. Кычдез, правого притока р. Лолог, левого притока р. Косы, правого притока р. Камы. Впервые информация о существовании памятника приводится в своде археологических памятников бассейна Камы, изданном И.А. Талицкой: под № 1352 значится Митинский могильник – «близ деревни, на пашне, недалеко от мельничной плотины, в 2,5 км к востоку от с. Юксеева, расположен могильник. Сведения получены М.В. Талицким от научного сотрудника Кудымкарского музея И.И. Крохалева» (Талицкая, 1952, с. 175).

В 1956 г. археологические раскопки на памятнике были проведены под руководством В.Ф. Генинга. В ходе раскопок было исследовано 5 курганов. Погребения под курганами № 2 и 3 были полностью уничтожены. Под курганом № 1 было изучено одно погребение, под курганом № 4 – 2 захоронения, под курганом № 5 вскрыто 4 погребения. Под распаханными насыпями на поле исследовано еще 41 захоронение. Таким образом, на могильнике были изучено 51 погребение. Результаты раскопок опубликованы в начале 1970-х гг.

В.Ф. Генигом и Р.Д. Голдиной в совместной статье, посвященной курганным могильникам харинского типа, в которой Митинский могильник фигурирует как второй (после Бурковского могильника) наиболее крупно раскопанный памятник эпохи Великого переселения народов в Прикамье (Генинг, Голдина, 1973, с.59, табл. А). На данный момент эта ситуация в целом не изменилась.

Раскоп 2014 г. был разбит на распаханной площадке памятника к западу от курганной группы, напротив кургана № 4. Раскоп был ориентирован по сторонам света и имел размеры 6×18 м (108 м²). В итоге на данной площади были изучены 6 погребений и 4 ямы (яма 3 может быть интерпретирована как курганная канавка) (рис. 1).

Описание погребений и ям могильника

Погребение № 42² (рис. 2). Могильная яма подпрямоугольной формы, размером 1,98 х 0,8 м была зафиксирована на глубине -0,25 м от современной поверхности в виде пятна светло-коричневого суглинка с вкраплениями известковой крошки и углей. Глубина дна погребения -0,15 м от уровня фиксации (-0,84 м от репера).

В погребении обнаружен скелет подростка. Судя по положению костей, он был уложен на спину, головой на СЗ, руки уложены в области живота.

Описание положения костей: кости находились в анатомическом сочленении. Череп стоял на основании, лицевым отделом обращен на ЮВ. Нижняя челюсть «выехала» из-под черепа вперед, стояла на ветвях. Позвоночный столб вытянут вдоль условной оси погребения. Ключицы образовывали тупой угол. Таз слегка раскрылся. Кости обеих предплечий лежали на тазовых костях. Грудная клетка не раскрыта. Ребра лежали на нижних боковых поверхностях. Бедренные кости лежали на дорсальных поверхностях. Берцовые кости левой ноги лежали на дорсальных поверхностях. Берцовые кости правой ноги слегка развернуты на медиальную поверхность. Кости правой ступни лежали в анатомическом порядке, пяточный бугор развернут внутрь. Оси плюсневых костей продолжали оси костей голени. Кости левой ступни распались, бугор пяточной кости направлен внутрь. Остальные кости предплюсны (таранная, кубовидная) расположены севернее голеностопного сустава и медиальнее берцовых костей. Оси длинных костей в погребении параллельны друг другу и условной оси погребения.

На колени погребенного был уложен железный дольный нож (рис. 2/1). В засыпи могильной ямы в ее северо-западной части встречено несколько фрагментов толстостенной лепной керамики неравномерного обжига, выполненной из темно-серой формовочной массы с примесью толченой раковины. Цвет фрагментов – темно-коричневый по внешней поверхности и темно-серый по внутренней.

Погребение № 43 (рис. 3). Могильная яма размером 2,07 х 0,63 м зафиксирована на глубине -0,30 м от современной поверхности в виде подпрямоугольного пятна светло-коричневого суглинка с вкраплениями известковой крошки и углей. Глубина дна погребения -0,13 м от уровня фиксации (-0,88 м от репера).

---

² Нумерация погребений продолжает начатую В.Ф. Генигом

В погребении обнаружены кости одного индивида. Судя по положению костей, покойный был уложен на спину, головой на СЗ.

Описание положения костей: кости располагались в анатомическом порядке; большинство – в анатомическом сочленении. Череп в сочленении с нижней челюстью лежал на правой стороне, лицевым отделом обращен на ЮВ. Позвоночный столб вытянут вдоль условной оси погребения, слегка искривлен в шейном отделе в восточную сторону. Грудная клетка не раскрылась, ребра сложились внутрь, лежат на внутренних поверхностях. Таз слегка раскрылся, дистальные эпифизы костей обоих предплечий лежат на подвздошных костях. Кости обеих кистей лежали на проксимальных эпифизах бедренных костей. Длинные кости ног лежали на дорсальных поверхностях. Пяточные бугры обеих стоп развернуты внутрь. Условные оси плюсневых костей сонаправлены условным осям длинных костей ног. Условные оси всех длинных костей скелета параллельны друг другу и условной оси погребения.

В районе колен погребенного обнаружен железный дольный нож (рис. 3/1).

Погребение № 44 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 1,06 x 0,46 м, зафиксирована в виде пятна светло-коричневого суглинка с вкраплениями известковой крошки и углей на глубине -0,35 м от уровня современной поверхности. С северо-западной стороны яма имела подпрямоугольную нишу («прикоп») размером 0,2 x 0,35 м, на дне которой на глубине -0,04 м от уровня фиксации (-0,73 м от репера) был расчищен развал толстостенного лепного керамического сосуда неравномерного обжига, выполненного из формовочной массы с примесью толченой раковины. Цвет сосуда – темно-коричневый с внешней стороны и темно-серый с внутренней (рис. 4/1). Глубина дна основной могильной ямы -0,05 м от уровня фиксации (-0,79 м от репера).

В погребении обнаружен скелет ребенка в анатомическом порядке. Судя по положению костей, он был уложен на спину, головой на СЗ.

Описание положение костей в погребении: Череп раздавлен, состоял из небольших фрагментов. Условная ось позвоночника совпадала с условной осью погребения. Таз раскрылся. Бедренные кости лежали на дорсальных поверхностях, оси костей находились под углом примерно 15° к условной оси, дистальными краями направлены в западную сторону (в коленном суставе ноги слегка согнуты). Оси остальных длинных костей параллельны друг другу и условной оси погребения.

Под костями погребенного зафиксированы остатки деревянной конструкции в виде плахи (размером 0,95 м на 0,3 м), на которую был уложен умерший.

Погребение № 45 (рис. 5). Могильная яма подпрямоугольной формы размером 2,05 x 0,6 м была зафиксирована в виде пятна светло-коричневого суглинка с вкраплениями известковой крошки и углей, окаймленного узкой полоской коричневого вязкого суглинка, на глубине -0,33 м от уровня современной поверхности. Глубина дна погребения -0,18 м от уровня фиксации (-0,95-1,00 м от репера).

В погребении обнаружены кости одного индивида в анатомическом порядке. Судя по положению костей, покойный был уложен на спину головой на СЗ, руки вытянуты вдоль корпуса.

Описание положение костей в погребении: кости располагались в анатомическом порядке, большинство – в анатомическом сочленении. Череп

лежал на левой стороне, лицевым отделом обращен на ЮВ. Позвоночный столб вытянут вдоль условной оси погребения, слегка изгибаясь в верхней части грудного отдела на восток. Грудная клетка не раскрыта, ребра лежали на внутренних поверхностях. Длинные кости рук вытянуты вдоль корпуса. Кости обеих кистей лежали на и около проксимальных эпифизов бедренных костей. Таз раскрылся. Длинные кости ног лежали на дорсальных поверхностях. Пяточные бугры вывернуты внутрь. Пястные кости продолжали оси длинных костей ног. Длинные кости конечностей параллельны друг другу и условной оси погребения.

Под костями погребенного на профиле могильной ямы на глубине -0,15 м от уровня фиксации отмечен тлен деревянной конструкции типа плахи, на которую был уложен умерший.

Между костями ног покойного в районе колен обнаружены железный дольный нож (рис. 5/1) и «жертвенный комплекс» (рис. 5/2), включающий два округлых височных кольца, обмотанных проволокой, одно из которых – с напускной кубической бусиной темно-лимонного цвета; фрагмент кожаной тесьмы, украшенной бронзовыми обоймочками. В южной половине погребения обнаружены несколько фрагментов керамики, аналогичной описанной ранее.

Погребение № 46 (рис. 6). Могильная яма подпрямоугольной формы размером 1,78 x 0,7 м была зафиксирована в виде пятна светло-коричневого суглинка с вкраплениями известковой крошки и углей, окаймленного узкой полосой коричневого вязкого суглинка, на глубине -0,25 м от уровня современной поверхности. Глубина дна погребения -0,19 м от уровня фиксации (-0,91 м от репера).

В погребении обнаружены кости ребенка. Судя по положению костей, он был уложен на спину головой на СЗ. После истлевания мягких тканей погребенного, в районе его головы был совершен грабительский вкоп, который фиксировался в виде пятна темно-коричневого гумусированного суглинка размером 0,8 x 0,35 м.

Описание положение костей в погребении: чуть ниже уровня фиксации в северной половине могильной ямы выявлено скопление костей верхней части скелета ребенка. Кости лежали компактным скоплением примерно 30 x 25 см, состоявшим из левой лопатки, ключицы, фрагментов черепа, 2-ого шейного и грудного позвонка. Остальная часть костей скелета была расположена ниже по уровню, и находилась в анатомическом порядке, большинство костей – в анатомическом сочленении. Ось позвоночного столба совпадала с условной осью погребения, слегка изгибается в поясничном отделе на запад. Грудная клетка раскрыта с правой стороны, ребра лежали на наружной поверхности; левой стороны – не раскрыта, ребра лежали на внутренней поверхности. Таз раскрылся. Длинные кости рук лежали на одной оси, кости предплечий лежали по краям от подвздошных костей. Длинные кости ног лежали на дорсальных поверхностях. Кости плюсны продолжали оси костей ног. Оси всех длинных костей параллельны друг другу и условной оси погребения.

Т.о., разрушена была только верхняя часть скелета, включая череп, лопатки и ключицы и верхнюю часть грудной клетки.

Вещей в погребении не обнаружено.

Погребение № 47 (рис. 7). Могильная яма размером 2,05 x 1,2 м была зафиксирована в виде пятна светло-коричневого суглинка с вкраплениями известковой крошки и углей, окаймленного узкой полосой коричневого вязкого

суглинка, на глубине -0,24 м от уровня современной поверхности. Глубина дна погребения -0,29 м от уровня фиксации (от 1,07 м репера).

В погребении обнаружены кости двух индивидов: взрослого и ребенка. Взрослый индивид был уложен на спину головой на СЗ, руки вытянуты вдоль корпуса.

Описание положение костей в погребении: большая часть костей взрослого индивида находилась в анатомическом порядке и анатомическом сочленении. Череп без нижней челюсти завалился на правую сторону, лицевым отделом обращен на ЮВ. Нижняя челюсть стояла на ветвях. Позвоночный столб вытянут вдоль условной оси погребения. Кости предплечий лежали рядом с подвздошными костями. Грудная клетка не раскрылась, ребра лежали на внутренних и нижних боковых поверхностях. Таз раскрылся. Длинные кости ног лежали на дорсальных поверхностях, сходились друг с другом в коленных суставах. Пяточные бугры вывернуты внутрь. Плюсневые кости левой ступни продолжали ось костей голени. Плюсневые кости правой ступни перпендикулярны условной оси погребения. Вне анатомического порядка находились первое ребро правой стороны, правая ключица и рукоять грудины. Все они были расположены над правой подвздошной костью между правым локтевым суставом и позвоночником.

Кости ребенка располагались вне анатомического порядка и были сконцентрированы между позвоночным столбом и костями правого предплечья (на правой стороне скелета взрослого).

В погребении на глубине -1,06-1,05 м от репера зафиксированы остатки деревянной конструкции типа рамы размером 1,55 x 0,5 м. В южной части погребения отчетливо прослеживались выступающие концы углов деревянной конструкции.

Между костей ног взрослого индивида в районе колен обнаружен железный дольный нож (рис. 7/1), в районе ступней – небольшая плоская янтарная бусина красно-коричневого цвета (рис. 7/2).

Яма 1 (курганная канавка?) (рис.1) зафиксирована на глубине 0,27-0,30 м от современной поверхности к западу от погребений №№ 42, 44, 46, 47, имела вытянутую неправильную форму, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Глубина дна ямы -0,19 м от уровня фиксации (-0,88-0,92 м от репера). Заполнение ямы состояло из черного жирного суглинка, насыщенного углями, и коричневого суглинка с вкраплениями углей. В яме на глубине -0,67-0,83 м от репера обнаружено скопление костей человека и животных, вытянутое узкой полосой примерно вдоль условной линии. В северной половине ямы расчищен диафиз бедренной кости человека, около западной стенки – фрагмент теменной кости человека, у восточной стенки – фрагмент черепа человека, в центре северной части ямы лежал диафиз малой берцовой кости; оси длинных костей параллельны друг другу и условной оси ямы. Остальные кости в скоплении принадлежат животному (лошади?): в южной части обнаружен диафиз бедренной кости и отдельно в 15 см севернее – диафиз головки бедренной кости; длинная ось кости вытянута по линии С-Ю.

Вещевой материал ямы представлен фрагментами керамики, в том числе, – одним фрагментом из темно-серой формовочной массы с примесью толченой раковины, орнаментированным округлыми ямками-наколами (рис. 8/1).

Яма может быть интерпретирована как остатки курганной канавки от насыпей, сооруженных над погребениями 42, 44, 46, 47.

Яма 2 (рис. 1) зафиксирована на глубине -0,28 м от современной поверхности в северо-западной части раскопа. Имела неправильную форму. Продольная условная ось ямы ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Заполнение ямы состояло из черного жирного суглинка, насыщенного углями, и коричневого суглинка с вкраплениями углей. Глубина дна ямы -0,17 м от уровня фиксации (-0,88-0,95 м от репера).

В центре ямы вдоль условной оси на глубине -0,73-0,84 м от репера обнаружено вытянутое скопление костей человека и животного. В северной, центральной и южной частях ямы расчищены диафизы трех бедренных костей человека, их оси параллельны друг другу и условной оси скопления; в южной части скопления – фрагменты позвонков, ребер, надколенник; в центральной части скопления – таранная кость и 2 зуба верхней челюсти.

Вещевой материал ямы представлен фрагментами керамики. Среди них имелся один орнаментированный венчик из темно-серой формовочной массы с примесью песка, украшенный по срезу защипами, по шейке – двумя поясками веревочного орнамента (рис. 8/2), а также фрагмент стенки сосуда, украшенного зигзагом веревочного орнамента (рис. 8/3).

Яма может быть интерпретирована как остатки курганной канавки от насыпи, сооруженной над погребением 43.

Яма 3 (рис.1). Зафиксирована в виде объекта неправильной формы в юго-восточной части раскопа на глубине -0,30 м от уровня современной поверхности. Глубина дна ямы -0,22 м от уровня фиксации (-1,06 м от репера). Заполнение ямы состояло из черного жирного суглинка, насыщенного углями, и коричневого вязкого суглинка.

В яме на глубине -0,96 м от репера в гумусированном черном слое в 10 см от дна ямы обнаружен диафиз большой бедренной кости человека.

Вещевой материал ямы составляю фрагменты толстостенной керамики неравномерного обжига.

Яма, возможно, является остатками курганной канавки от насыпи, сооруженной над погребением 45.

Яма 4 (рис.1). Зафиксирована в виде пятна светло-коричневого суглинка подокруглой формы диаметром 0,6 м на глубине -0,30 м от современной поверхности. Глубина дна -0,18 м от уровня фиксации (-0,92 м от репера). Заполнение ямы составлял светло-коричневый суглинок с вкраплениями известковой крошки и угля и коричневый вязкий.

Находок в яме не обнаружено, поэтому интерпретация ямы затруднительна.

Характеристика керамики. Коллекция керамики из раскопа 2014 г. составляет 137 фрагментов. При снятии пахотного слоя (до глубины -0,30 от современной поверхности) собрано 58 фрагментов; в заполнении погребений – 43, причем 35 из них принадлежат развалу сосуда, расчищенного в нише-прикопе погребения № 44; из заполнения ям происходит 36 фрагментов: из ямы № 1 – 15; ямы № 2 – 17; ямы № 3 – 3 фрагмента. Фрагментов венчиков – 1 (рис.8/2), донышков – 2 (рис. 8/4), орнаментированных фрагментов – 3 (рис 8/1–3).

Все обнаруженные фрагменты принадлежат, как минимум, двум типам лепных сосудов:

1. толстостенные (до 0,8-1,0 см) плохо обожженные сосуды, изготовленные из формовочной массы с примесью толченой раковины, цвет фрагментов – темно-

коричневый по внешней поверхности и темно-серый – по внутренней, все фрагменты без орнамента;

К сосудам первого типа относится и расчищенный в нише-прикопе погребения № 44 развал (рис. 4/1). Он реконструируется как невысокая неорнаментированная чаша с закрытым горлом, диаметром около 18 см. К этому же типу можно отнести и обнаруженные в пахотном слое два фрагмента доньшка (рис. 8/4), поверхность одного из них хорошо заглажена. Аналогичная толстостенная керамика обнаружена в погребениях 42 и 45.

2. сосуды с толщиной стенок до 0,5 см, хорошего обжига, изготовленные из формовочной массы с примесью песка, цвет фрагментов темно-серый.

В процентном соотношении фрагментов сосудов первого типа около 63%, сосудов второго типа – 37%.

Ко второму типу сосудов можно отнести фрагмент, обнаруженный в яме №1, орнаментированный круглыми ямками-наколами (рис. 8/1), а также фрагмент стенки и венчик из ямы №2 (рис. 8/2-3). Венчик слабопрофилированный, украшен двумя поясками шнурового орнамента («косичка»), срез венчика оформлен защипами. Фрагмент стенки украшен одним пояском шнурового орнамента, расположенного зигзагом.

Характеристика вещевого материала. Вещевой материал из раскопа 2014 г. весьма беден и представлен ножами, бусинами, височными кольцами, иглами и др. железными предметами.

• Ножи (8 экз.)

Дольные ножи (5 экз.) – самые многочисленные, четыре из них происходят из погребений (№ 42, 43, 45, 47), один – из пахотного слоя (рис. 9/9). Ножи имеют одностороннюю заточку (треугольные в сечении) и дол на клинке. *Долом* называется выемка на полотне клинка, расположенная параллельно лезвию. В.В. Мингалевым выделено три типа дольных ножей на основании геометрии клинка и функционального назначения (Мингалев, 2006, с. 116-117). По типологии Мингалева, обнаруженные в ходе сезона 2014 г. ножи можно отнести к двум типам:

I тип – псевдокнижалы (3 экз., погр. 43, 45, 47) – режуще-колючие боевые ножи, обух и лезвие которых сходятся к основанию, образуя равнобедренный треугольник. Все погребения, где обнаружены такие ножи, принадлежат взрослым индивидам.

II тип – скрамасаксы (2 экз., пахотный слой и погр. 42) – рубяще-колющие, «презентационные» (не боевые) ножи, лезвие которых «сбегает» к спинке, образуя прямоугольный треугольник.

Один из ножей данного типа происходит из погребения подростка.

Дольные ножи хронологически относятся к периоду V–VII в. н.э., причем тип I является более ранним, чем тип II (Мингалев, 2006, с. 119).

Ножи бытовые (3 экз.) представлены фрагментами: два фрагмента лезвия (треугольные в сечении) (рис. 9/1,7) и один фрагмент хвостовика (прямоугольный в сечении) (рис. 9/6). Все находки обнаружены в ходе разбора пахотного слоя.

• Бусы (3 экз.). Две из них янтарные и одна стеклянная.

Янтарные бусы (2 экз.) относятся к типу простых небольших дисковидных бус, и различаются лишь диаметром отверстия и толщиной. Одна из них обнаружена при расчистке пахотного слоя (рис. 9/8), вторая – в погребении 47.

Янтарные бусы имеет широкую датировку, и могут быть отнесены к периоду V–VIII вв. (Русланова, 2014, с.122).

Стеклянная бусина (1 экз.) лимонного цвета, была обнаружена в погребении 45. Она входила в состав височного украшения – проволочного кольца с напускной бусиной, обвитого проволокой (тордированного).

- Височные кольца (2 экз.)

Оба височных кольца происходят из «жертвенного комплекса» погребения № 45. Они относятся к типу простых проволочных колец, обвитых проволокой (тордированных), одно из них – с напускной стеклянной бусиной.

Височные кольца, обвитые проволокой, известны в курганной и грунтовых частях Агафоновского могильника (V–VIII вв.).

- Иглы

При расчистке пахотного слоя обнаружено два фрагмента железных игловок(?) диаметром не более 1 мм (рис. 9/2-3).

• Железные предметы представлены железными колечками-«шайбочками», одна из которых целая, вторая фрагментирована (рис. 9/4-5). Обе находки сделаны в пахотном слое. Функциональное назначение колечек неясно.

• Бронзовые предметы представлены небольшими прямоугольными в сечении обоймочками, украшающими (обжимающими) кожаный ремешок (тесемку). Были обнаружены в составе «жертвенного комплекса» погребения 45.

Абсолютная хронология комплексов

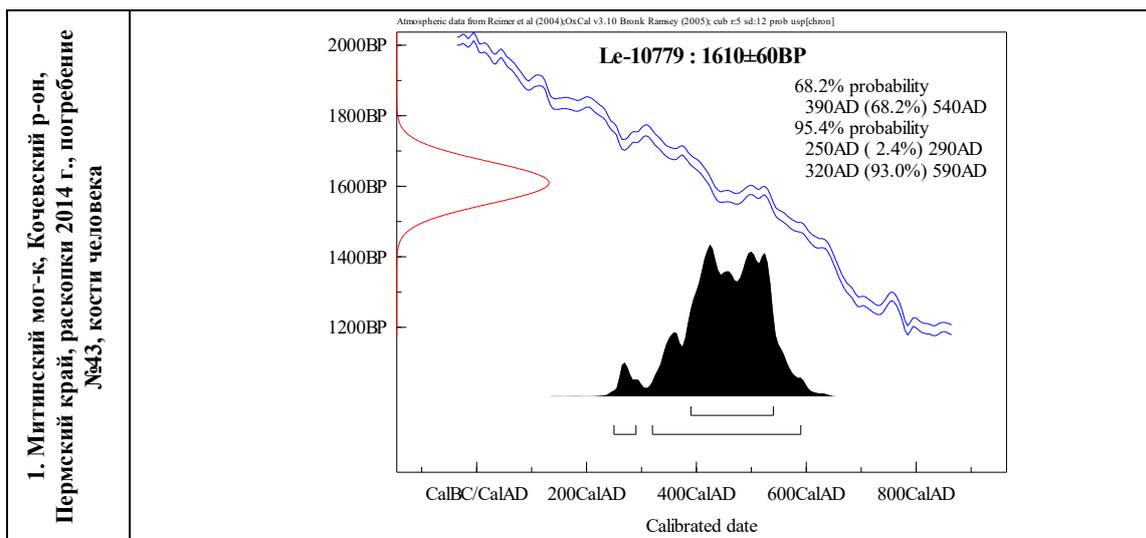
С целью получения радиоуглеродных дат в Лабораторию археологической технологии ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) было направлено:

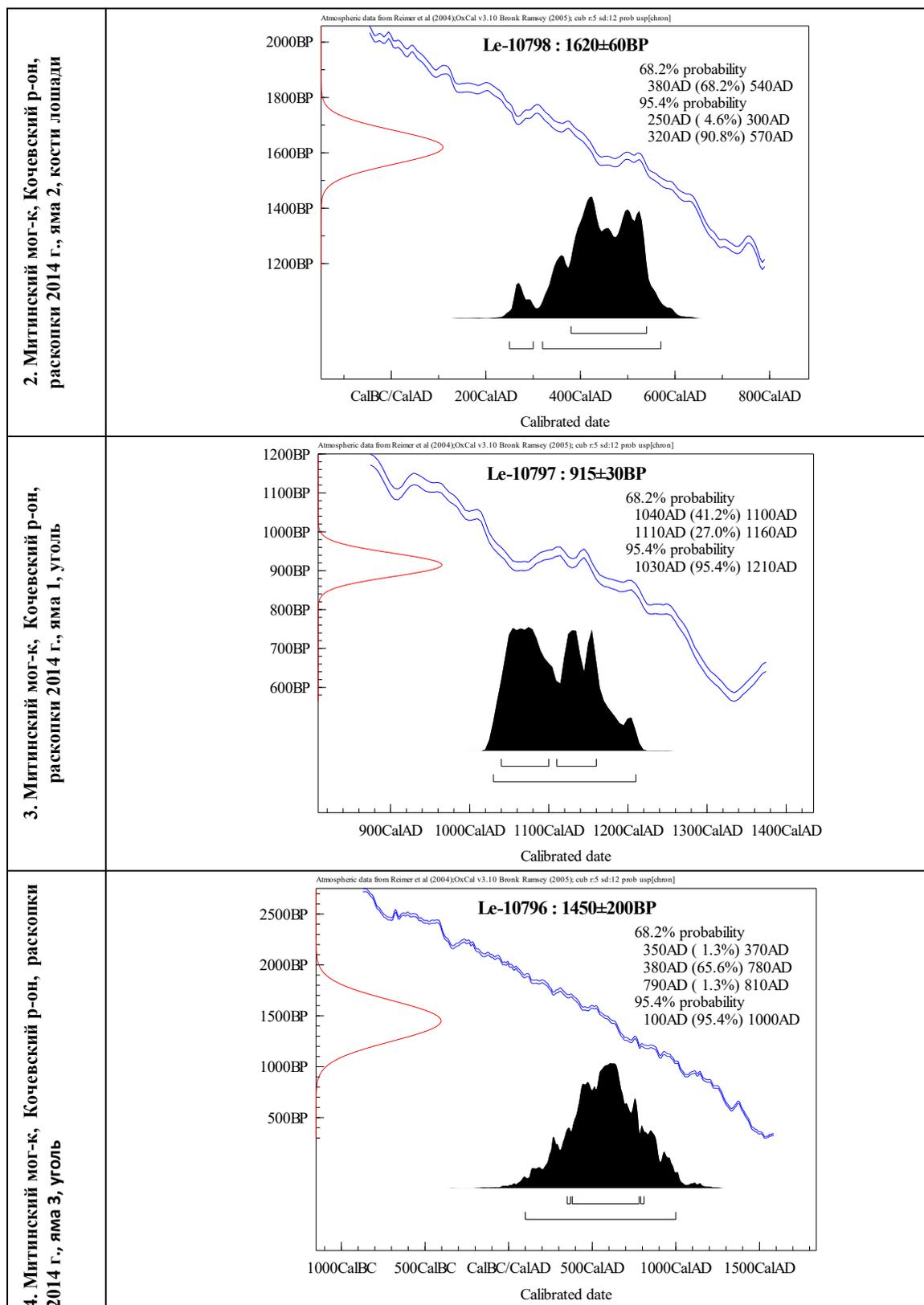
– на радиоуглеродный анализ по углям – 3 пробы: угли из ям №1, угли из ямы № 3 и угли из погребения № 46;

– на радиоуглеродные анализ по костным останкам – 2 пробы: длинные кости человека из погребения № 43 и кости животного из ямы № 2;

Пригодными для анализа оказались только 4 образца: длинные кости человека из погребения № 43; кости животного из ямы № 2; угли из ям №1; угли из ямы № 3 (табл.1).

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования

Длинные кости человека из погребения № 43 дали некалиброванную дату 1610 ± 60 BP, что соответствует 340 ± 60 г.н.э. После калибровки в программе OxCal v3.10 дата с вероятностью 68,2% легла в интервал 390-540 гг.н.э. (к. IV – первая полов. VI вв.). Кости животного из ямы № 2, интерпретируемой как канавка кургана над погребением № 43, дали некалиброванную дату 1620 ± 60 BP, что

соответствует 330 ± 60 г.н.э. После калибровки дата легла в интервал 380-540 гг. н.э. (конец IV – первая половина VI вв.).

Практически полная синхронность дат из погребения № 43 и ямы № 2 свидетельствует о корректности рассмотрения этих объектов как единого одновременного комплекса.

Уголь из ямы № 1 дал относительно позднюю дату – 915 ± 30 BP, которая после процедуры калибровки с вероятностью 95,4% стала соответствовать временному интервалу 1030-1210 гг. н.э. (первая треть XI – начало XIII вв. н.э.). Возможно, столь необычная для памятника дата связана с тем, что образец, отданный на анализ, относился не ко времени бытования могильника, а связан с более поздним лесным пожаром. Вряд ли это дату стоит учитывать при выстраивании итоговой хронологии памятника.

Угли из ямы № 3 получили некалиброванную дату 1450 ± 200 BP, что соответствует 500 ± 200 гг.н.э.; после процедуры калибровки – 380-780 гг.н.э. (вероятность 65,6%), т.е. конец IV – конец VIII вв.н.э.

Таким образом, анализ полученных результатов позволяет считать период конца IV – VI вв. в качестве наиболее вероятной даты бытования Митинского могильника.

Раскопки 2014 г. показали, что исследованиями 1956 г. могильник был изучен далеко не полностью, часть с распаханными курганными насыпями осталась не раскопанной. Материалы, полученные в ходе работ 2014 г., отчасти подтвердили имеющиеся представления о памятнике: погребения фиксируются на глубине -20-25 см сразу под слоем пахоты; имеют устойчивую ориентировку по линии СЗ-ЮВ; плотность расположения погребений в среднем – 1 погребение на 20 кв.м; сохранность костных остатков хорошая; в ряде погребений обнаружены остатки деревянных конструкций. К числу особенностей, отличающих материалы 2014 г. от материалов 1956 г., можно отнести следующие: преобладание в качестве наиболее массовой находки дольных ножей, а не бронзовых обувных или поясных пряжек, как отмечал В.Ф. Генинг (Генинг, 1956, с. 21), последних, кстати, в 2014 г. не обнаружено ни одной. Раскопки 2014 г. позволили выявить наличие на памятнике не отмеченных ранее погребений с нишами («прикопами») в продольной стенке (погр. 44).

Безусловно, исследование памятника следует продолжить.

Литература:

Генинг, 1956. – Генинг В.Ф. Отчет об археологических раскопках могильника Каменки у с. Мазунино (Камбарский район) Удм. АССР, произведенных Удмуртской археологической экспедицией в 1956 г. // Архив кабинета археологии Центра археологических исследований при Центре классического образования УрФУ им. Б.Н. Ельцина (УрГУ). Ф. II, д. 221.

Генинг, Голдина, 1973. – Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. – 1973. – Вып. 12. – С.58-121.

Мингалев, 2006. – Мингалев В.В. Дольные ножи // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья.– Пермь: ПГПУ, 2006. – Вып.1. – С.112–119.

Русланова, 2014. – Русланова Р.Р. Бусы могильников Уфимско-Бельского междуречья III–VIII вв. Дис. ... к.и.н. – Казань, 2014. – 218 с.

Талицкая, 1952. – Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Кама // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. – Вып. IV. – М.: АН СССР, 1952. – 225 с.

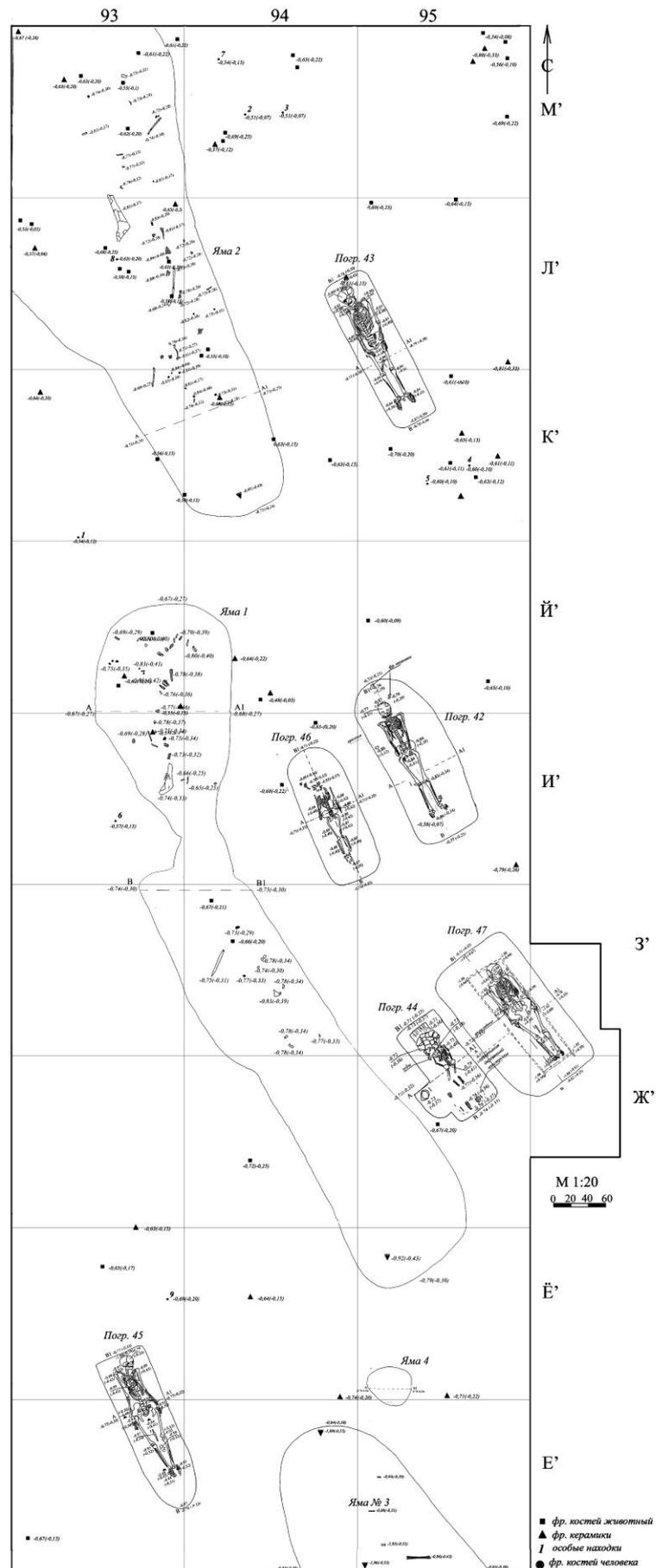

Рис. 1. Общий план раскопа 2014 г. Митинской курганной группы

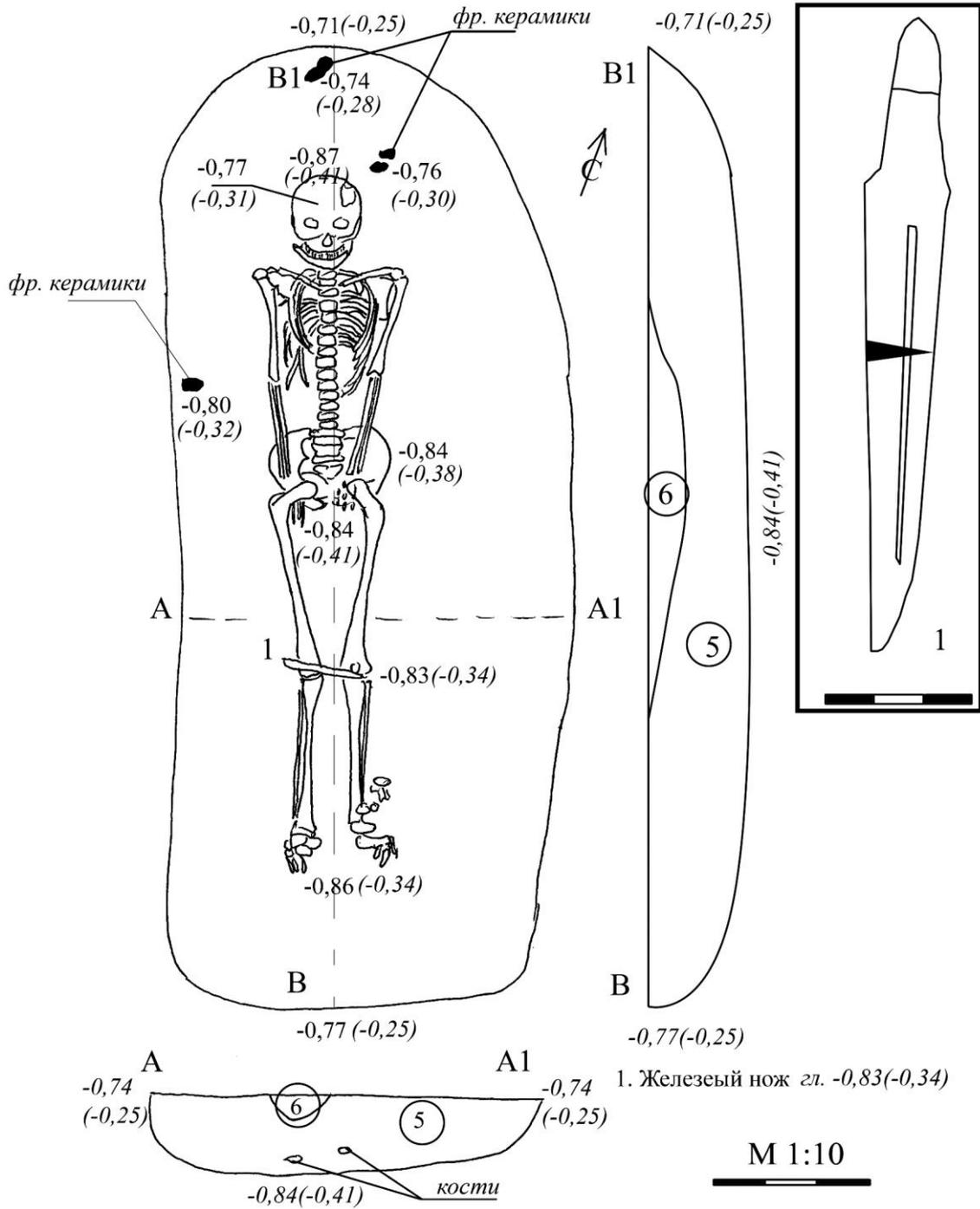

Рис. 2. План и индивидуальная находка погребения № 42 Митинской курганной группы

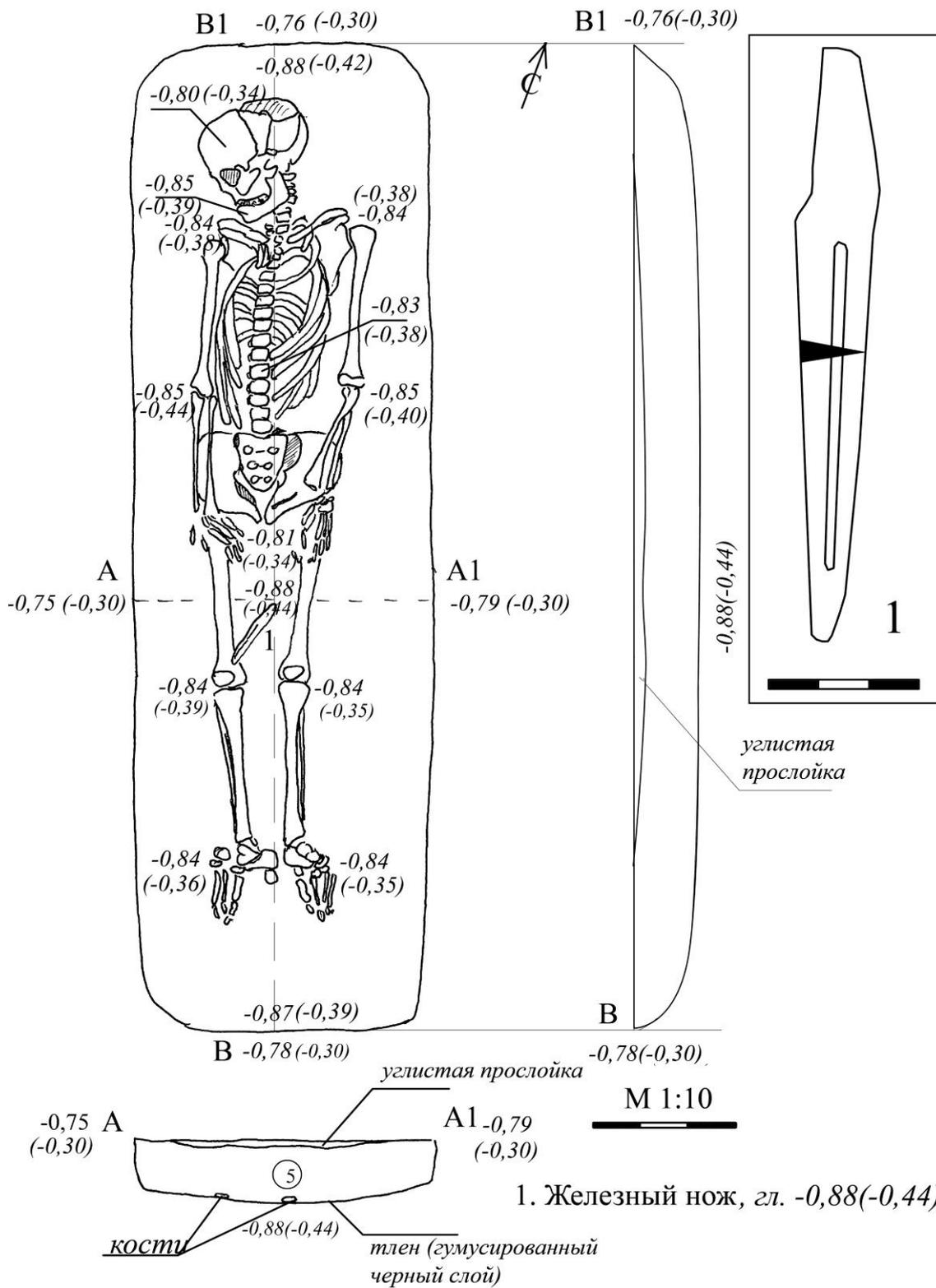
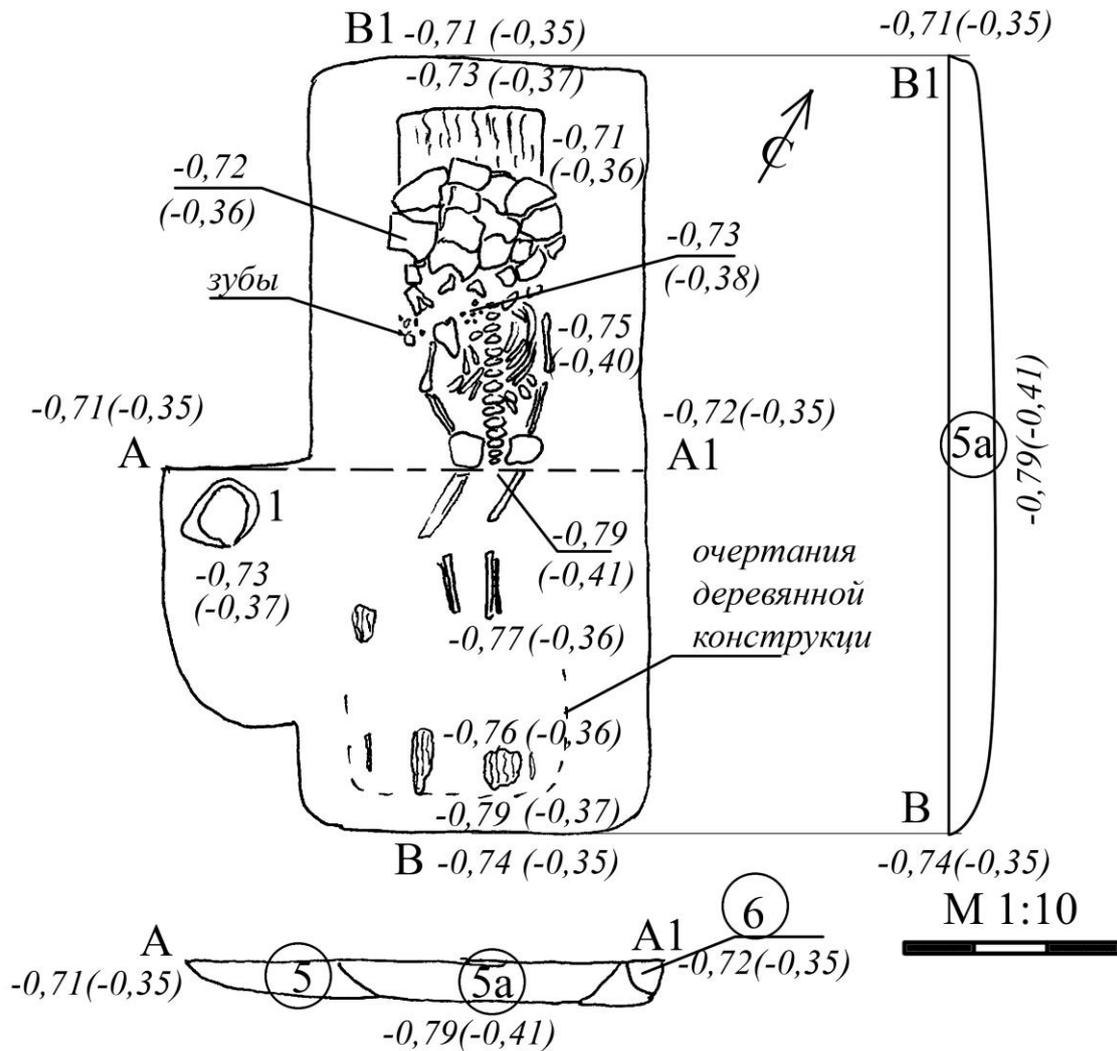

Рис. 3. План и индивидуальная находка погребения № 43 Митинской курганной группы

1. Развал керамического сосуда, гл. -0,73 (-0,37)

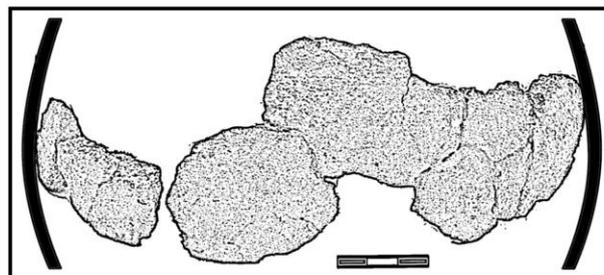

Рис. 4. План и индивидуальные находки погребения № 44 Митинской курганной группы

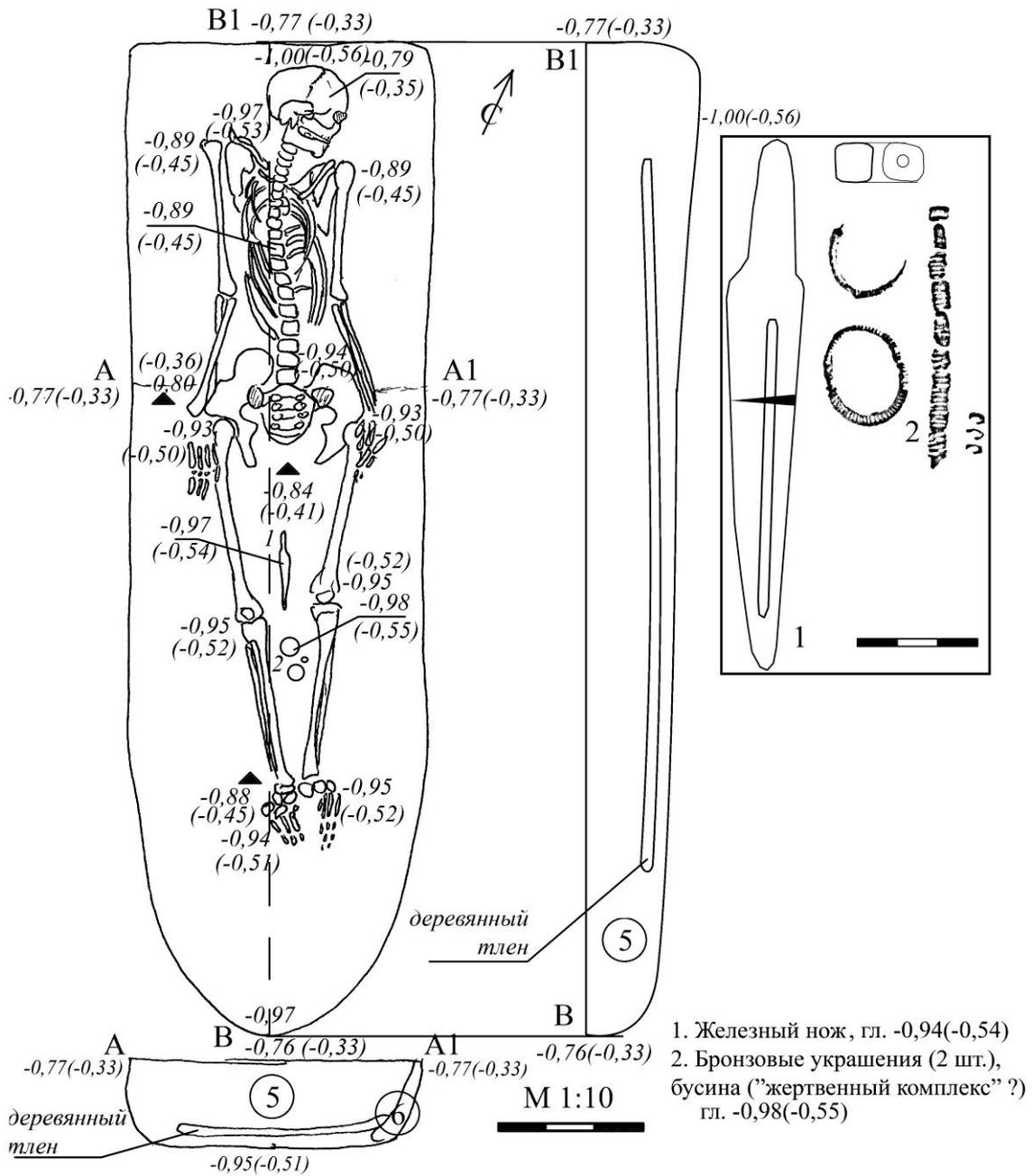

Рис. 5. План и индивидуальные находки погребения № 45 Митинской курганной группы

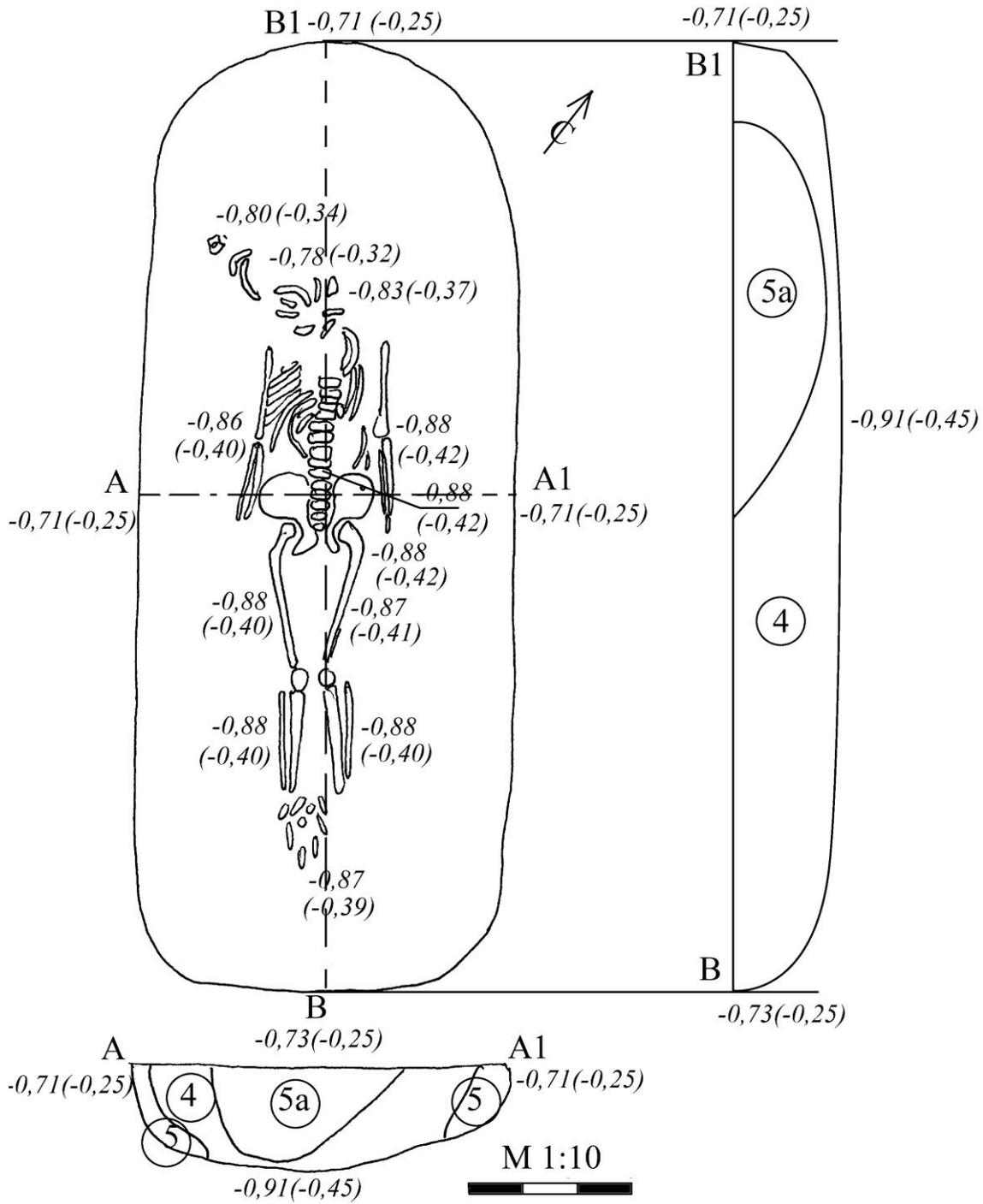

Рис. 6. План и индивидуальные находки погребения № 46 Митинской курганной группы

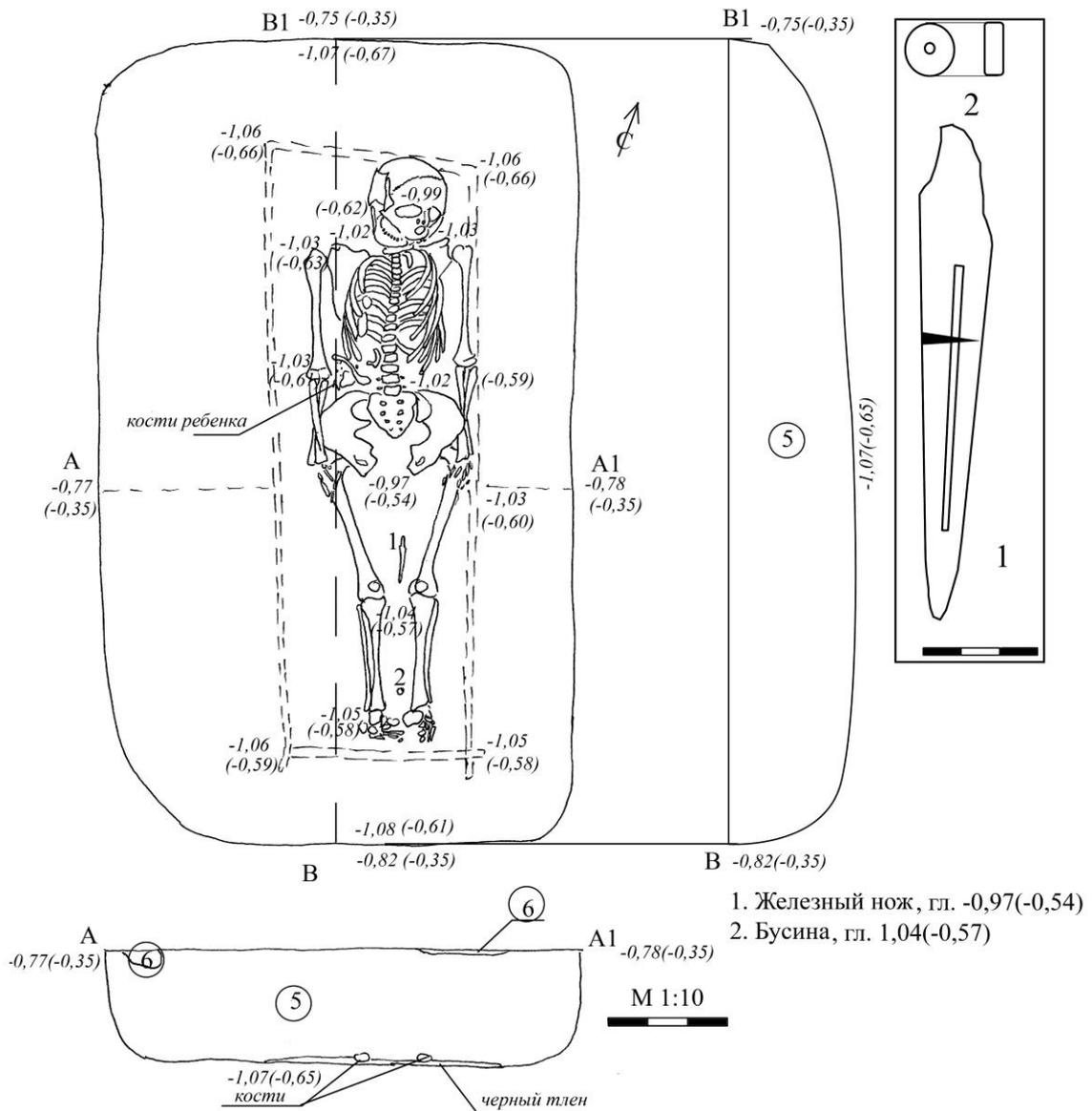

Рис. 7. План и индивидуальные находки погребения № 47 Митинской курганной группы

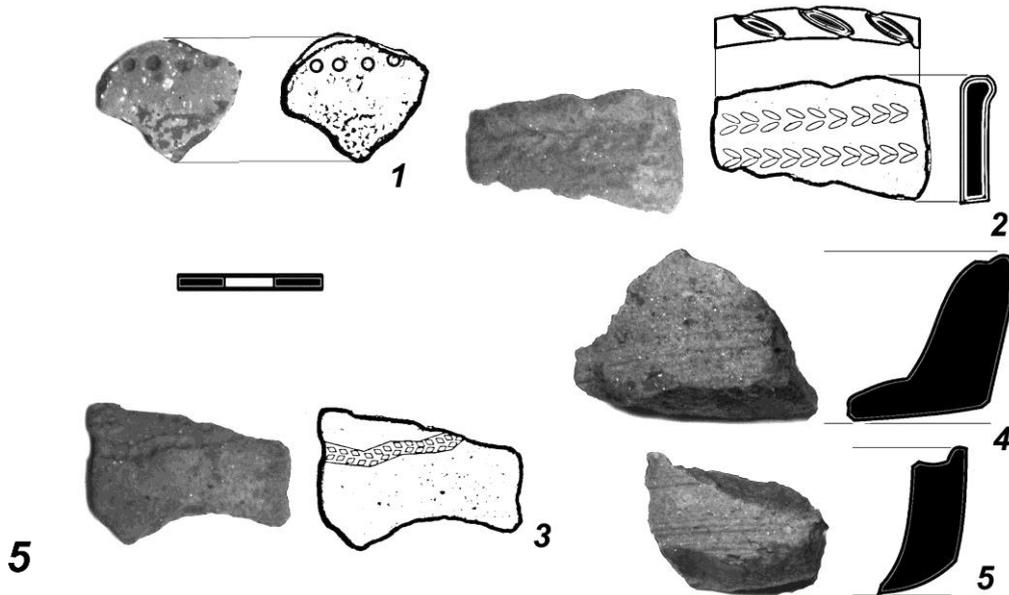

Рис. 8. Керамика Митинской курганной группы

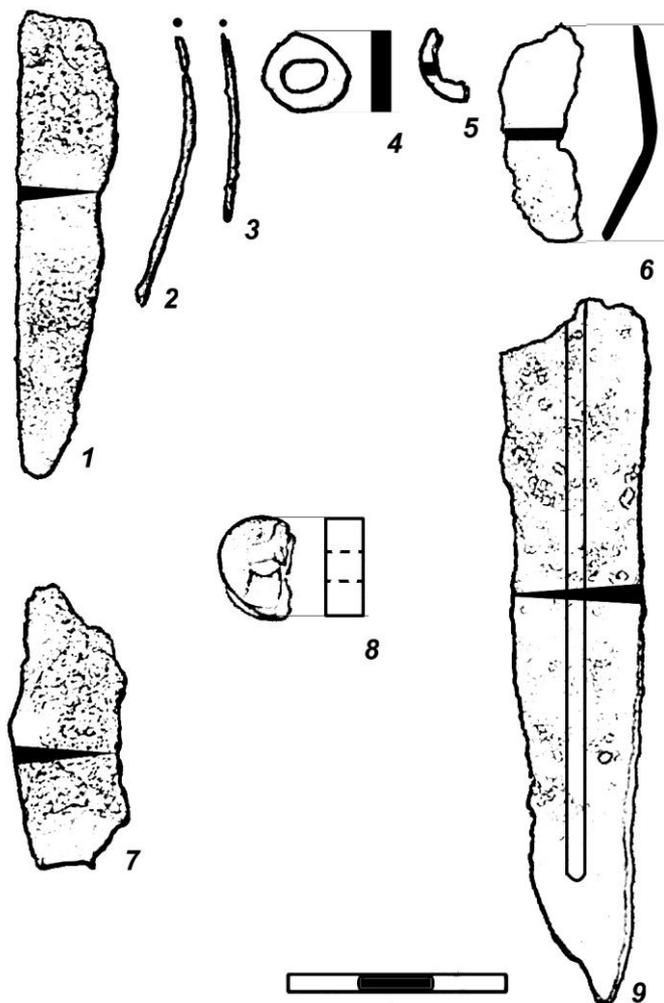

Рис. 9. Индивидуальные находки из пахотного слоя Митинской курганной группы

Подосёнова Ю.А.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

**РЕНТГЕНО-ФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНОГО
МЕТАЛЛА МИТИНСКОГО МОГИЛЬНИКА ЛОМОВАТОВСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ***

*Статья подготовлена в рамках Технического задания НИР "Ремесло Пермского Предуралья в эпоху средневековья" в соответствии с Задаaniem Минобрнауки № 33.1091.2014/К

Ключевые слова: Митинский могильник, харинский этап, ломоватовская археологическая культура, химический состав металла, рентгено-флюоресцентный анализ

Предлагаемая вниманию публикация посвящена исследованию химического состава изделий из цветных и драгоценных металлов Митинского могильника, полученных в результате проведения рентгено-флюоресцентного анализа. Было выяснено, что большинство изделий Митинского могильника изготовлено из металлического сплава на основе меди: многокомпонентной латуни, многокомпонентной бронзы. Также выделена группа изделий, изготовленных из сплава с содержанием серебра. Изделия и состав металла первой группы может свидетельствовать о «местном» сплаве, получаемом в результате переплавки лома. Изделия, выполненные из сплавов с содержанием серебра, возможно, являлись импортными. Более уверенно об этом можно будет говорить после обработки материалов синхронных памятников.

Podosyonova Y.A.

(Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm)

**X-RAY FLUORESCENT ANALYSIS OF ITEMS MADE OF NONFERROUS
METAL FROM THE MITINSKY BURIAL GROUND OF THE
LOMOVATOVSKAYA ARCHAEOLOGICAL CULTURE**

Keywords: Mitinsky burial ground, Kharinsky stage, Lomovatovskaya archaeological culture, chemical composition of metal, x-ray fluorescent analysis

The article deals with the chemical composition of items made of nonferrous and precious metals from the Mitinsky burial ground. The composition of the items was determined by the x-ray fluorescent analysis. The majority of the artifacts from the Mitinsky burial ground are made of metal alloy on the basis of copper: multi-component brass and multi-component bronze. There is another group of items made of the silver containing alloy. Items of the first group and their metal composition may indicate "local" alloy, produced by melting scrap. Artifacts made of alloys containing silver may have been imported. Analysis of materials from synchronous sites will allow proving or refuting this hypothesis.

Митинский могильник – один из опорных памятников харинского этапа ломоватовской археологической культуры. Памятник относится к косинской группе курганных могильников Верхнего Прикамья, расположен в 1,5 км к востоку от д. Митино Кочевского района Пермского края, на левом берегу р. Кычдез, правого притока р. Лолог, левого притока р. Косы, правого притока р. Камы.

Первые археологические раскопки памятника были проведены в 1956 году под руководством В.Ф. Генинга. Всего на памятнике было исследовано 51 захоронение, из которых 41 погребение находилось под распаханными

насыпями на поле, остальные захоронения – исследованы под курганными насыпями (всего 5 курганов). Результаты исследований были опубликованы В.Ф. Генигом и Р.Д. Голдиной в совместной статье, посвященной курганным могильникам харинского типа (Генинг, Голдина, 1973, с. 59, табл. А).

В 2014 г. изучение могильника продолжил Д.В. Шмуратко. На памятнике было исследовано 6 погребений. Таким образом, в целом за все время раскопок исследовано 57 погребений.

Могильник является курганным, погребения имеют устойчивую ориентировку по линии СЗ–ЮВ; плотность расположения погребений в среднем 1 погребение на 20 кв.м. По коллекции предметов, полученных в результате раскопок, исследователи датируют памятник финалом харинского этапа – VII веком.

Довольно внушительную часть в материалах Митинского могильника составляют предметы из цветного и драгоценного металла. В литературе уже были представлены некоторые аспекты их исследования – типологические и хронологические данные (Генинг, Голдина, 1973). Однако в настоящее время для комплексного исследования изделий таких данных недостаточно.

Изучение изделий из цветного металла на качественно новом уровне предполагает исследование химического состава металла изделий. Предлагаемая публикация, по сути, является сводом данных по химическому составу изделий из цветных и драгоценных металлов Митинского могильника, полученных в результате проведения рентгено-флуорисцентного анализа.

Всего было проанализировано 84 изделия из цветного и драгоценного металла. В выборку попали все доступные в настоящее время изделия. Изучение изделий производилось при помощи портативного прибора Bruker S1. Учитывая неомогенность древнего металла, с каждого предмета было взято от 1 до 4 проб. Результаты серий измерений (пробы) математически усреднялись.

Результаты исследования представлены в табличном виде. В *таблице 1* представлены паспортные данные изделий, основной формообразующий способ их изготовления. В *таблице 2* представлены результаты анализа, определены типы сплава. В *таблице 3* представлены группы и типы плавов, количественные показатели.

В результате проведенных исследований цветной и драгоценный металл, из которого были изготовлены изделия, обнаруженные на Митинском могильнике, можно разделить на две группы: изделия, выполненные *из сплава на основе меди* и изделия, выполненные *из сплава с низким или высоким содержанием серебра* (где Ag более 10%).

К первой группе – *сплавы на основе меди* – относится большее количество изделий (более 85%). В основном это изделия, выполненные из многокомпонентной латуни, многокомпонентной бронзы. Исследователи считают, что данные сплавы являются *индикатором переплавки лома* (Зайцева, Сарачева, 2011, с.122). По номенклатуре изделий, изготовленных из сплавов первой группы, – это *основы ременных пряжек* (рамки), *привески*, *пронизки*, *браслеты*.

Вторая группа – *сплавы с низким или высоким содержанием серебра* (где Ag более 10%) – представлена меньшим количеством изделий. Из сплавов данной группы изготовлены *калачиковидные височные украшения*, *гривна*, *ременные пряжки* (рамка). Возможно, это изделия импортного производства.

Таким образом, в качестве основного «местного» сплава выступала многокомпонентная бронза и многокомпонентная латунь, получаемая в

результате переплавки лома. Изделия, выполненные из сплавов с содержанием серебра, возможно, являлись импортными. Более уверенно об этом можно будет говорить после обработки материалов синхронных памятников и комплексного анализа изделий из металла рассматриваемого периода.

Представленные данные впоследствии могут послужить основой для решений вопросов, связанных с происхождением и эволюцией некоторых категорий украшений харинского этапа ломоватовской археологической культуры, определению этнокультурных контактов, решению вопросов хронологии, преемственности культур.

Литература:

Генинг, Голдина, 1973. – Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. – Свердловск: УрГУ, 1973. – Вып. 12. – С.58-121.

Зайцева, Сарачева, 2011. – Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI – XIII в. – М.: Индрик, 2011. – 404 с.: ил.

Таблица 1. Изделия из цветного и драгоценного металла из Митинского могильника

№	Шифр предмета	Название предмета	Хранение	Основной способ изготовления
1	5 мм- п. 24	навершия, детали ножен	КПКМ	механическая обработка металла
2	5 мм-132 п.7	навершия, детали ножен	КПКМ	конструктивное изделие
3	5 мм-16 п.9	навершия, детали ножен	КПКМ	механическая обработка металла
4	5 мм-67	навершия, детали ножен	КПКМ	конструктивное изделие
5	5 мм-67 п.24	навершия, детали ножен	КПКМ	конструктивное изделие
6	5 мм-98 п.37	навершия, детали ножен	КПКМ	конструктивное изделие
7	5 мм - п. 25	навершия, детали ножен	КПКМ	конструктивное изделие
8	5 мм-102 п. 39	височное украшение	КПКМ	каркасная проволока
9	5 мм-п.39	шумящая подвеска	КПКМ	конструктивное изделие
10	5 мм-137 п. 4	пряжка ременная	КПКМ	конструктивное изделие
11	5 мм-б.н. пряжка	пряжка ременная	КПКМ	конструктивное изделие
12	5 мм-176 к.3	пряжка ременная	КПКМ	конструктивное изделие
13	5 мм-82 п.27	пряжка ременная	КПКМ	конструктивное изделие
14	5 мм-60 п.23	пряжка ременная	КПКМ	конструктивное изделие
15	5 мм-25 п.2	пряжка ременная	КПКМ	литье
16	5 мм-44 п.19	пряжка ременная	КПКМ	конструктивное изделие
17	5 мм-п.4	пряжка ременная	КПКМ	конструктивное изделие
18	5 мм-45 п.	пряжка ременная	КПКМ	конструктивное изделие
19	5 мм-25 п.10	пряжка ременная	КПКМ	конструктивное изделие
20	5 мм-42	пряжка ременная	КПКМ	конструктивное изделие
21	5 мм-42 п.10	пряжка ременная	КПКМ	конструктивное изделие
22	5 мм-65 п.24	пряжка ременная	КПКМ	конструктивное изделие
23	5 мм-п.45	пряжка ременная	КПКМ	конструктивное изделие
24	5 мм-40 п.10	пряжка ременная	КПКМ	конструктивное изделие
25	5 мм-38 п.17	пряжка ременная	КПКМ	конструктивное изделие
26	5 мм-62 (24)	пряжка ременная	КПКМ	конструктивное изделие

27	5 мм-42 (второй)	пряжка ременная	КПКМ	конструктивное изделие
28	5 мм-56 п.22	пряжка ременная	КПКМ	конструктивное изделие
29	5 мм-138 п.4	пряжка ременная	КПКМ	конструктивное изделие
30	5 мм-157	браслет	КПКМ	литье
31	5 мм-158 (2)	браслет	КПКМ	механическая обработка металла
32	5 мм-29 п.11	ременная пряжка	КПКМ	конструктивное изделие
33	5 мм-107 п.39	спиралевидная пронизка	КПКМ	механическая обработка металла
34	5 мм-50 п.21	ременная пряжка	КПКМ	конструктивное изделие
35	5 мм-106 п.39	спиралевидная пронизка	КПКМ	механическая обработка металла
36	5 мм-104 п.39	двухчастная бусина	КПКМ	литье
37	5 мм-17 п.26	колоковидная пронизка	КПКМ	литье
38	5 мм-18 п.9	привеска конек	КПКМ	литье
39	5 мм-111 п. 39	спиралевидная пронизка	КПКМ	механическая обработка металла
40	5 мм-142 п.1	спиралевидная пронизка	КПКМ	механическая обработка металла
41	5 мм-110 п.39	ременная пряжка	КПКМ	конструктивное изделие
42	5 мм - 108 п. 39	спиралевидная пронизка	КПКМ	механическая обработка металла
43	5 мм-150 п.40	пронизка-уточка	КПКМ	литье
44	5 мм-140 п.4	привеска конек	КПКМ	литье
45	5 мм-157 (2)	калачиковидное украшение	КПКМ	конструктивное изделие
46	5 мм-158	калачиковидное украшение	КПКМ	конструктивное изделие
47	5 мм-159	калачиковидное украшение	КПКМ	конструктивное изделие
48	5 мм-1...	подвеска-уточка	КПКМ	литье
49	1 мм -145 п.1	височное украшение	КПКМ	конструктивное изделие
50	1 мм-166	височное украшение	КПКМ	конструктивное изделие
51	1 мм-160	височное украшение	КПКМ	конструктивное изделие
52	5 мм-103 п. 39	височное украшение	КПКМ	конструктивное изделие
53	1 мм-32 п. 11	височное украшение	КПКМ	конструктивное изделие
54	1 мм-32 п. 11 (2)	височное украшение	КПКМ	конструктивное изделие
55	1мм-147 п. 1	височное украшение	КПКМ	конструктивное изделие
56	1 мм - б.н. (48)	височное украшение	КПКМ	конструктивное изделие
57	5 мм-11 п.4	спиралевидная пронизка	КПКМ	механическая обработка металла
58	5 мм-99 п.37	ременная пряжка	КПКМ	конструктивное изделие
59	5 мм-б.н.	спиралевидная пронизка	КПКМ	конструктивное изделие
60	5 мм-б.н.	поясная накладка	КПКМ	конструктивное изделие
61	5 мм-б.н.	поясная накладка	КПКМ	конструктивное изделие
62	5 мм-б.н.	поясная накладка	КПКМ	конструктивное изделие
63	5 мм-б.н.	поясная накладка	КПКМ	конструктивное изделие
64	5 мм-б.н.	поясная накладка	КПКМ	конструктивное изделие
65	5 мм-б.н.	поясная накладка	КПКМ	конструктивное изделие
66	5 мм-б.н.	поясная накладка	КПКМ	конструктивное изделие
67	5 мм-87 п.28	гривна	КПКМ	конструктивное изделие
68	5 мм-5 п.2	ременная пряжка	КПКМ	конструктивное изделие
69	5 мм-б.н.	ременная пряжка	КПКМ	конструктивное изделие
71	5 мм-30 п.20	ременная пряжка	КПКМ	конструктивное изделие
72	5 мм-49 п.21	ременная пряжка	КПКМ	конструктивное изделие

73	5 мм-183	ременная пряжка	КПКМ	конструктивное изделие
74	5 мм-62 п.23(2)	ременная пряжка	КПКМ	конструктивное изделие
75	5 мм-б.н.	ременная пряжка	КПКМ	конструктивное изделие
76	5 мм-б.н.	ременная пряжка	КПКМ	конструктивное изделие
77	5 мм-б.н.	ременная пряжка	КПКМ	конструктивное изделие
78	5 мм-62 п.23	ременная пряжка	КПКМ	конструктивное изделие
79	5 мм-65 п.24 (2)	ременная пряжка	КПКМ	конструктивное изделие
80	5 мм-б.н.	ременная пряжка	КПКМ	конструктивное изделие
81	5 мм-27 п.10	ременная пряжка	КПКМ	конструктивное изделие
82	5 мм-б.н.	ременная пряжка	КПКМ	конструктивное изделие
83	5 мм-28 п. 11	ременная пряжка	КПКМ	конструктивное изделие
84	5 мм-26 п.10	ременная пряжка	КПКМ	конструктивное изделие

Таблица 2. Результаты рентгено-флуоресцентного анализа изделий из цветного и драгоценного металла Митинского могильника

№	Fe	Cu	As	Sn	Pb	Ni	Zn	Ag	Ta	Ir	Cd	Au	Тип плава
1	0,7	50,2	3,48	16,4	25,5	0	3,72	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Sn-Zn-As
2	0,7	50,2	3,48	16,4	25,5	0	3,72	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Sn-Zn-As
3	0,7	50,2	3,48	16,4	25,5	0	3,72	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Sn-Zn-As
4	0,7	50,2	3,48	16,4	25,5	0	3,72	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Sn-Zn-As
5	0,7	50,2	3,48	16,4	25,5	0	3,72	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Sn-Zn-As
6	0,7	50,2	3,48	16,4	25,5	0	3,72	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Sn-Zn-As
7	0,7	50,2	3,48	16,4	25,5	0	3,72	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Sn-Zn-As
8	0,5	47,7	0	21,6	19	0	0	11,2	0	0	0	0	Cu-Sn-Pb-Ag
9	0,87	60,4	2,64	27,1	6,88	0,35	1,76	0	0	0	0	0	Cu-Sn-Pb-As-Zn
10	0,42	76,7	0	14,9	4,28	0,2	3,5	0	0	0	0	0	Cu-Sn-Pb-Zn
11	0,8	81,7	0	0	5,34	0,16	12	0	0	0	0	0	Cu-Zn-Pb
12	0,8	66,4	0	0	3,5	0	29,3	0	0	0	0	0	Cu-Zn-Pb
13	0	85,5	0,38	3,02	1,23	0,2	9,67	0	0	0	0	0	Cu-Zn-Sn-Pb
14	0,12	78,2	0	4,81	4,47	0	12,4	0	0	0	0	0	Cu-Zn-Sn-Pb
15	0	94,9	1,02	0	0,89	0	3,19	0	0	0	0	0	Cu-Zn-As
16	0,45	81,6	0	0	1,95	0	16	0	0	0	0	0	Cu-Zn-Pb
17	0,41	68,1	2,68	2,9	17	0	8,91	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Zn-Sn-As
18	0,6	75,8	2,15	3,31	8,84	0	9,3	0	0	0	0	0	Cu-Zn-Pb-Sn-As
19	0,7	40,6	0,4	3,46	1,52	0	5,06	47,56	0	0	0	0,7	Ag-Cu-Sn-Pb
20	0	80,6	3,66	0	9,8	0	3,94	2	0	0	0	0	Cu-Pb-Zn-As-Ag
21	0,86	87,1	0	1,77	2,76	0	7,51	0	0	0	0	0	Cu-Zn-Pb-Sn
22	0,67	72,2	3,36	3,19	11	0	9,58	0	0	0	0	0	Cu-Zn-Pb-As-Sn
23	0,9	69,1	3,39	6	14,2	0	6,41	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Zn-Sn-As
24	0,8	73,2	0	5,85	4,5	0,2	15,45	0	0	0	0	0	Cu-Zn-Sn-Pb
25	0,7	86,5	0	0	2,9	0	9,9	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Zn
26	0	95,2	0,5	0	1,6	0	2,7	0	0	0	0	0	Cu-Zn-Pb
27	0,43	84,6	0	4,7	2,96	0	7,31	0	0	0	0	0	Cu-Zn-Pb-Sn
28	0,7	89,4	0	1,55	4,2	0	4,15	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Zn-Sn

29	0,5	64,5	0	26,9	5,8	0	2,3	0	0	0	0	0	Cu-Sn-Pb-Zn
30	0,54	43,85	0	34,8	11,9	0	8,91	0	0	0	0	0	Cu-Sn-Pb-Zn
31	0,9	36,1	0	35,2	18,5	0	9,3	0	0	0	0	0	Cu-Sn-Pb-Zn
32	0,8	76,5	3,56	7	9,92	0	2,22	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Sn-As-Zn
33	0,86	64,3	0	7,64	14,3	0	12,9	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Zn-Sn
34	0,8	89	0,9	0	1,84	0,3	7,16	0	0	0	0	0	Cu-Zn-Pb
35	0,5	88,7	0	2	5,4	0	3,4	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Zn-Sn
36	0,16	50,7	2,7	32,6	11,94	0,5	1,4	0	0	0	0	0	Cu-Sn-Pb-As-Zn
37	0,39	89	0	2,55	4,2	0	3,86	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Zn-Sn
38	0,33	78,8	0	4,92	10,6	0	5,35	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Zn-Sn
39	0	95,6	0,7	0	0	0	3,7	0	0	0	0	0	Cu-Zn
40	0,64	40,3	4,88	22,4	28	0	3,08	0	0	0,7	0	0	Cu-Sn-Pb-As-Zn
41	0,4	94,8	0	0	0	0	4,8	0	0	0	0	0	Cu-Zn
42	0,5	96,1	0,85	0	0	0	2,55	0	0	0	0	0	Cu-Zn
43	0,25	44,2	2,63	36,3	11,8	0,18	4,64	0	0	0	0	0	Cu-Sn-Pb-Zn-As
44	0,3	61,8	3,5	9,5	21,2	0	3,7	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Sn-Zn-As
45	0,249	2,95	0,03	0	0,27	0	0,271	95,3	0	0	0	0,93	Ag-Cu
46	0,4	14	0,2	11,9	0,94	0	1,18	70,4	0	0	0	0,98	Ag-Cu-Sn-Zn
47	0,26	47,6	0	32,5	8,9	0	1,78	8,96	0	0	0	0	Cu-Sn-Ag-Pb-Zn
48	0,8	58,2	2,9	19,4	16,3	0	2,4	0	0	0	0	0	Cu-Sn-Pb-As-Zn
49	0,96	17,8	0,32	0	1,14	0	3,18	76	0	0	0	0,6	Ag-Cu-Zn-Pb
50	0,52	60,2	0	29,6	7,78	0	1,9	0	0	0	0	0	Cu-Sn-Pb-Zn
51	0,5	80	0	0	0	0	0	19,5	0	0	0	0	Cu-Ag
52	0,51	86,6	0	0	2,5	0,15	10,24	0	0	0	0	0	Cu-Zn-Pb
53	2,6	75,5	3,3	0	10,2	0	3,84	0	0	0	4,56	0	Cu-Pb-Zn-As-Cd
54	0,5	78,6	2,45	0	8,7	0	7,8	1,95	0	0	0	0	Cu-Pb-Zn-As-Ag
55	0,66	47,4	0	25,13	19	0	1,54	6,27	0	0	0	0	Cu-Sn-Pb-Ag-Zn
56	0,28	65,4	0	18,2	12,6	0	3,52	0	0	0	0	0	Cu-Sn-Pb-Zn
57	0,56	64,6	3,36	0	23,4	0	8,08	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Zn-As
58	0,75	63,3	0	31	3,6	0	1,35	0	0	0	0	0	Cu-Sn-Pb-Zn
59	0,15	92,3	0	2,54	1,2	0	3,81	0	0	0	0	0	Cu-Zn-Sn-Pb
60	0,48	59	3,39	13,3	20	0	3	0	0,83	0	0	0	Cu-Pb-Sn-As-Zn
61	0,8	72,6	1,9	11,7	9,6	0,22	3,18	0	0	0	0	0	Cu-Sn-Pb-Zn-As
62	0,6	59,7	3,2	13,8	20	0	2,7	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Sn-As-Zn
63	0,5	66,1	1,7	13,6	9,6	0	8,5	0	0	0	0	0	Cu-Sn-Pb-Zn-As
64	0,4	27,6	2,9	47,6	18	0	2,4	0	0,5	0,6	0	0	Sn-Cu-Pb-As-Zn
65	1,04	52,4	3,05	18,8	20,8	0	3,9	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Sn-Zn-As
66	0,9	50,7	3,5	18,8	22,7	0	3,4	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Sn-As-Zn
67	0,42	46,8	0	0	3,34	0	3,34	46,1	0	0	0	0	Ag-Cu-Pb-Zn
68	0,5	93	0,8	1,53	0,93	0	3,24	0	0	0	0	0	Cu-Zn-Sn
69	0,9	84,1	0	0	6,1	0	8,9	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Zn
70	0,89	76	0	9,86	6,9	0	6,35	0	0	0	0	0	Cu-Sn-Pb-Zn
71	0,74	84,3	0	3,25	9,52	0,3	0	1,89	0	0	0	0	Cu-Pb-Sn-Ag
72	0	92,8	0,76	0	1,41	0	3,94	0	1,09	0	0	0	Cu-Zn-Pb-Ta
73	0,85	88,6	0	1,4	3,08	0	6,07	0	0	0	0	0	Cu-Zn-Pb-Sn

74	0,12	79,2	0	0	2,5	0,2	3,38	14,6	0	0	0	0	Cu-Ag-Zn-Pb
75	0,61	41,7	0	1,83	3,03	0	6,65	45,2	0,336	0	0	0,64	Ag-Cu-Zn-Pb-Sn
76	0,33	78,9	2,68	0,43	7,36	0,1	10,2	0	0	0	0	0	Cu-Zn-Pb-As
77	0,74	89	0	0	6,56	0,3	3,4	0	0	0	0	0	Cu-Pb-Zn
78	0,8	19,7	0	0	2,9	0	3,9	71,8	0	0	0	0,9	Ag-Cu-Zn-Pb
79	0,94	62,3	4,04	9,84	17,4	0	3,78	1,7	0	0	0	0	Cu-Pb-Sn-As-Zn-Ag
80	0,96	21,8	0	14,2	4,01	0	2,71	55,4	0	0	0	0,92	Ag-Cu-Sn-Pb-Zn
81	0,9	82,1	0	0	0	0,3	16,7	0	0	0	0	0	Cu-Zn
82	0,7	90,8	1,26	1,57	1,75	0	3,92	0	0	0	0	0	Cu-Zn-Pb-Sn-As
83	0,6	94,8	0,13	0	0,7	0	3,77	0	0	0	0	0	Cu-Zn
84	0,8	82,2	0,46	0	1,74	0	14,8	0	0	0	0	0	Cu-Zn-Pb

Таблица 3. Группы и типы сплавов изделий Митинского могильника

Группа сплава	Тип сплава	Кол-во изделий	
сплавы с содержанием серебра (более 10%)	сплавы на основе серебра (Ag более 40%)	Ag-Cu-Sn-Pb-Zn	1
		Ag-Cu-Sn-Pb	1
		Ag-Cu-Zn-Pb-Sn	1
		Ag-Cu	1
		Ag-Cu-Sn-Zn	1
		Ag-Cu-Pb-Zn	1
		Ag-Cu-Zn-Pb	2
		сплавы на основе меди с низким содержанием серебра (Ag более 10%)	Cu-Ag
сплавы на основе меди	Латуни, многокомпонентные латуни, многокомпонентные сплавы на основе меди	Cu-Ag-Zn-Pb	1
		Cu-Zn	5
		Cu-Zn-Pb	7
		Cu-Zn-Sn-Pb	4
		Cu-Zn-As	1
		Cu-Zn-Pb-Sn-As	2
		Cu-Zn-Pb-Sn	3
		Cu-Zn-Pb-As-Sn	1
		Cu-Zn-Sn	1
		Cu-Zn-Pb-Ta	1
		Cu-Zn-Pb-As	1
		Cu-Pb-Zn-Sn	5
		Cu-Pb-Zn	3
		Cu-Pb-Zn-As-Ag	2
		Cu-Pb-Zn-Sn-As	2
		Cu-Pb-Sn-Zn-As	9
		Cu-Pb-Sn-As-Zn-Ag	1
		Cu-Pb-Sn-Ag	1
		Cu-Pb-Zn-As	1
		Cu-Pb-Zn-As-Cd	1
		Cu-Pb-Sn-As-Zn	4
		Cu-Sn-Pb-As-Zn	4
		Cu-Sn-Pb-Ag	1
		Cu-Sn-Pb-Zn	8
		Cu-Sn-Pb-Ag-Zn	1
		Sn-Cu-Pb-As-Zn	1
		Cu-Sn-Pb-Zn-As	3
Cu-Sn-Ag-Pb-Zn	1		
Итого:		84	

Данич А.В.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

КЛАССИФИКАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТОПОРОВ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Ключевые слова: топор, чекан, секира, клевец, бородовидный топор, Пермское Предуралье.

В статье обобщаются данные о находках на территории Пермского Предуралья боевых, рабочих и универсальных топоров существовавших в IX-XV вв. В работе была проведена систематизация топоров, прослежены связи данного материала с другими регионами и выявлены региональные особенности, проведен анализ комплекса вооружения, в который входят топоры и прослежена взаимосвязь топоров с другими видами вооружения.

Danich A.V.

(Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm)

CLASSIFICATION OF MEDIEVAL AXES FROM THE PERM CIS-URALS

Keywords: axe, chisel, pole axe, tooth, beard-shaped axe, Perm Cis-Urals

The article summarizes data on the findings of weapon axes, tool axes and universal axes from the territory of the Perm Cis-Urals in the 9 – 15th centuries. Axes were systematized and compared with the material from other regions. Local specificity of axes was found out. The complex of armory containing axes as well as the connection of axes to other types of weapons was analyzed.

Топоры средневекового населения Пермского Предуралья рассматривалось в работах А.М. Белавина, С.Р. Волкова, Р.Д. Голдиной, А.Н. Кирпичникова, В.А. Оборина и др. Значительная же часть материалов, несмотря на эти публикации, не подвергалась анализу. Таким образом, актуальность обращения к данной теме определяется отсутствием систематизации имеющегося материала и необходимостью комплексно интерпретировать его, тем более что монографического исследования по этой проблематике нет.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию, занимаемую ломоватовской и родановской археологическими культурами, т.е. бассейны Верхней, частично Средней Камы и Чусовой.

Хронологические рамки работы обусловлены периодом существования этих культур: ломоватовской (VII–XI вв.) и родановской (XII–XIV вв.).

Целью исследования является характеристика прикамских топоров VII–XV вв., структура этой категории материальной культуры, факторы, влияющие на ее формирование и основные направления развития.

Из поставленной цели вытекают следующие *задачи* исследования:

- систематизация топоров;
- выявление с помощью методов аналогии происхождения и связей данного материала с другими регионами и выделение региональных особенностей;
- анализ комплекса вооружения, в который входят топоры.

Источниковая база исследования основана на материалах из музеев Чердыни, Соликамска, Березников, Кудымкара, Перми, Чёрмоза, коллекций из раскопок ПГНИУ и ПГГПУ, а также материалах из публикаций.

Топор – одно из древнейших орудий, используемых человеком. На протяжении веков он исправно служил ему как в хозяйстве, так и на войне.

Топор – это ударно-рубящее оружие, состоящее из *лезвия* – ударной части топора; *обуха* – тупой части топора, находящейся на противоположной от лезвия стороне; *щековиц* – небольших отростков по бокам обуха, служивших для более крепкого крепления рукояти, когда засевший топор приходилось раскачивать туда-сюда после сильного удара; *обушного отверстия* – отверстия, куда вставлялась деревянная рукоять, ну и, соответственно, самой деревянной рукояти – *топорища*.

Обычно исследователи различают три разновидности топоров (Кирпичников, 1966. с. 29; Измайлов, 1997, с. 77 и др.):

- 1 – боевые;
- 2 – универсальные, которые могли использоваться как на поле боя, так и в быту;
- 3 – рабочие топоры, которые использовались в хозяйстве и только в крайних случаях во время войны.

Боевые топоры использовали египтяне, хетты, греки, китайцы и воины многих других древних цивилизаций. Топор наряду с ножом составлял одну из необходимых принадлежностей пешего воина, а также в силу своей дешевизны являлся излюбленным оружием и профессионального воина, и ополченца. Использование топора во время боя не требовало особых навыков и длительного обучения, т.к. приёмы обращения с ним были известны любому мужчине с юного возраста. Все эти положительные качества сглаживали слабость этого оружия, такие как малая точность поражения противника, незащищённость воина при замахе, инерция удара и т.д.

В среде профессиональных воинов боевой топор занимал достойное место. Пик его популярности, по всей видимости, приходится на X–XI века. Топоры были отнюдь не парадным оружием, и эффективно использовались на поле боя. Несмотря на относительно небольшую, 20–25 см, рабочую поверхность, удар за счет длинного древка, удерживаемого двумя руками, получался сокрушительным. Этого удара, по всей видимости, не сдерживал ни один вид защитного вооружения того времени, – топор с легкостью раскалывал щиты, пробивал шлемы и разрывал кольчуги. А обухом-молотом наносились дробящие удары, как правило, по шлему противника, поскольку в таких случаях они были более эффективны, так как при ударе молот, в отличие от лезвия, не соскальзывал.

Применялись боевые топоры преимущественно на севере, в лесной зоне, где не могла развернуться конница. Но применялись они и всадниками. Техника работы боевыми топорами различалась для отдельных видов. По официальной бойцовой классификации это оружие относится к полуторному, т.е. топоры держались как одной, так и двумя руками, все зависело от размеров обуха, топорища и силы воина. Никому из воинов и в голову бы не пришло валить боевым топором деревья или колоть дрова, как это изображают в художественных фильмах и литературе.

Преимуществом боевого топора, в сравнении с другим оружием, являлась большая эффективность рубящего удара, – сам топор был тяжел и центр его тяжести находился высоко. Топором удобно было разносить вражеские щиты и

разрубать шлемы. К тому же и сделать топор было много легче, чем рубящий меч. Недостатками боевого топора являлись плохой баланс и аэродинамика, – из-за высокого и асимметрично расположенного центра тяжести, на то, чтобы размахивать топором, уходило много сил. Очень неудобно было топором отражать удары. Улучшить балансировку топора можно было двумя путями – или искривив рукоятку, или уравновесив лезвие, например, сделав его двусторонним. Искривление топорщица, подобно тому, как это делается в хозяйственных топорах, не давало вполне удовлетворительного результата, так как центр аэродинамического сопротивления все равно оказывался смещенным. Лучший результат давало превращение топора в обоюдоострую секиру, но в этом случае оружие еще более утяжелялось, и для его облегчения приходилось укорачивать лезвия, а топоры с коротким лезвием «имели привычку» застревать в щитах, что было нежелательно. Чтобы узколезвийный топор не застревал при нанесении удара, мастера максимально выдвигали лезвие вперед и вниз.

Считается, что длина рукояти боевого топора составляет около 80 см (Измайлов, 1997, с. 76). Немного другая картина прослежена в погр. № 58 Бояновского могильника, где сохранился тлен деревянного топорщица, по которому удалось проследить длину и форму рукояти. Рукоять длиной 36 см была слегка изогнута в районе захвата, снабжена отверстием для петли, при помощи которой топор крепился на руке, что не позволяло ему выпасть из рук при сильном ударе во время боя.

Носили топоры за поясом, в специальных чехлах из кожи или ткани (остатки которой регулярно встречаются на поверхности топора), либо пристегивали к седлу.

Рабочие топоры отличаются размером, весом (до 1,5 кг) и массивной, толстой рукоятью (более 3,5 см). Тяжелый рабочий топор был неудобен в битве.

Оптимальный вес для плотницкого топора составляет около 1,5 кг. Более легкие инструменты требуют больших физических усилий, а более тяжелыми трудно действовать одной рукой. Для тонкой, тщательной обработки древесины понадобится облегченный вариант (и РНФ) 0,8-0,9 кг.

Наиболее удобная длина рукояти топоров, предназначенных для грубых работ, – около 44 см. При этом каплеобразная форма сечения в месте хвата (перед утолщением ручки) обеспечит более надежную фиксацию топора в ладони, чем при круглом сечении.

Чтобы работа шла быстро и эффективно, топору необходимо было соответствовать определенным требованиям. Например, угол заточки у плотницкого инструмента должен равняться приблизительно 35 градусам, если его сделать меньше, лезвие будет увязать в древесине.

Универсальные топоры были уменьшенной копией рабочих, и служили необходимым элементом походного снаряжения.

Универсальность топоров заключается в том, что изменяя форму и размер самих топоров и длину их топорщица, можно создавать различные варианты этих инструментов, как специализированных, так и многофункциональных.

Для системного описания топоров их признаки были разбиты на шесть уровней: группа – разряд – раздел – тип – подтип – вариант. Группы делят топоры по материалу изготовления (железные и костяные), разряд определяет способ насада на рукоять (проушные и втульчатые), раздел – по форме лезвия, тип

характеризует форму топора, подтип – по отдельным деталям формы топора или щековиц, вариант – по форме обуха.

Группа Ж. Топоры железные.

Разряд П. Топоры проушные.

Раздел I. Узколезвийные топоры.

Тип 1 – Чеканы – это топоры, тыльная часть которых снабжена молоточком (№ 1–85). Эти молоточковидные обушки служили помимо своего боевого назначения противовесом к лезвию, и способствовали более точному удару. В Восточной Европе чеканы появляются у скифов в VI в. до н.э. Позднее они встречаются у сармато-аланских племён и известны в раннесредневековых древностях Кавказа, Прикубанья и среднего Поволжья (Кирпичников, 1966, с. 33). В VIII–IX вв. чеканы распространяются от Прикамья до Венгрии и Чехии. Они бытовали у мордовских племён Среднего Поволжья (Алихова, 1959, с. 24, рис. 4/7, 8; Иванов, 1962, табл. XXXIX/3), у Волжских Булгар (Измайлов, 1997, с. 77, 80), в Западном Поволжье (Кочкаров, 2008, с. 67), у чжурчжэней, киданей, енисейских кыргызов, алтайских тюрок, хазар, печенегов (Плетнёва, 1967, с. 158, рис. 43/21–25), носителей караякуповской культуры (Соловьёв, 1987, с. 95), встречены в материалах Древней Руси (Алешковский, 1960, с. 73, рис. 1/6, 9; Кирпичников, 1966, с. 33).

При относительно большой массе и малой площади поражения чеканы имели значительную пробивную мощность. Чекан универсальное оружие – мог использоваться в бою как против легковооружённого врага, так и против и противника в защитном снаряжении. Основным его недостатком является то, что узколезвийные топоры могли легко застрять, что приводило к обезоруживанию воина. Во избежание этого лезвие максимально выдвигалось вперёд и вниз или уменьшался угол насада топора (Святкин, 2001, с. 48).

Существовало несколько подтипов этого типа:

Подтип А. Чеканы с узким, продолговатым, треугольным лезвием и молоточковидным обушком (№ 1–60).

Вариант а. Окончание обушка оформлено в виде грибовидной шляпки. Поперечное сечение обушка круглое (№ 1–23). Обнаружены в погребениях 18, 53, 59, 67, 71, 107, 116, 128, 133, 140 Бояновского могильника, на могильниках Запоселье, Пыштайн, Вакинском селище.

Вариант б. Чеканы с узким, продолговатым, треугольным лезвием и молоточковидным обушком. Поперечное сечение обушка квадратное или прямоугольное (№ 24–55). Обнаружены на Плесинском, Степаново Плотбище, Каневском, Запосельском, Загарском могильниках, в погр. №141 Агафоново I, погребениях №61, 79, 89, 93, 105, 113, 120, 121, 134, 137, 138, 158, 167 Бояновского, погр. №34 Редикорского могильника.

Аналогичные известны в Волжской Булгарии (Измайлов, 1993, с. 102, рис. 11,4).

Вариант в. Окончание обушка плоское, без прямоугольной площадки (№ 56–58). Обнаружены в погребениях № 114, 153 Бояновского, погр. №18 Демёнковского могильника. Датируются IX–X вв. Аналогии топору из Демёнковского могильника встречены, в основном, в аланских погребениях Северного Кавказа VIII–IX вв. и у донских алан (Кочкаров, 2008, с. 66), в Билярском городище (Измайлов, 1993, с. 97. Рис. 6/1; Измайлов, 1997, с. 77, 80).

Вариант г. Чекан с узким, продолговатым, треугольным лезвием и гранёным обушком. Поперечное сечение обушка ромбовидное (№ 59). По-

видимому, топор с таким обушком использовался, как и пики, для пробивания доспеха. Обнаружен в погр. №1 Редикорского могильника.

Вариант д. Чекан с узким, продолговатым, треугольным лезвием и фигурным обушком. Поперечное сечение обушка круглое (№ 60). Найден в погр. №14 Бояновского могильника.

Подтип Б. Чекан с незначительно опущенным лезвием, выемкой в нижней части и прямой верхней гранью (№ 61–80).

Вариант а. Чекан с выемкой и опущенным секторовидным лезвием, округлыми щековицами. Молоточковидная приставка обуха круглая в сечении и оформлена гранёным окончанием (№ 61). Найден на территории Пермского края. Датируется XI–XII вв. Появляются такие чеканы, видимо, в Подонье и Нижнем Поволжье в VIII в. у населения Хазарского каганата (Кухаренко, 1951, с. 100, рис. 30/2), у болгар такие чеканы впервые встречены в погребении Танкеевского могильника IX – середины X в. (Казаков, 1971, с. 104, табл. VII/5). Аналогии известны и в могильниках Марийского Поволжья (Архипов, 1984, с. 125, рис. 15/8, 9).

Вариант б. Чекан с незначительно опущенным лезвием, выемкой в нижней части и прямой верхней гранью. Молоточковидный обушок имеет круглое сечение и грибовидную шляпку на конце (№ 62). Найден в погр. №125 Демёнковского могильника.

Вариант в. Чеканы с незначительно опущенным лезвием, выемкой в нижней части и прямой верхней гранью. Молоточковидный обушок имеет прямоугольное сечение и прямоугольную площадку на конце (№ 63–79). Найдены в погр. №140 Демёнковского, погр. №4, 35 Урьинского, погр. №10 Важгортского, погр. №145 Агафоновского I, погр. №16, 26 Плесинского, погр. №4, 9, 15 Бояновского могильника, на могильнике Запоселье, в д. Парамойлово Юксеевской волости.

Похожие топоры встречены в Дмитриевском и Маяцком могильниках (Кочкаров, 2008, с. 70). В материалах Древней Руси аналогичных топоров нет. В целом их можно датировать VIII–X вв.

Вариант г. Молоточковидный обушок имеет прямоугольное сечение и не имеет прямоугольной площадки на конце (№ 80). Найден на могильнике Степаново плотбище.

Подтип В. Чекан с лезвием прямоугольной формы, плавно переходящим в шейку с округлыми щековицами, с выемками на лезвии в верхней и нижней части. Обушок заканчивается грибовидным навершием (№ 81–85). Аналогичные топоры происходят с территории современной Адыгеи из погр. №21 VIII–IX вв. Псекупского I могильника (Кочкаров, 2008, с. 73, табл. XXXVI/45) и из погребения у с. Кочеток на Северном Донце (Дегтярь, 1984, с. 239–243).

Вариант а. Молоточковидная приставка обуха оформлена грибовидной площадкой и имеет круглое сечение (№ 81–82). Найдены в погр. №11 и 58 Бояновского могильника.

Вариант б. Молоточковидная приставка обуха оформлена прямоугольной площадкой и имеет прямоугольное сечение (№ 83–85). Найдены на Плесинском могильнике и Городищенском городище.

Данный тип со всем многообразием форм датируется X – нач. XI вв.

Тип 2 – Узколезвийные топоры. Ширина лезвия обычно составляет 1/3 длины (№ 86–132). Данные колуновидные топоры, предназначенные для рубки леса и раскалывания брёвен, появились в более раннюю эпоху (V–IX вв.) и к X в. были уже достаточно архаичны. Но, судя по их количеству, они оставались достаточно популярными ещё на протяжении всего X и XI вв. Вероятно, данный

тип топоров можно считать универсальным. Разница между боевыми и рабочими топорами, вероятно, заключалась только в весе.

Подтип А. С боковыми щековицами и округлым обухом (№ 86–92). Найдены в Чердынском уезде, на могильнике Степаново Плотбище, в погр. №107 Агафоновского I, погр. №25 Плёсинского могильника.

Подтип Б. С вытянутым клиновидным лезвием и округлыми щековицами обуха (№ 93–132).

Вариант а. Обух округлый (№ 93-109). Найдены в погр. №7, 23 Каневского, погр. №26 Демёнковского, на Плесинском, Загарском, Степаново Плотбище, Телячий Брод, Агафоновском I могильниках, городищах Большая Коча и Анюшкар.

Вариант б. Обух молоткообразный, прямоугольный. Имеют округлое проушное отверстие, иногда слегка вытянутое (№ 110–132). Найдены в погр. №17 Демёнковского, погр. №330, 356 Агафоновского I, погр. №12 Плёсинского, погр. №8, 27, 40 Каневского, погр. №8, 138, 146 Бояновского, погр. №2 Редикорского могильника, на могильниках Степаново Плотбище, Загарском, Редикорском городище, в нижнем слое городища Анюшкар, в д. Романово Кудымкарского района.

Аналогичные топоры встречаются в Волжской Булгарии, где они датируются IX – XII вв. (Казаков, 1971, с. 104, табл. VII/7; Культура Биляра, 1985, с. 37, 40; Измайлов, 1993, с. 98, рис. 7/1; Измайлов, 1997, с. 49/1–3), на мордовских памятниках X – XI вв. (Алихова, 1959, с. 24, табл. 4/6; Иванов, 1962, табл. 2/14; Ястребов, 1893, табл. X/15–16; Культура Биляра, 1985, с. 37, 40), чепецких могильниках VIII – IX вв. (Голдина, 1985, табл. XXVIII/19–20; Семёнов, 1980, с.39–41, табл. XVII/1–4; Культура Биляра, 1985, с. 37, 40), памятниках северных удмуртов IX – XII вв. (Иванова, 1987, рис. 8/1; Культура Биляра, 1985, с. 37, 40), памятниках Хазарского каганата VIII–X вв. (Измайлов, 1997, с. 82; Михеев, 1968, с. 299, рис. 1/4–5), памятниках Южного Урала (Мажитов, 1981, с. 75, рис. 41/14).

Тип 3 – Узколезвийные топоры без щековиц (№ 133–137).

Вариант а. С заметным углом отклонения оси лезвийной части от оси топора (№ 133–134). Топоры качественно изготовлены. Имеют прямоугольное отверстие для топорича и небольшую прямую площадку на обухе. Найдены в г. Кудымкар и на Кудымкарском городище. Датируются IX–XI вв. Аналогичные топоры известны в могильниках древней мордвы (Иванов, 1962, табл. XI/2, XXVII/7), в Волжской Булгарии (Измайлов, 1997, с. 90).

Вариант б. Лезвийная часть симметрично расширяется к лезвию (№ 135–137). Топоры имеют низкое качество изготовления – свёрнуты из железной полосы, которая не до конца прокована. Найдены на Плёсинском (?) и Степаново Плотбище могильниках.

Аналогичные топоры известны у кыргызов в IX–XII вв. (Худяков, 1980. Табл. XII/1–2), на Алтае в памятниках тюркской культуры второй половины IX – XI вв. (Горбунов, 2006, с. 85, рис. 70/1–3).

Данный тип является боевым, и датируется IX–XII вв.

Раздел II. Широколезвийные топоры (секиры) (№ 138-162).

Тип 1 – Секиры с широким симметрично расходящимся лезвием, косо срезанным у режущего края, и с боковыми щековицами (№ 138–158). Топоры этого типа тонкие и имеют широкое лезвие по отношению к длине топора. Характерны для народов Восточной Европы домонгольского периода. Особенно их много в материалах северной Руси XI в. и в финно-угорских материалах, в

материалах Волжской Булгарии (Кирпичников, 1966, с. 38). Все исследователи единодушно признают скандинавское происхождение широколезвийных секир. В XII–XIII вв. широколезвийные топоры теряют свою боевую функцию, и большинство из них можно отнести к рабочим формам.

Подтип А. Секиры с широким симметрично расходящимся лезвием, косо срезанным у режущего края и боковыми заостренными щековицами (№ 138–144).

Аналогичные топоры встречены в Марийском Поволжье XI–XIII вв. (Архипов, 1973, с. 54/2; Архипов, 1986, с. 51, рис. 38/5), на Европейском Северо-Востоке (Савельева, 1987, с. 48, рис. 14, 13/14), в материалах Древней Руси (Голубева, 1973, с. 123, рис. 43/2), в Волжской Булгарии (Измайлов, 1993, с. 97, рис. 6/3; Измайлов, 1997, рис. 56–57).

Вариант а. С округлым обухом и почти круглым обушным отверстием (№138). Найден на городище Анюшкар.

Вариант б. Обух с плоской задней площадкой (№ 139–144). Найдены в с. Амбор, г. Чердынь, на Редикорском городище.

Подтип Б. С опущенным лезвием, с полукруглым выемом, внизу которого имеется бородка, и с боковыми щековицами. Обушное отверстие практически круглое (№145–150). Относятся к рабочим топорам. Использовались для столярных и бондарных работ. Датируются XI–XII вв. Найдены, в основном, в северном Прикамье – на городище Искор, в 3 км от деревни Усть-Уролки на поле «Сунагорт», в г. Чердынь, на Рождественском городище.

Аналогии известны на Кичилькосьском I могильнике (Савельева, 1987, с. 48, рис. 14/11–14); в Вятских могильниках (Савельева, 1987, рис. 14/12).

Подтип В. С опущенным лезвием, с полукруглым выемом, внизу которого имеется бородка (№ 151). Щековицы у данного подтипа отсутствуют. Найден на территории Пермского края.

Аналогичные встречены в Вятских могильниках (Савельева, 1987, рис. 14/11).

Подтип Г. Топоры с широким симметрично расходящимся лезвием, косо срезанным у режущего края (№ 152–158). Найдены в д. Усть-Урол и территории Пермского края.

В XII–XIII вв. обух для более прочного соединения вытягивается вдоль топорика и заканчивается мысовидными отростками. Исчезают щековицы. Появление таких топоров А.Н. Кирпичников связывает с выработкой массового типа рабочих топоров без каких-либо трудоёмких удорожающих деталей (Кирпичников, 1966, с.40).

Аналогичные встречены в Вятских могильниках (Савельева, 1987, рис. 14/13-14).

Тип 2 – Боевые секиры (№159–162). Они появились в ответ на широкое распространение кольчуги. У секир узкое симметрическое лезвие, расходящееся в разные стороны – они имеют ширину лезвия, превышающую длину топора.

Подтип А. С боковыми щековицами и небольшой молоточковидной приставкой (№159). Датируется к. X – XI вв. Найден на территории Пермского края.

Подтип Б. К XII в. боковые щековицы исчезают, размеры топоров увеличиваются, трубица становится более мощной и меняет форму с круглой на треугольную (№ 160–162). Найдены в верхних слоях городища Анюшкар.

Раздел III. Бородовидные топоры (№ 163-205).

Тип 1 – Топоры с сильно оттянутой вверх верхней гранью (№ 163–166).

Подтип А. Топоры с оттянутым вниз широколопастным лезвием, с двумя парами боковых щековиц и удлинённым вырезным обухом (№ 163). Появились они в X в. на территории Руси, в XI и частично в XII в. в русском войске они преобладали (Кирпичников, 1966, с. 36). Широкое распространение топоры этого типа получили из-за совершенной конструкции и надёжного устройства обуха. Щековицы, отростки боковых сторон обуха, предохраняли рукоятку при раскачивании заклинившегося топора, отходящие мысовидные отростки на тыльной стороне предохраняли рукоятку от излома при вытаскивании топора после вертикального удара. Таким топором можно было нанести мощный вертикальный удар. Учитывая, что лезвие изогнуто книзу, топором можно было наносить не только рубящие удары, но и режущие. Найден один экземпляр на территории Пермского края. Датируется XI–XII вв.

Подтип Б. В XII–XIII изготовление этого типа топора упрощается. Исчезают щековицы, остаются только в верхней части или исчезают совсем мысовидные выступы на тыльной стороне обуха (№ 164–166). Топор данного периода найден на городище Анюшкар, и ещё два экземпляра – на территории Пермского края. Один из этих экземпляров, по-видимому, является парадным: поверхность его украшена точечным и кружковым орнаментом. Такие топоры с вытянутым секторовидным лезвием были широко распространены на территории Древней Руси (Кирпичников, 1966, табл. XIII/9–10; XIV/6), известны в могильниках Марийского Поволжья (Архипов, 1986, с. 51–52, рис. 39/4), на памятниках Волжской Булгарии (Измайлов, 1997, с. 92, рис. 61/1; Культура Биляра, 1985, с. 47, табл. XV/1).

Данный тип топоров относится к боевым.

Тип 2 – Топоры с выемкой и опущенным лезвием. Имеют небольшое отклонение верхней грани вверх (№ 167–172). Данный тип относится к категории рабочих.

Подтип А. С выемкой, опущенным лезвием, округлым обухом и двумя парами оттянутых щековиц (№ 167–168). Датируется X–XII вв. Такие топоры могли использоваться как плотницкий инструмент. Найден на могильнике Плёс.

Аналогичные топоры довольно широко распространены в Восточной Европе IX–XIII вв., имели ограниченное хождение у Волжских Булгар (Измайлов, 1993, с. 100, рис. 9/3–4; Измайлов, 1997, рис. 58-59; Культура Биляра, 1985, с. 47, табл. XV/1, 3–6), встречены в древнемарийских памятниках XII–XIII вв. (Архипов, 1973, с. 44, рис. 55/1–3; Архипов, 1977, с. 110, 117, рис. 3/1; Архипов, 1986, с. 51, рис. 38/1–3), древнемордовских памятниках (Измайлов, 1997, с. 90), памятниках Северной Руси (Голубева, 1973, с. 123, рис. 43/4; Кирпичников, 1966, табл. IV/7–8, 10; VI/7-8; Монгайт, 1955, рис. 72/3; Никольская, 1980, рис. 4/8–9), древнеудмуртских памятниках (Иванова, 1987, рис. 10/9; Иванова, 1992, рис. 25/1–2).

Подтип Б. С выемкой, сильно опущенным широким лопастным лезвием (возможно, нижний край лезвия обломлен и был ещё больше), с прямоугольным окончанием обуха и с двумя парами заострённых щековиц (№ 169). Найден в городе Чердынь.

Аналогичные топоры известны в памятниках марийского Поволжья (Архипов, 1973, с. 44, рис. 53/6; Архипов, 1986, с. 51) и Волжской Булгарии XI–XIV вв. (Измайлов, 1997, рис. 52-55; Казаков, 1984, с. 45, рис. 5/18; Культура Биляра, 1985, с. 41, табл. XIV/4–8). Данный тип топоров был самым распространённым у булгар, что позволило В.П. Левашёвой назвать их «булгарским» типом (Измайлов, 1993, с. 97. Рис. 6/5; Измайлов, 1997, с. 86).

Подтип В. С выемкой, опущенным лезвием в виде лопасти, с прямоугольным окончанием обуха и овальными щековицами (№ 170–172). Это был плотничий инструмент, предназначенный для продольной обработки древесины при изготовлении плах, тёсаных досок и брусьев. Датируется IX – XIII вв. Найдены в Чердынском уезде и на территории Пермского края.

Происхождение данных топоров связано со степными и лесостепными районами Восточной Европы (Измайлов, 1997, с. 83).

Аналогичные топоры встречаются на Северном Кавказе, в Венгрии и широко представлены в Волжской Булгарии (Измайлов, 1993, с. 98, рис. 7/4; Культура Биляра, 1985, с. 41, табл. XIV/1–3), в древнемордовских могильниках (Иванов, 1962, табл. 46/8), и на памятниках Марийского Поволжья (Архипов, 1984, с. 125, рис. 15/2; Архипов, 1986, с. 51, рис. 39/1; 41/1).

Тип 3 – Топоры с выемкой, опущенным лезвием и прямой верхней гранью, имеют одну пару подтреугольных щековиц. Очертания втулки овальное или треугольное (№ 173–205).

Подтип А. Топоры с выемкой, опущенным лезвием и прямой верхней гранью. Мысовидные боковые отростки находятся с нижней стороны (№ 173–185, 187–196). Датируются X – первой половиной XII вв.

А.Н. Кирпичников связывает их происхождение с севером Европы. В X в. наибольшая концентрация находок наблюдается на финских памятниках Северо-Востока (Кирпичников, 1966, с. 38). Данные топоры использовались при обработке древесины как столярно-бондарный инструмент.

Вариант а. С округлым обухом (№ 173–185, 187–192). Очертание втулки овальное. Найдены в д. Черновая и д. Парамойлово Юсьвенской волости, в г. Кудымкар, на Вакинском селище, в погр. № 139, 149, 150 Рождественского могильника, на Родановом городище (Талицкий, 1951, рис. 10/4).

Аналогичные топоры встречены у северных Удмуртов (Иванова, 1992, рис. 25/8) и в Вятских могильниках (Савельева, 1987, рис. 14, 16–20).

Вариант б. С уплощённым окончанием обуха. Очертание втулки треугольное (№ 193–196). Найдены в г. Кудымкар и с. Салтанова.

Аналогичные топоры встречены на марийских и удмуртских памятниках X – XIII вв. (Архипов, 1977, с. 116–118, рис. 3/2; Иванова, 1987, рис. 5/1; 6/1; 10/8; Иванова, 1992, рис. 25/4–6; Савельева, 1987, с. 50, рис. 14, 15–21; Смирнов, 1952, с. 121, 137), на памятниках Волжской Булгарии (Измайлов, 1997, с. 93, рис. 62/1; Культура Биляра, 1985, с. 48–49, табл. XVI/1–5), Северной Руси (Кирпичников, 1966, с. 37–38).

Подтип Б. Боевые с вытянутым широким лезвием (№ 186, 197–202). Отличаются от рабочих меньшим весом, меньшими размерами и более узким лезвием.

Вариант а. С округлым обухом (№ 186, 197–198). Найдены на территории Пермского края и в погр. №68 Бояновского могильника.

Подобные известны на памятниках Волжской Булгарии (Измайлов, 1997, с. 93, рис. 62/2), на древнемарийских памятниках (Архипов, 1973, с. 44, рис. 55/6; 57/1–2), памятниках Древней Руси (Кирпичников, 1966, с. 33, табл. IV/6). Датируются X–XIII вв.

Вариант б. С квадратным обухом (№ 199–202). Найдены в погр. №76 Бояновского, на Степаново Плотбище могильниках. Датируются X–XIII вв.

Подтип В. В комплексах XII–XIII в. встречаются топоры более массивные, с прямой верхней гранью и опущенным лезвием, обух которых трубкообразно

вытянут вдоль топорщица (№ 203–205). Такие топоры распространены в XII–XIV вв. от Поволжья до Прибалтики (Кирпичников, 1966, с. 38).

Вариант а. С округлым обухом и круглым отверстием для топорщица (№203). Этот топор, найденный в с. Пянтег, инкрустирован серебром – обушок и лезвие орнаментировано зигзагообразными линиями. Такие зигзаги, изображённые на предметах вооружения, по мнению учёных, с глубокой древности являлись символом молнии, знаком бога молнии. Зигзаги, изображённые на лезвии вдоль режущего края вершинами к режущей кромке лезвия, как бы символизировали направление удара, были направлены на врага. Топоры как мы знаем, использовались в магических обрядовых действиях, связанных с заклинаниями, служили оберегами, имели сакральное значение (Даркевич, 1961, с. 91–102). Зигзаги, символизирующие молнию, которая несёт разрушение, горе, смерть тем, против кого она направлена, как бы отводила от хозяина топорика эти напасти. Такой декорированный топор, естественно, подчеркивал статус владельца и, по-видимому, являлся боевым.

Вариант б. С квадратным обухом и подтреугольным отверстием для топорщица (№ 204–205). Данные мощные и тяжёлые топоры являлись рабочими. Найдены в нижнем слое городища Анюшкар и на территории Пермского края.

Раздел IV. Клевцы.

Тип 1 – *Клевцы* – некое подобие кирки, – топоры с узким вытянутым лезвием, предназначенные для пробивания доспехов за счет малой площади ударной поверхности (№ 206–210). Нанесенные ими раны практически не заживали. Таких топоров на территории Пермского края найдено 5 экз., два из них – на поселении Володин Камень. Датируется VIII–X вв.

Разряд В. Втульчатые топоры (№ 211–233).

Раздел I. Кельты.

Тип 1 – *Кельты* (№ 211–232). Имеют прямую втулку и лезвие, расположенное на одной оси с ней.

Топоры-кельты были широко распространены у финского населения правобережья Волги на протяжении всего I тыс. н.э. (Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005, с. 74), находят широкие аналогии в материалах полемской культуры (Семёнов 1980, табл. XVI/1–7), известны на ломоватовских памятниках таких как Аверинский, Русиновский могильники (Голдина 1985, с. 58, табл. XXVIII/1-3; Голдина, Кананин 1989, рис. 58/1–2), на городище Иднакар (Иванова 1998, с. 100, рис. 3/2), на Варнинском могильнике (Семёнов 1980, табл. XVI/1–7). Данные топоры относятся к рабочим.

Подтип А. Втулка и лезвие расположены на одной оси (№ 211–228). Найдены в погр. №37, 120 Рождественского, погр. №9 Редикорского, погр. №12, 83, 90, 150, 164 Бояновского могильника, на Больше-Висимском, Загарском, Степаново Плотбище могильниках, Корнинском городище.

Подтип Б. Лезвие имеет отклонение от оси втулки (№ 229–232). Несколько более развитые образцы с заметным углом отклонения оси лезвийной части от оси втулки. Найдены в погр. №116 Бояновского и на Плесинском могильниках.

Аналогичные топоры происходят из погребений второй полов. IX – первой четверти X в. Танкеевского могильника (Казаков 1971, с. 103, табл. VII/12–13). В XI в такие топоры, видимо, выходят из употребления (Казаков 1991, с. 86).

Раздел II Двусторонние.

Тип 1 – *Двусторонняя секира* (№ 233). Сделана двусторонней для улучшения балансировки топора. Найдена на могильнике Степаново Плотбище. Датируется IX–XI вв., является боевой.

Группа К. Топоры костяные. К данной группе относятся 2 топора с Рождественского городища (Крыласова, 2013). Данные топоры могли использоваться как обереги, на что указывает наличие на них орнамента и тамги. Такие обереги-топорики носили и женщины, и мужчины; только женщины крепили их у плеча, а мужчины у пояса. Нельзя исключать и версии, предложенной Н.Б. Крыласовой, о том, что такие топорики являлись детскими игрушками – подобные игрушки из кости и дерева широко представлены в городках Сибири (Крыласова, 2013, с.117).

Разрабатывать отдельную типологию для этих двух топоров не имеет смысла, к тому же они полностью повторяют по форме типы железных топоров. Поэтому для типологии костяных топориков использовалась уже готовая типология железных топоров.

Разряд II. Топоры проушные.

Раздел I. Узколезвийные топоры.

Тип 1. Чеканы – это топоры, тыльная часть которых снабжена молоточком (№ 235).

Подтип А. Чеканы с узким, продолговатым, треугольным лезвием и молоточковидным обушком (№ 235).

Вариант б. Чеканы с узким, продолговатым, треугольным лезвием и молоточковидным обушком. Поперечное сечение обушка прямоугольное (№ 235). Найден на Рождественском городище.

Раздел III. Бородовидные топоры (№ 234).

Тип 3. Топоры с выемкой, опущенным лезвием и прямой верхней гранью, имеют одну пару подтреугольных щековиц. Очертания втулки овальное (№ 234).

Подтип А. Топоры с выемкой, опущенным лезвием и прямой верхней гранью. Мысовидные боковые отростки находятся с нижней стороны (№ 234).

Вариант б. С уплощённым окончанием обуха (№ 234). Найден в яме 1, на квадрате Р/13, на глубине -1,2 м Рождественского городища.

Характеристика обрядовых черт.

Погребения с топорами встречены на 16 могильниках Пермского Приуралья (Демёнковский, Телячий Брод, Редикарский, Бояновский, Плёсинский, Агафоновский I, Рождественский, Урынский, Огурдинский, Искорский, Каневский, Загарьинский, Запосельский, Плотниковский, Важгортский I). На которых изучено 1671 погребений, из которых только в 112 встречены топоры.

Интересно проследить взаимосвязь топоров с другими видами вооружения. В погребениях с топорами чаще всего встречаются наконечники стрел (50,4 % погребений), чуть реже копьё (в 18,0 % погребений), сабля (16,2 % погребений). В 31,5 % погребений не встречено другого вида оружия, кроме топоров (табл. 3).

Если проанализировать различные комбинации, при которых отдельные категории вооружения встречаются в одном комплексе, то можно увидеть, что чаще всего сочетается в одном комплексе с наконечниками стрел – 44 раза, копьём – 11 раз, с саблями – 6 раз, с наконечниками стрел и саблей – 6 раз, с наконечниками стрел и копьём – 3 раза, с наконечниками стрел, с саблей и копьём – 3 раза, с копьём и саблей – 3 раза (табл. 3).

На принадлежность погребённых с топорами к конным воинам указывают принадлежности конской сбруи – стремяна, удила и подпружные пряжки. Они встречены в 34,2 % погребений с топорами. Из них с удилами – 20 раз (18,0 % погребений), со стремянем – 0 раз (0 % погребений), подпружные пряжки – 4 раза (3,6 % погребений), со стремянем и удилами – 2 раза (1,8 % погребений), со

стременем и подпружными пряжками – 1 раз (0,9 % погребений), с удилами и подпружной пряжкой – 6 раз (5,4 % погребений), с полным комплектом упряжи – 5 раз (4,5 % погребений) (табл. 3).

Интерес представляет местоположение топоров в погребении. Из 112 погребений, в которых обнаружены топоры, о конкретном местоположении мне известно в 86 погребениях.

Топоры преимущественно располагались у пояса слева (21 случай) или у пояса справа (17 случаев), реже – у ступней ног справа (11 случаев) или слева (9), у груди справа (8) или слева (10), у головы справа (3) или слева (5) и между ног в 2 случаях (табл. 3).

Когда топор располагался у пояса, он, по-видимому, находился в составе костюма и был подвешен к поясу или заткнут за него. В остальных случаях топоры укладывали в могилу отдельно, не как деталь костюма, а как подтверждение статуса владельца.

Можно подытожить наши типологические наблюдения и проследить развитие топоров на отдельных хронологических этапах.

В IX–XI вв. топоры представлены во всём многообразии форм. Это период поиска рациональных форм топора, вычленения лучших конструкций. По многообразию форм видно, что использовалось всё многообразие достижений многих народов, в том числе, изобретались свои формы. Многообразие форм предполагает большое количество искусных кузнецов. Этот поиск наиболее эффективных форм завершается в конце X в. определенной унификацией, выразившейся в боевой секире, так называемом, широком топоре.

В XI–XII вв. формы топоров те же, что и в предшествующий период, однако более сильное развитие получают бородовидные топоры.

Топоров XII–XIII вв. нам почти не известно из-за малого количества находок. Но можно с уверенностью сказать, что количество типов сокращается, упрощаются и видоизменяются сами топоры. Для этого времени становятся характерными бородовидные секиры.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в период IX–XI вв. боевой топор широко использовался в военном деле и был равноправным соперником меча и сабли, не только не уступавшим, но нередко и превосходившим его по своим боевым качествам.

Литература:

Алешковский, 1960. – Алешковский М.Х. Курганы русских дружинников XI–XII вв. // СА. – 1960. – №1. – С. 70-90.

Алихова, 1959. – Алихова А.Е. Из истории мордвы конца I – начала II тыс. н.э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа. – Саранск, 1959. – С.13–54.

Архипов, 1973. – Архипов Г.А. Марийцы IX-XI вв.– Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1973. – 200 с.

Архипов, 1977. – Архипов, Г.А. Починковский могильник // Древности Волго-Камья. – Казань: АН СССР, 1977.

Архипов, 1984. – Архипов Г.А. Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1984. – С. 113–159.

Архипов, 1986. – Архипов Г.А. Марийцы XII-XIII вв.– Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1986. – 162 с.

- Белавин, 2000.* – Белавин А.М. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: ПГПУ, 2000. – 200 с.
- Белавин, Крыласова, 2008.* – Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ, 2008. – 598 с.
- Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005.* – Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В. Никитинский могильник. Публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. Труды отдела Охранных раскопок ИА РАН.– М.: ИА РАН, 2005. – Т. 3. – 167 с.
- Голдина, 1985.* – Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 280 с.
- Голдина, Кананин, 1989.* – Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск: УрГУ, 1989. – 215 с.
- Голубева, 1973.* – Голубева Л.А. Весь и словяне на Белом озере X-XIII вв.– М: Наука, 1973. – 212 с.
- Горбунов, 2006.* – Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Часть II. Наступательное вооружение (оружие). – Барнаул: Из-во Алт. ун-та, 2006. – 232 с.
- Даркевич, 1961.* – Даркевич В.П. Топор как символ Перуна в Древнерусском язычестве // СА – 1961. – № 4. – С.91-102.
- Деревянко, 1987.* – Деревянко Е.И. Очерки военного дела племен Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 224 с.
- Дегтярь, 1984.* – Дегтярь А.К. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце // СА. – 1984. – № 2. – С. 239-243.
- Иванов, 1962.* – Иванов П.П. Материалы по истории мордвы VIII-XI вв. – Моршанск, 1962. – 232 с.
- Иванова, 1987.* – Иванова М.Г. Новые исследования на Солдырском могильнике Чемшай // Погребальные памятники Прикамья. – Ижевск, 1987. – С. 4-25.
- Иванова, 1992.* – Иванова М.Г. Погребальные памятники северных Удмуртов XI-XIII вв. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1992. – 184 с.
- Иванова, 1998.* – Иванова, М.Г. Иднакар. Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 294 с.
- Измайлов, 1993.* – Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя Волжских Булгар X–XIII вв. (копья и боевые топоры) // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. – Казань, 1993. – С. 77–106.
- Измайлов, 1997.* – Измайлов, И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – нач. XIII в. – Казань-Магадан, 1997. – 213 с.
- Измайлов, 2008.* – Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 206 с.
- Казаков, 1971.* – Казаков, Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Северного Поволжья. – Казань, 1971. – С. 94–155.
- Казаков, 1984.* – Казаков Е.П. V Старо-Куйбышевское селище // Археологические памятники Нижнего Прикамья. – Казань, 1984. – С. 39–64.
- Казаков, 1991.* – Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. – 176 с.
- Кирпичников, 1966.* – Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. // САИ – Вып. Е-1-36. – М. – Л., 1966. – 214 с.
- Кочкаров, 2008.* – Кочкаров У.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя).– М.: ТАУС, 2008. – 176 с.

- Крыласова, 2013.* – Крыласова Н.Б. Роговые топоры с Рождественского городища // РА. – 2013. – №3. – С.125–128
- Культура Биляра, 1985.* – Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. – М.: Наука, 1985. – 216 с.
- Кухаренко, 1951.* – Кухаренко Ю.В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. – 1951. – Вып. 41. – С. 99-108.
- Мажитов, 1981.* – Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. – М.: Наука, 1981. – 164 с.
- Михеев, 1968.* – Михеев В.К. Клад железных изделий с селища салтовской культуры // СА – 1968. – №2. – С.297-300.
- Монгайт, 1955.* – Монгайт А.Л. Старая Рязань. // МИА – 1955. – №49. – 228 с.
- Никольская, 1980.* – Никольская Т.Н. К пятисотлетию «Стояния на Угре» // СА – 1980. – № 4. – С. 102–118.
- Плетнёва, 1967.* – Плетнёва С.А. От кочевий к городам // МИА – 1967. – № 142. – 198 с.
- Савельева, 1987.* – Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. – Л.: ЛГУ, 1987. – 200 с.
- Святкин, 2001.* – Святкин С.В. Вооружение и военное дело мордовских племён в первой половине II тыс. н.э. – Саранск, 2001.
- Семёнов, 1980.* – Семёнов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры. – Ижевск: НИИ при СовМин УдАССР, 1980. – С. 5–135.
- Соловьёв, 1987.* – Соловьёв А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 192 с.
- Смирнов, 1952.* – Смирнов, А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА – 1952. – №28. – 275 с.
- Ястребов, 1893.* – Ястребов В.Н. Лядинский и Томниковский могильник // МАР – 1893. – №10 – 78 с.

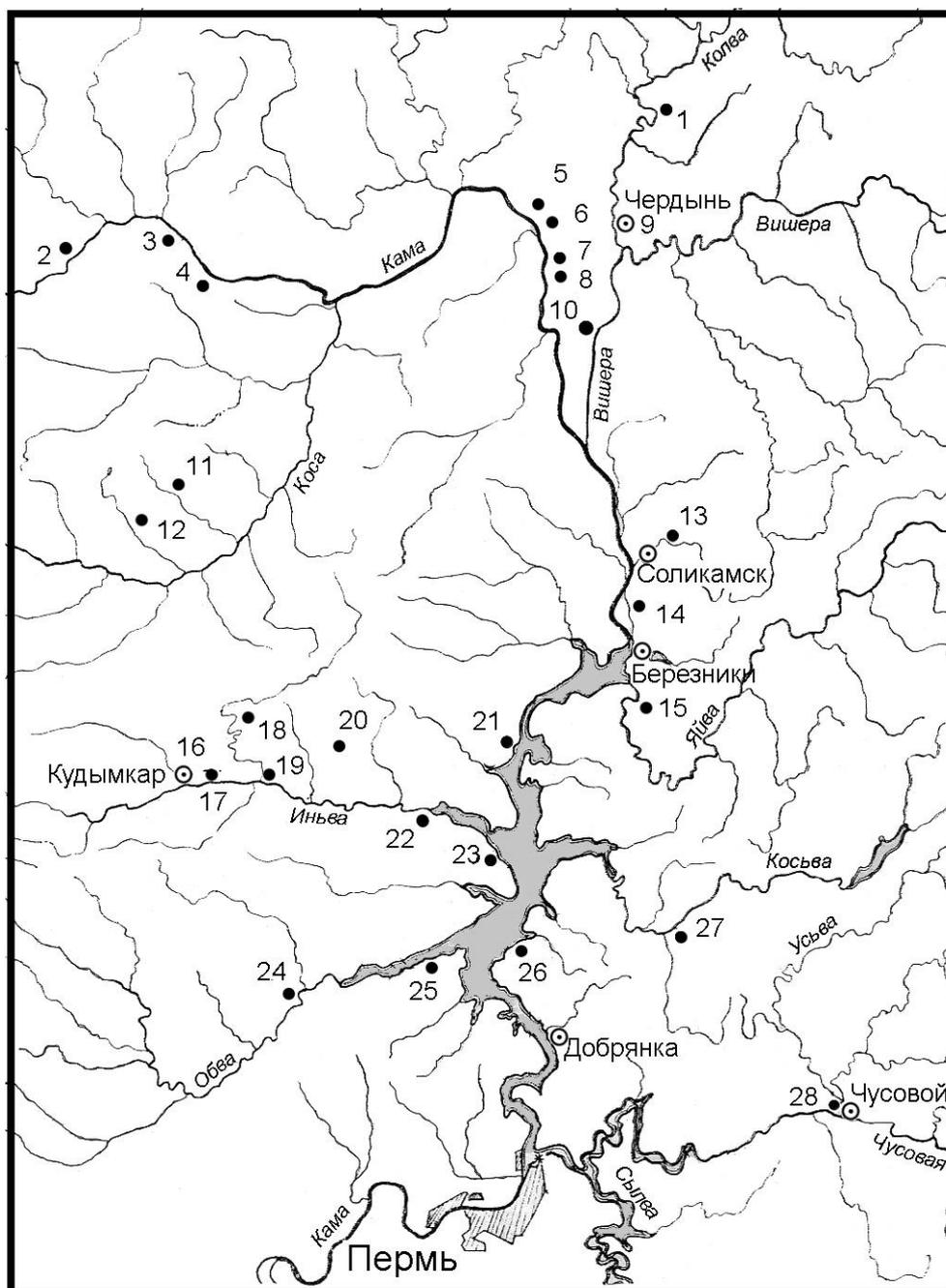

Рис.1. Карта распространения топоров в Пермском Предуралье: 1 – городище Искор, 2 – Плесинский могильник, 3 – Пыштайинский могильник, 4 – Агафоновский I могильник, 5 – Амборский могильник, 6 – Пянтежское городище, 7 – городище Урол, 8 – Корнинское городище, 9 – г. Чердынь, 10 – Редикорское городище, 11 – Урынский могильник, 12 – Больше-Кочевское городище, 13 – Городищенское городище, 14 – селище и могильник Запоселье, 15 – селище Володин Камень, 16 – г. Кудымкар, 17 – Плотниковский могильник, 18 – Каневский могильник, 19 – Важгортский могильник, 20 – Вакинское селище, 21 – Питерский (Степаново Плотбище) могильник, 22 – Загарский могильник, 23 – Кыласово (Анюшкар) городище, 24 – Рождественское городище и могильник, 25 – Деменковский могильник, 26 – Висимский могильник, 27 – Бояновский могильник, 28 – Телячий Брод могильник

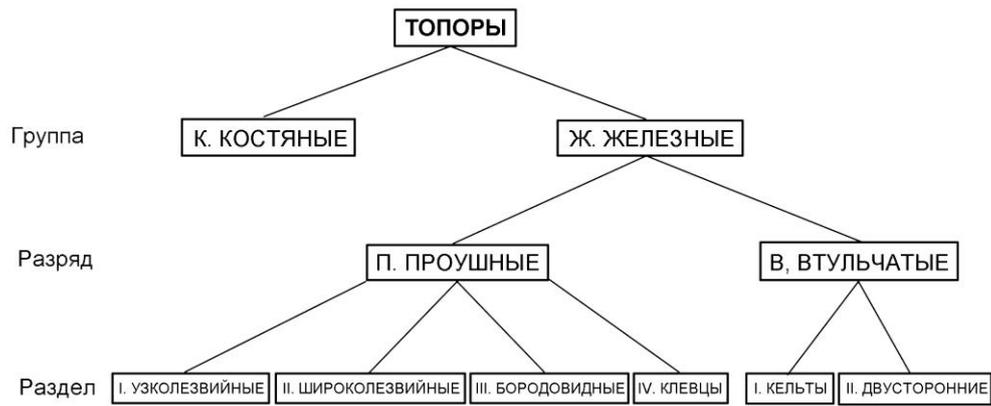

Рис.2. Схема классификации средневековых топоров Пермского Предуралья

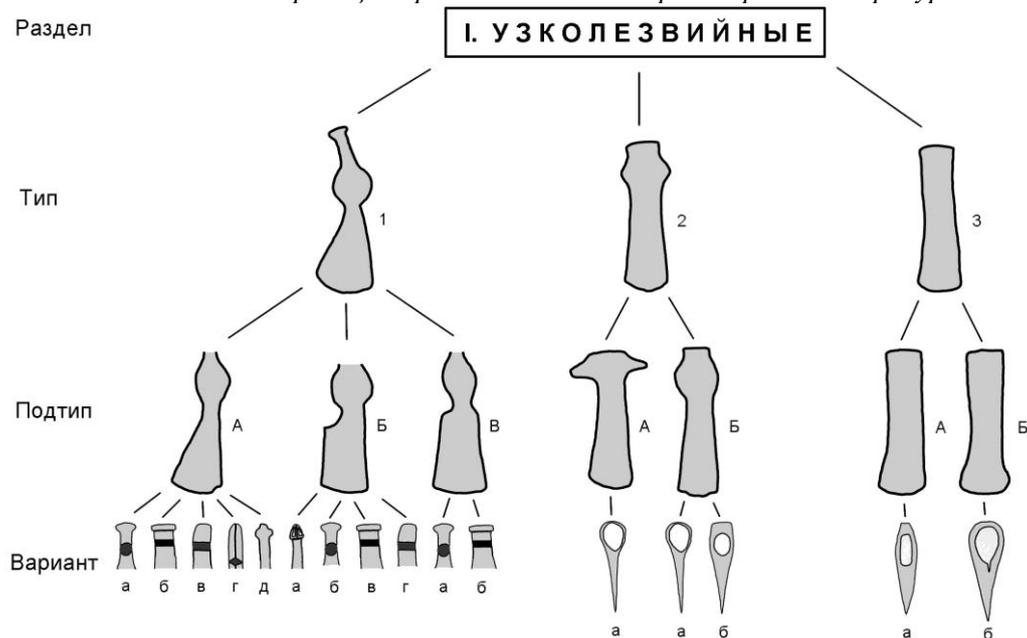

Рис.3. Схема классификации узколезвийных средневековых топоров Пермского Предуралья

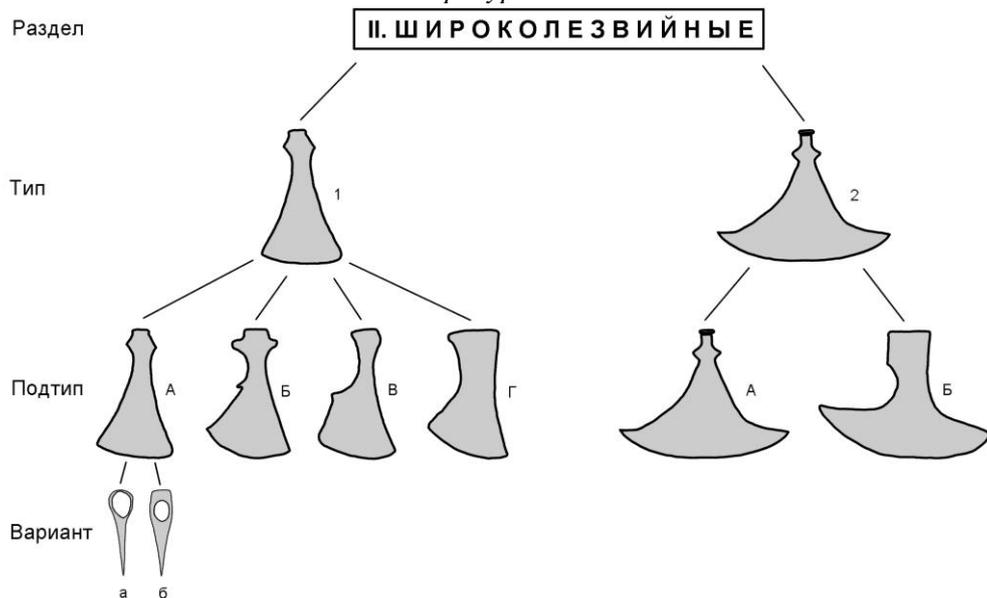

Рис.4. Схема классификации широколезвийных средневековых топоров Пермского Предуралья

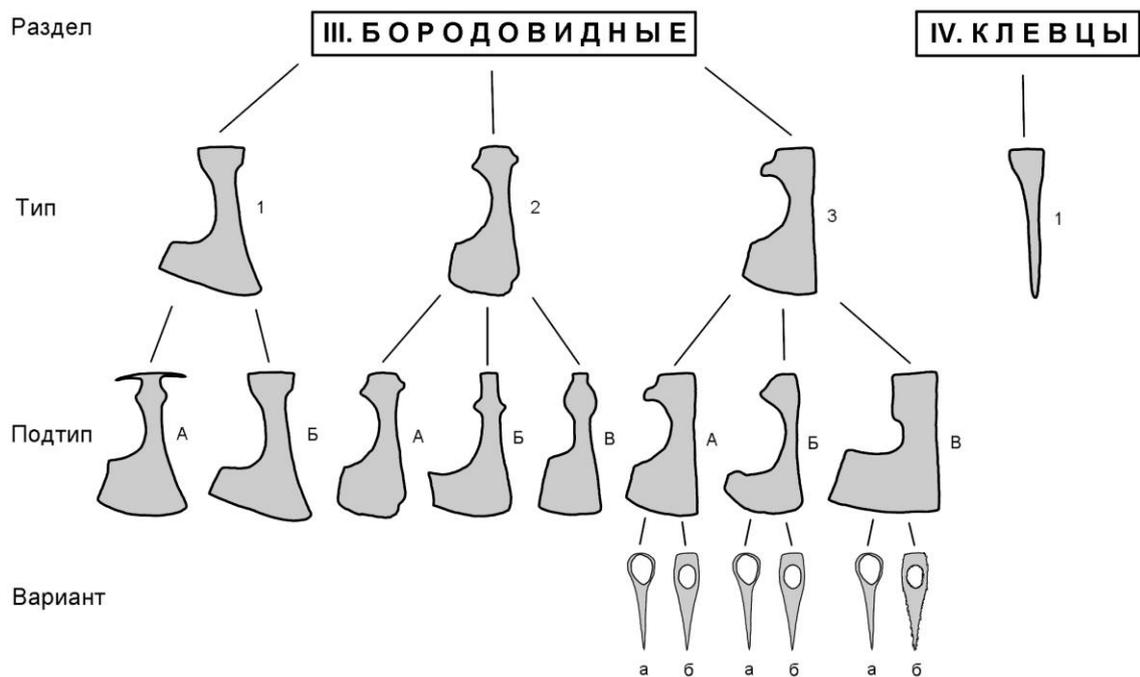

Рис.5. Схема классификации бородавчатых топоров и клевцов Пермского Предуралья

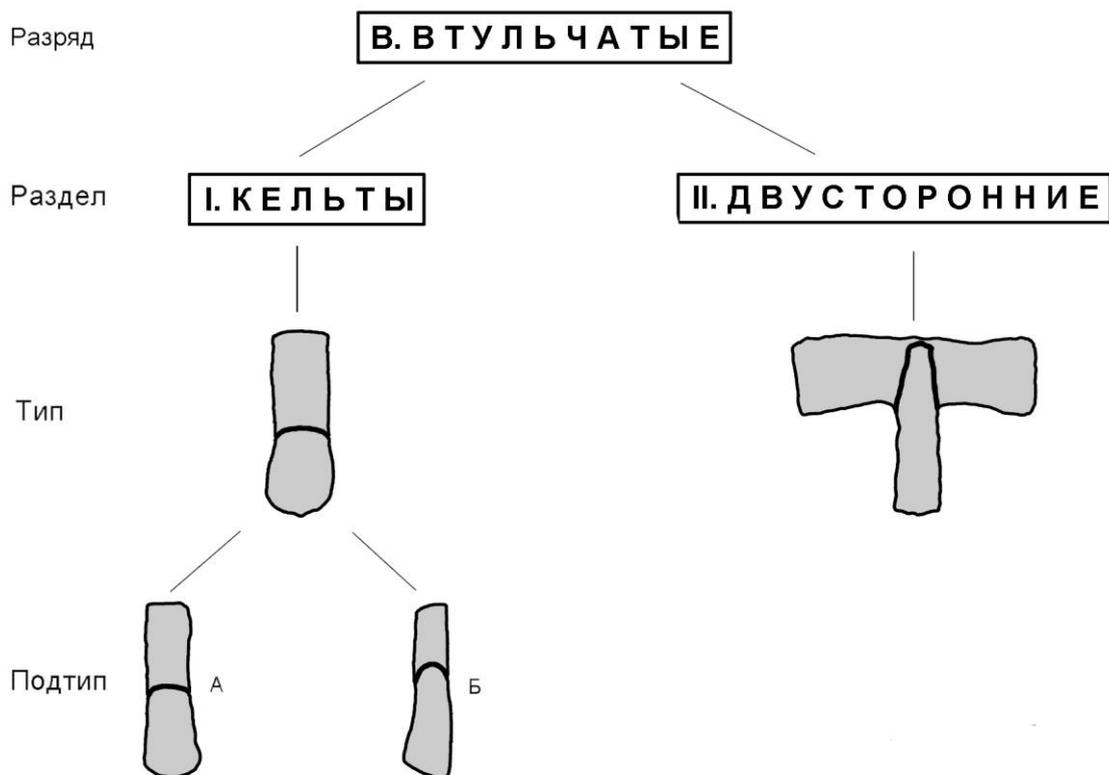

Рис.5. Схема классификации втульчатых средневековых топоров Пермского Предуралья

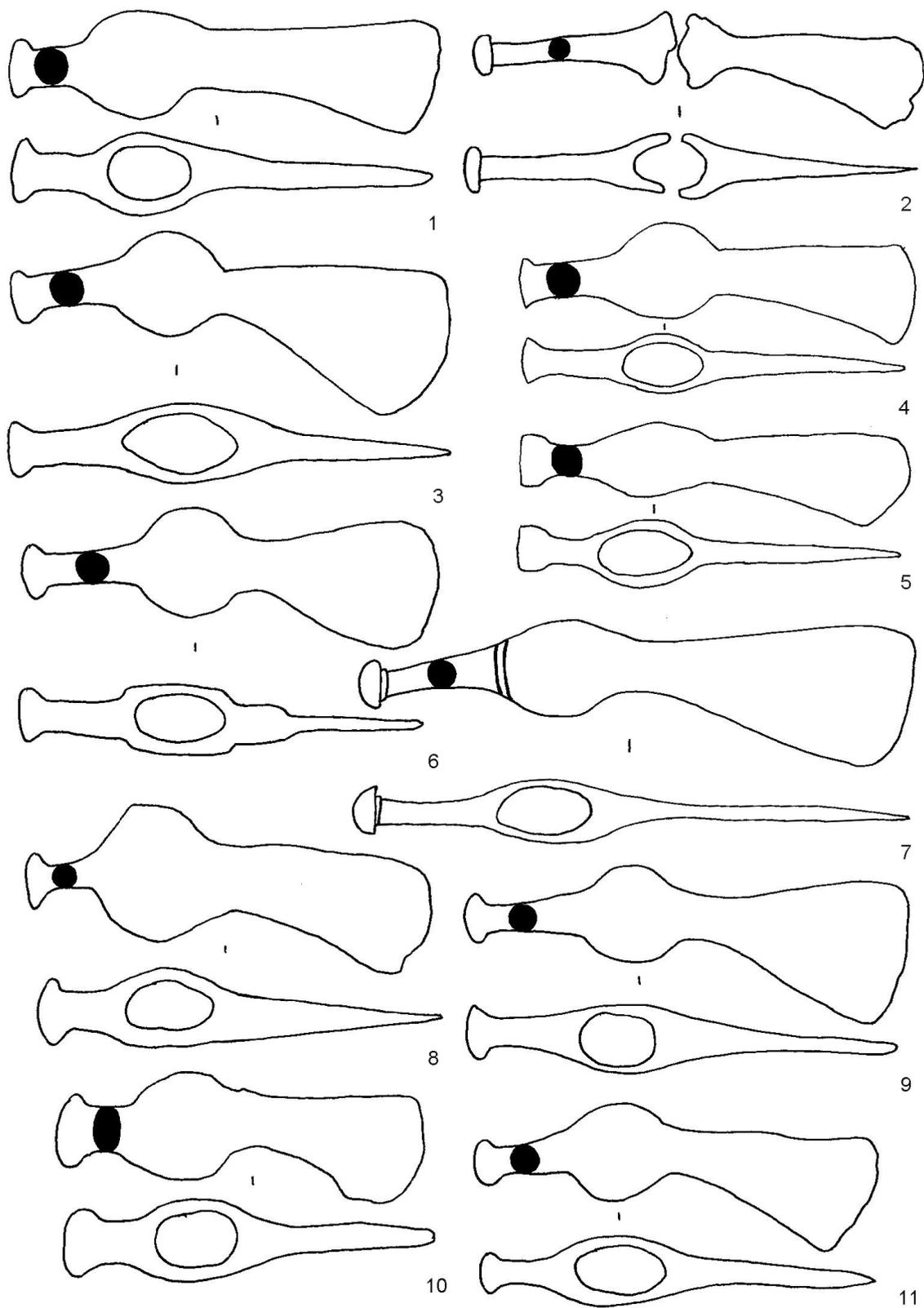

Рис.7. Топоры с территории Пермского Предуралья: 1–11 – тип Ж.П.1.1.

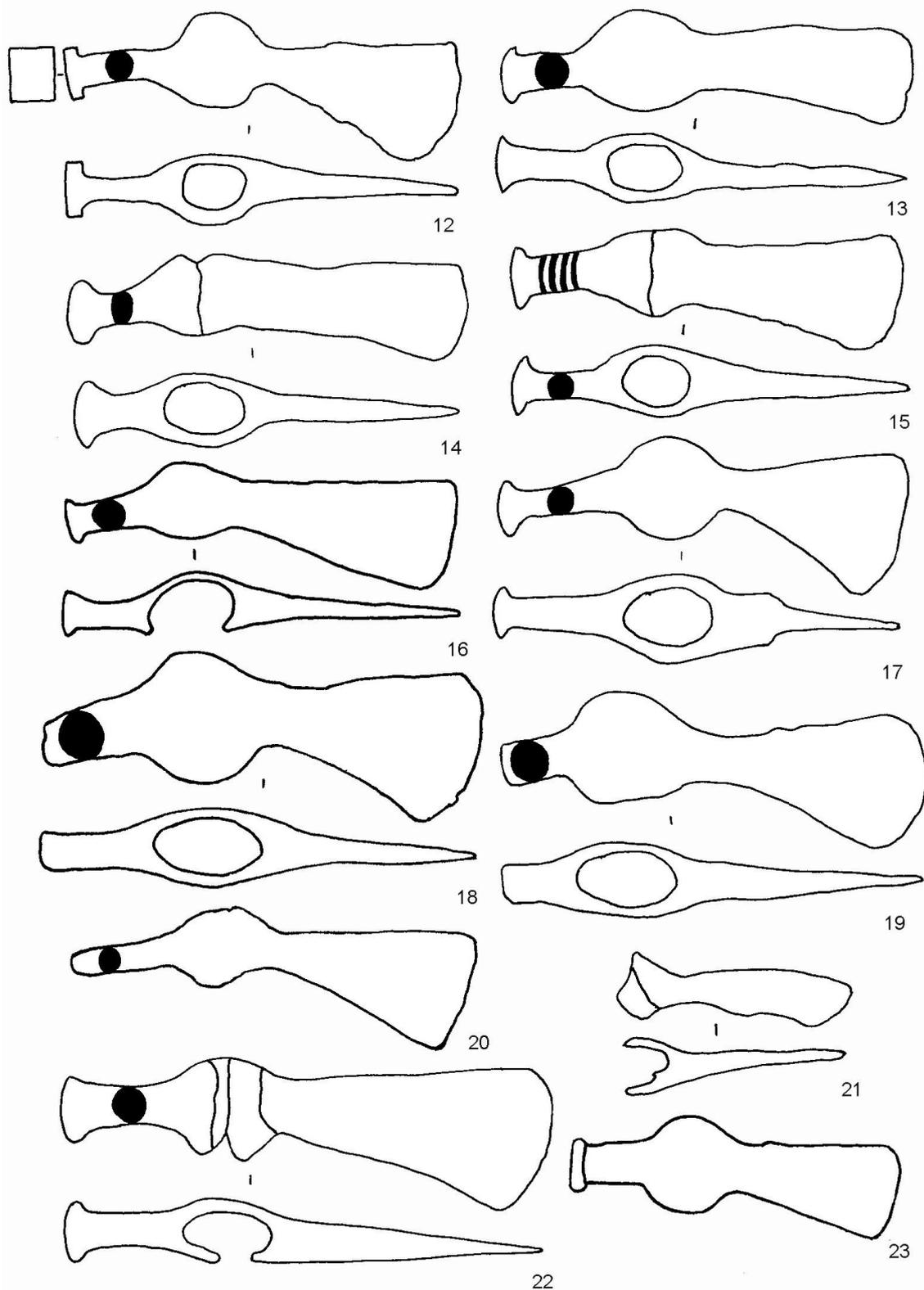

Рис.8. Топоры с территории Пермского Предуралья. 12–23 – тип Ж.П.1.1

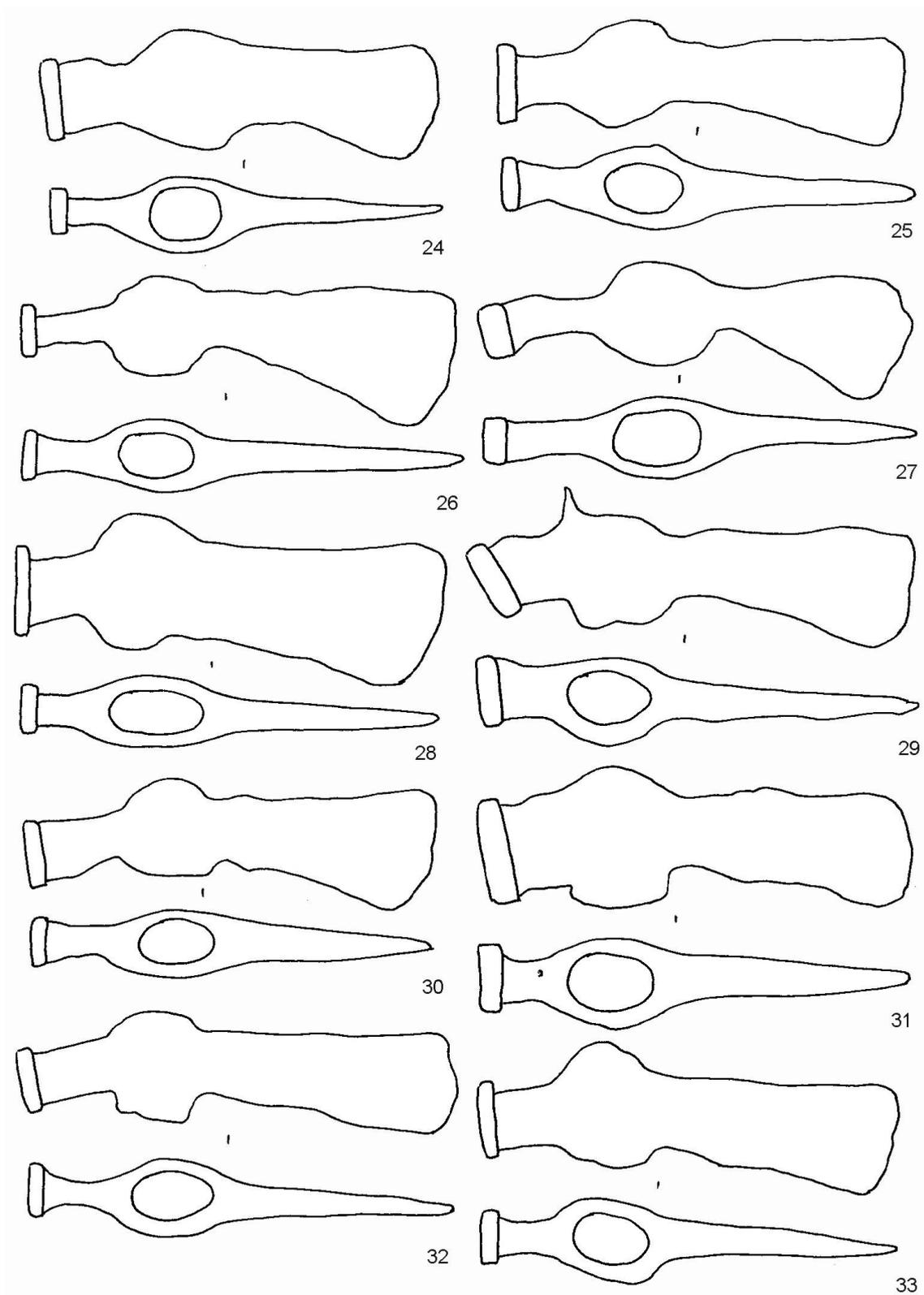

Рис.9. Топоры с территории Пермского Предуралья. 24–33 – тип Ж.П.1.1

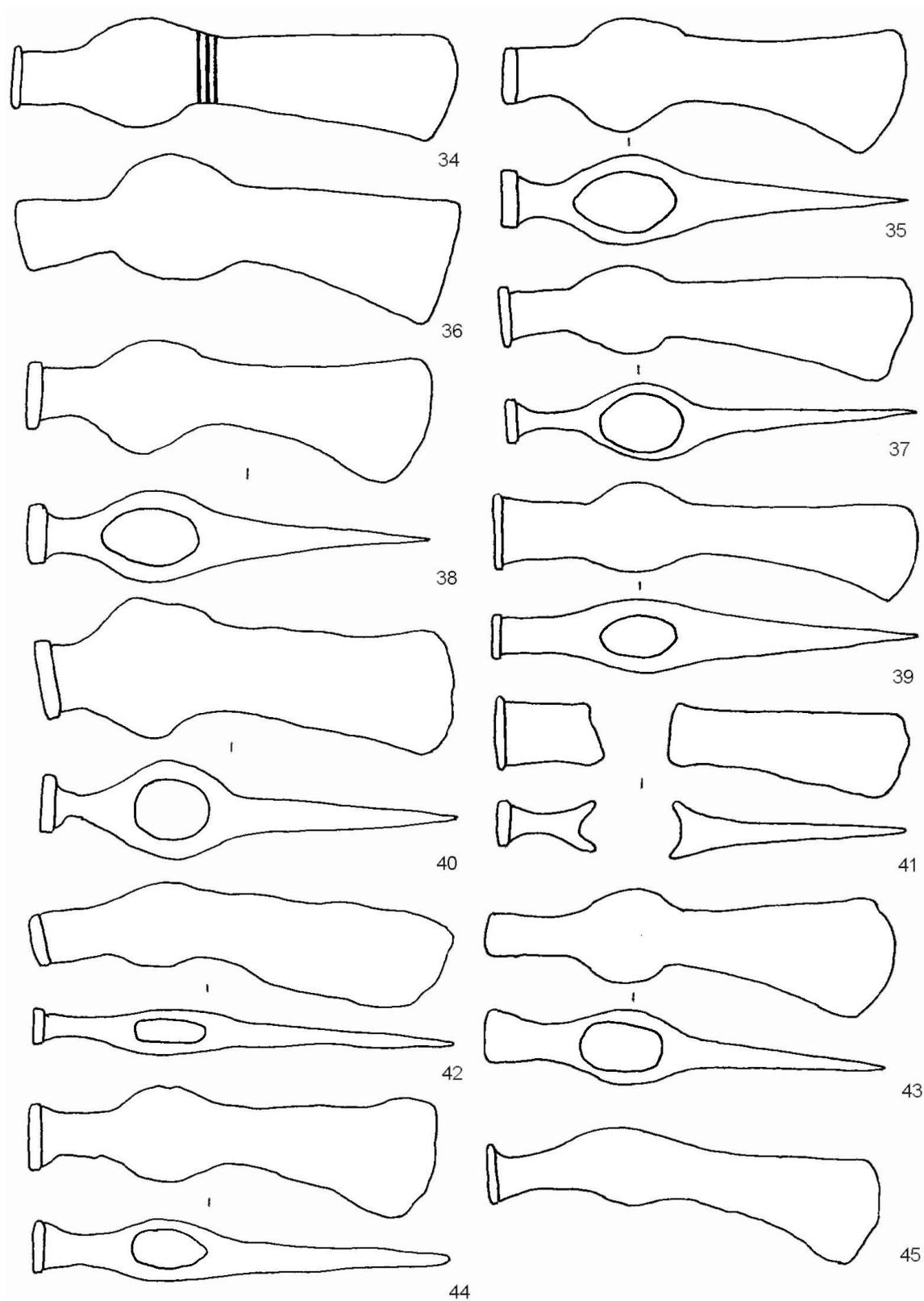

Рис.10. Топоры с территории Пермского Предуралья. 34-45 – тип Ж.П.1.1

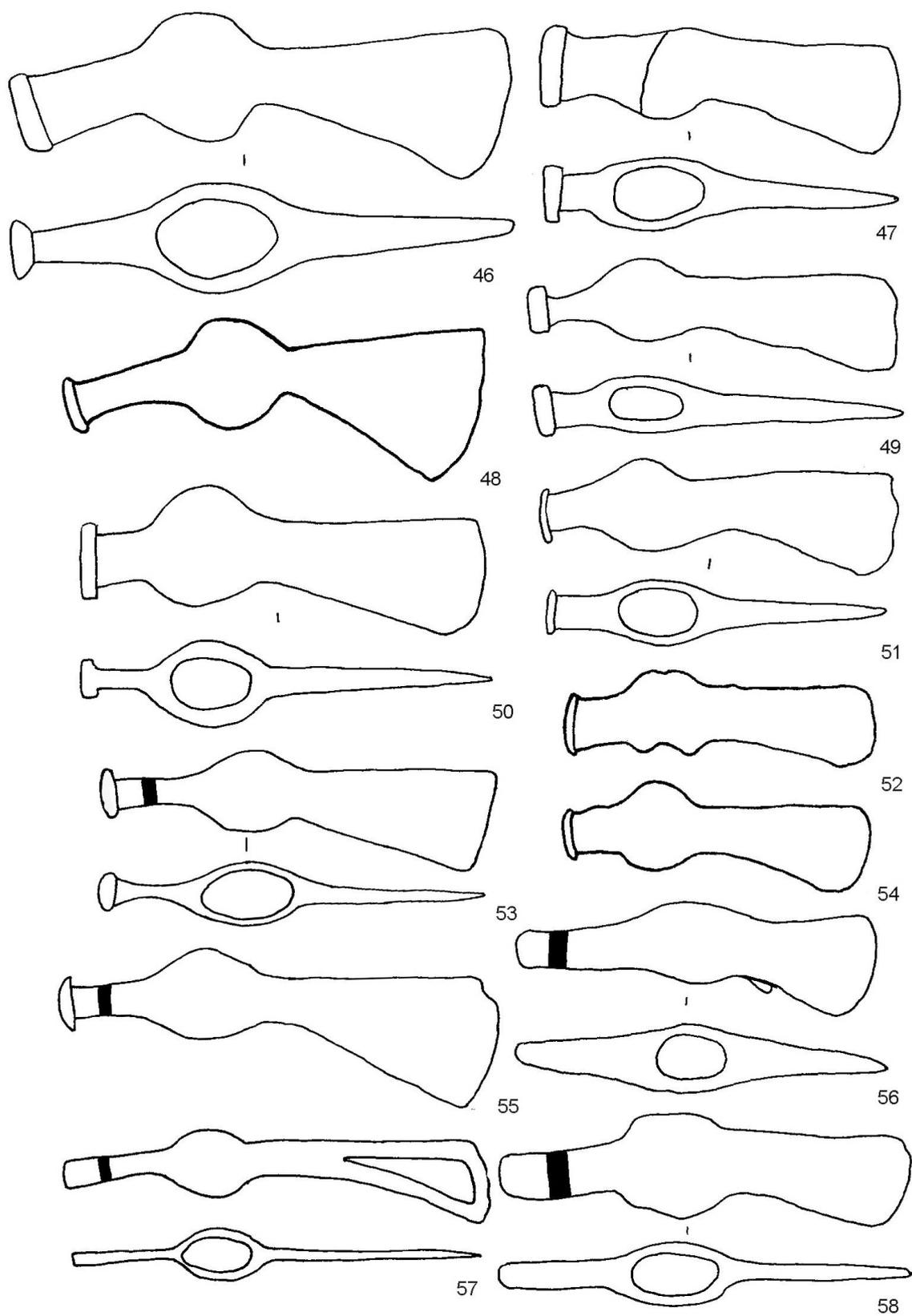

Рис. 11. Топоры с территории Пермского Предуралья. 46–58 – тип Ж.П.1.1

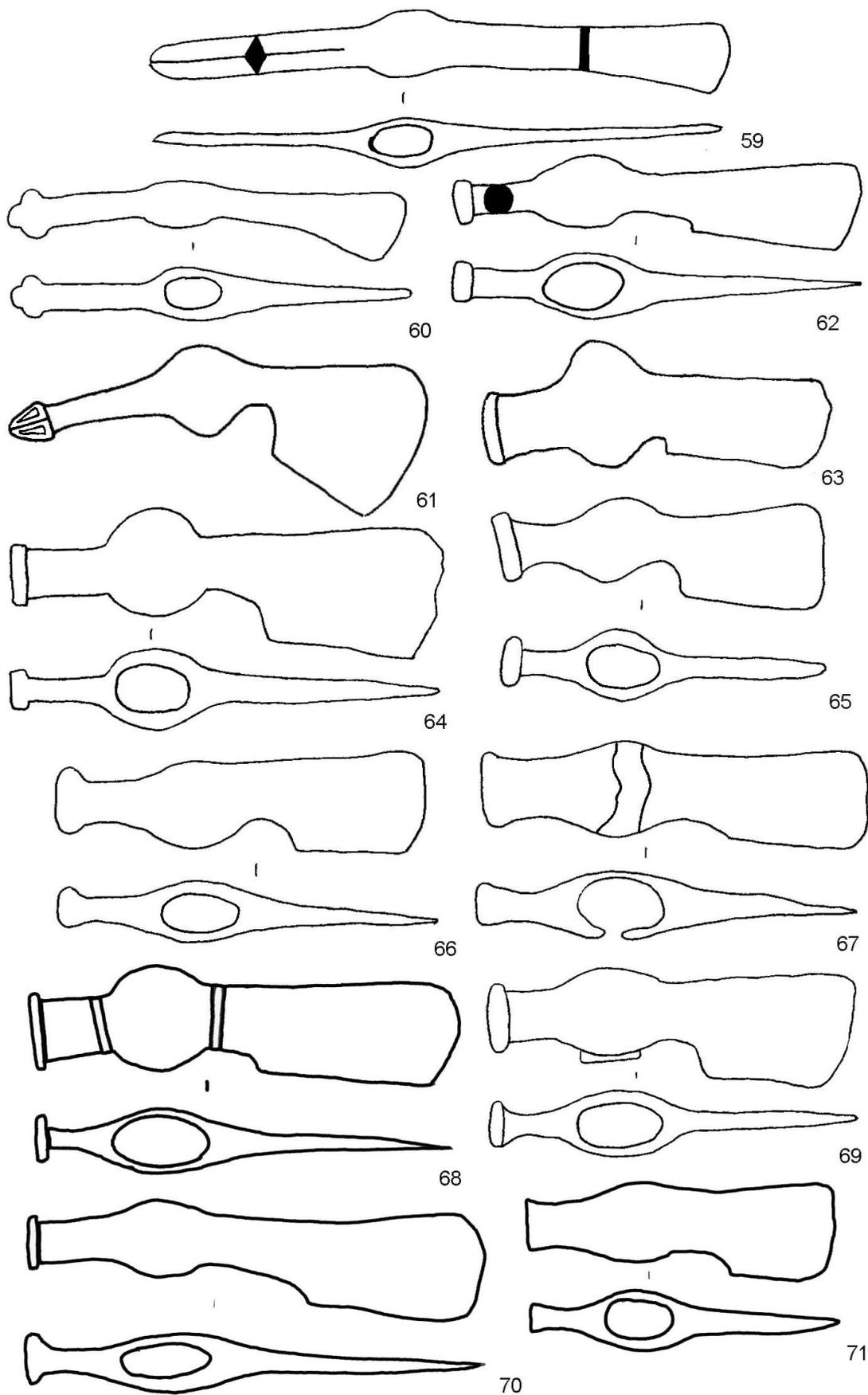

Рис.12. Топоры с территории Пермского Предуралья. 59–71 – тип Ж.П.1.1

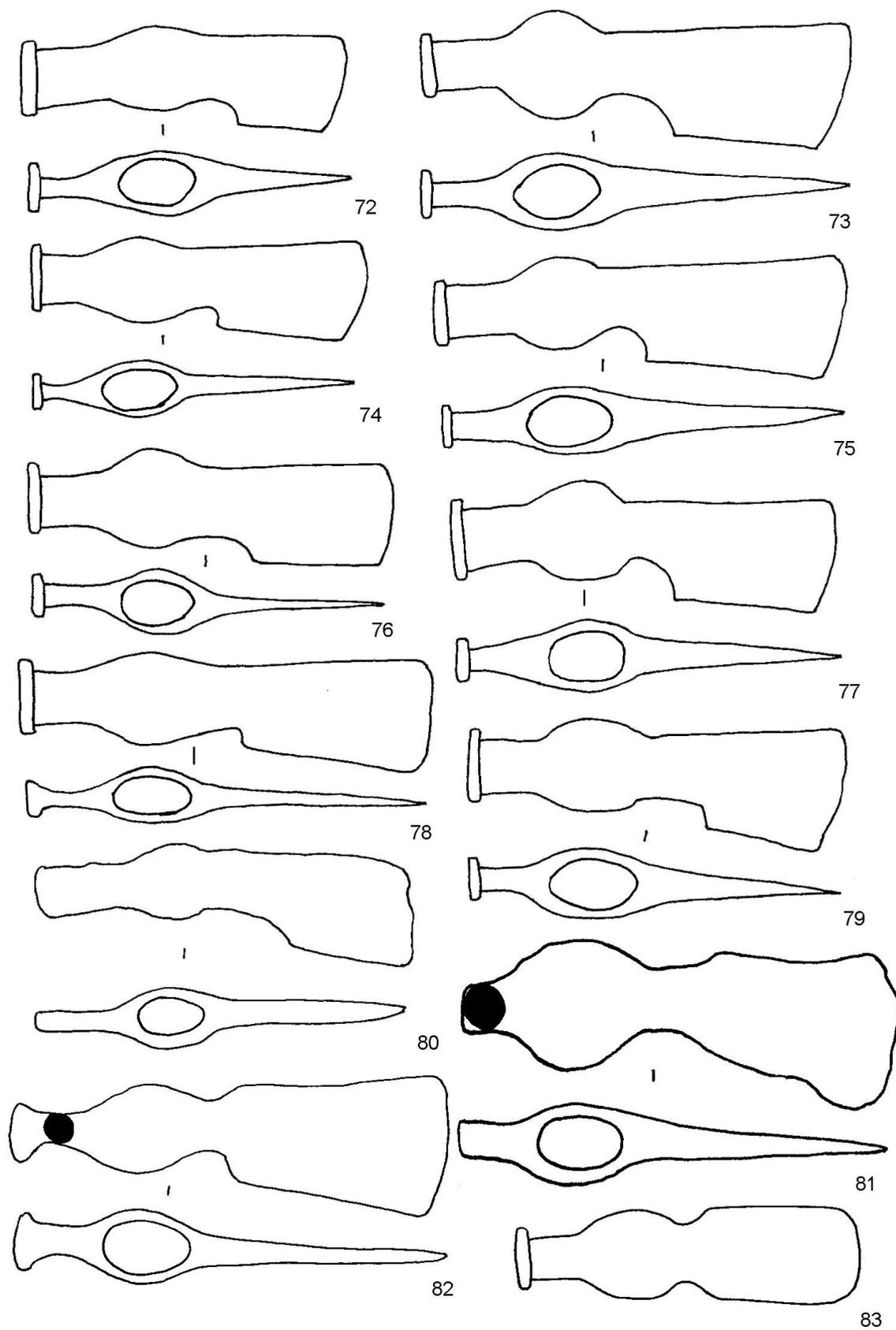

Рис.13. Топоры с территории Пермского Предуралья. 72–83 – тип Ж.П.1.1

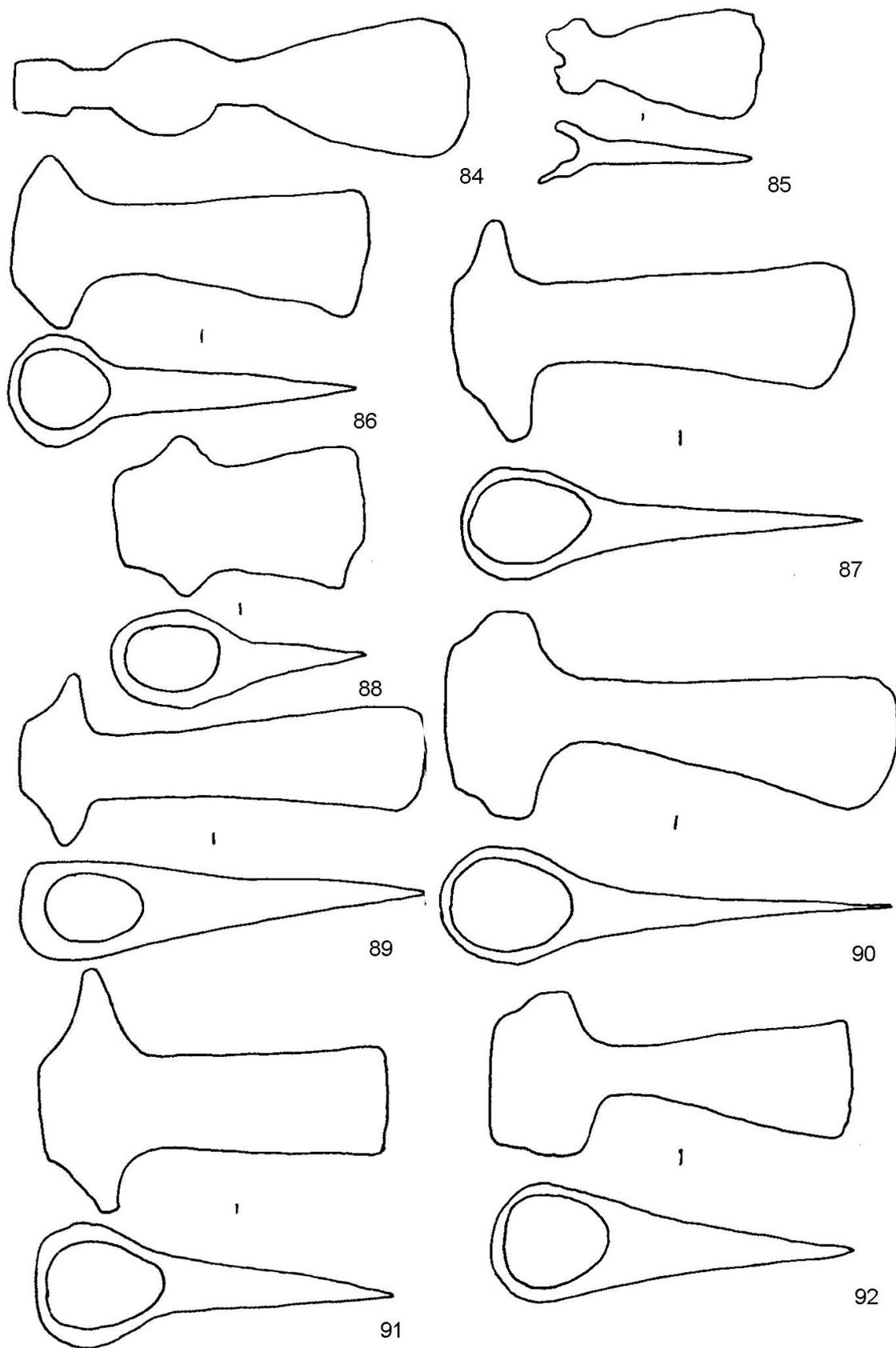

Рис.14. Топоры с территории Пермского Предуралья. 84–85 – тип Ж.П.1.1;
86–92 – тип Ж.П.1.2

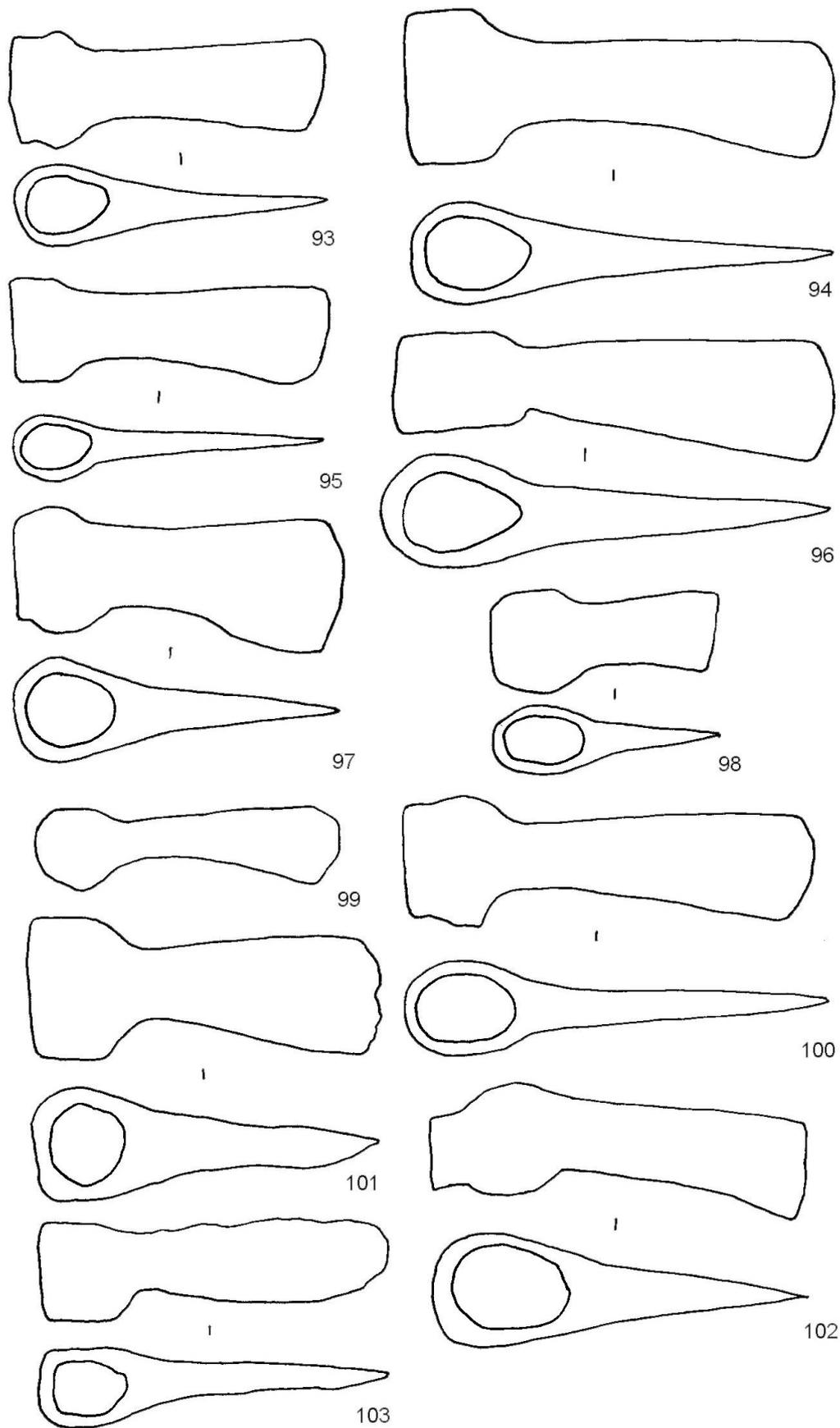

Рис.15. Топоры с территории Пермского Предуралья. 93–103 – тип Ж.П.1.2

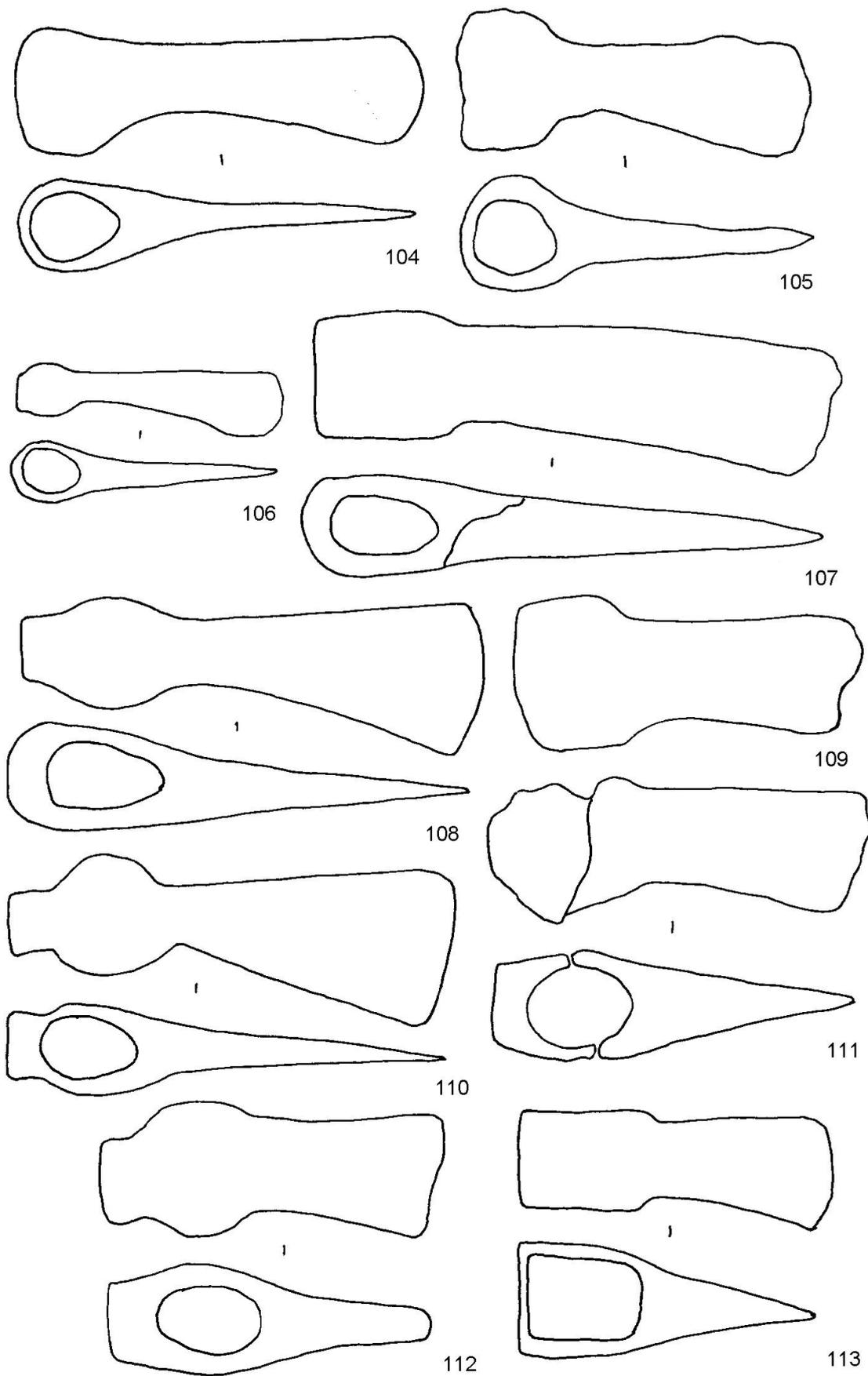

Рис.16. Топоры с территории Пермского Предуралья. 104–113 – тип Ж.П.1.2

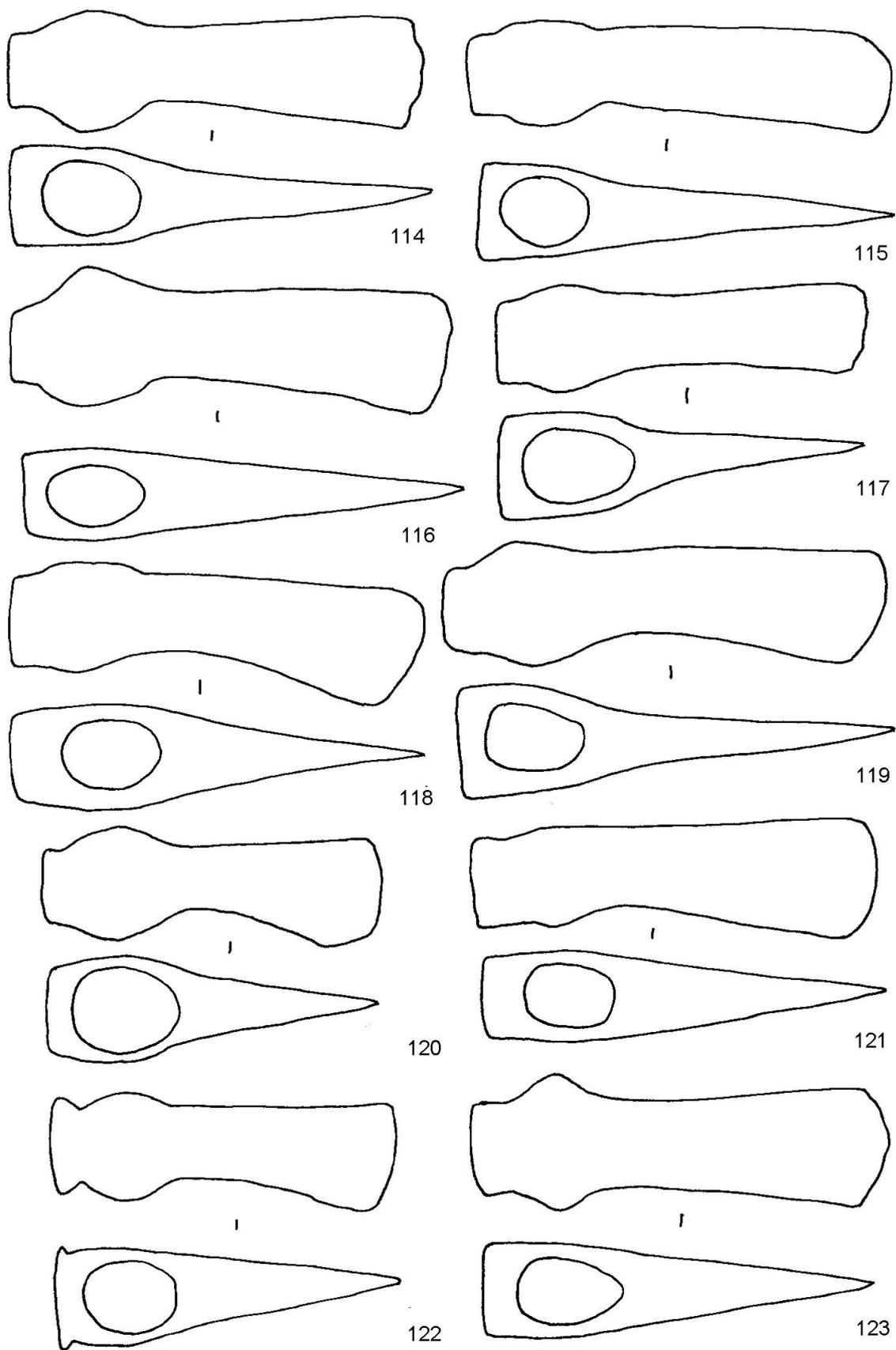

Рис.17. Топоры с территории Пермского Предуралья. 114–123 – тип Ж.П.1.2

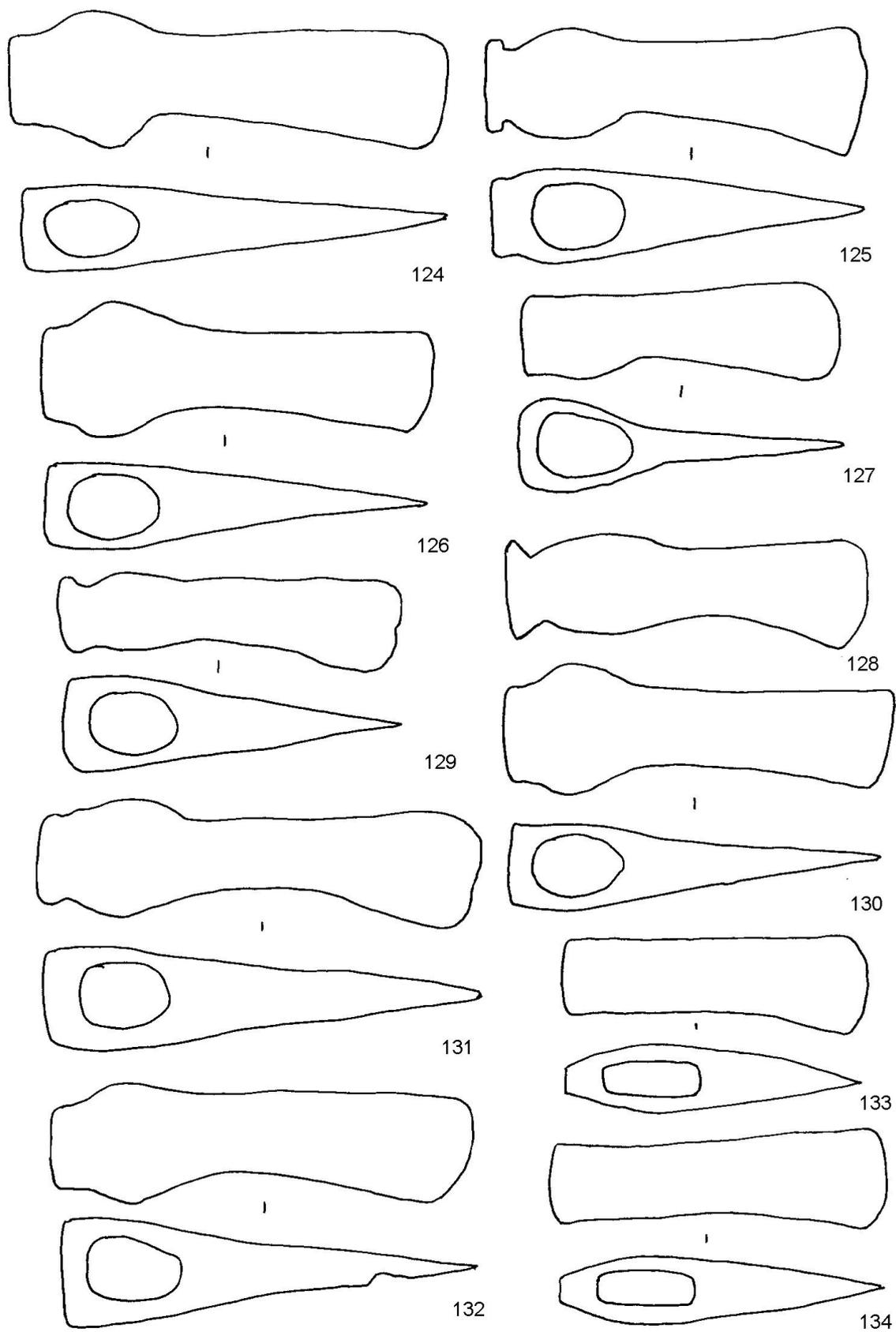

Рис.18. Топоры с территории Пермского Предуралья. 124–132 – тип Ж.П.1.2;
133–134 – тип Ж.П.1.3

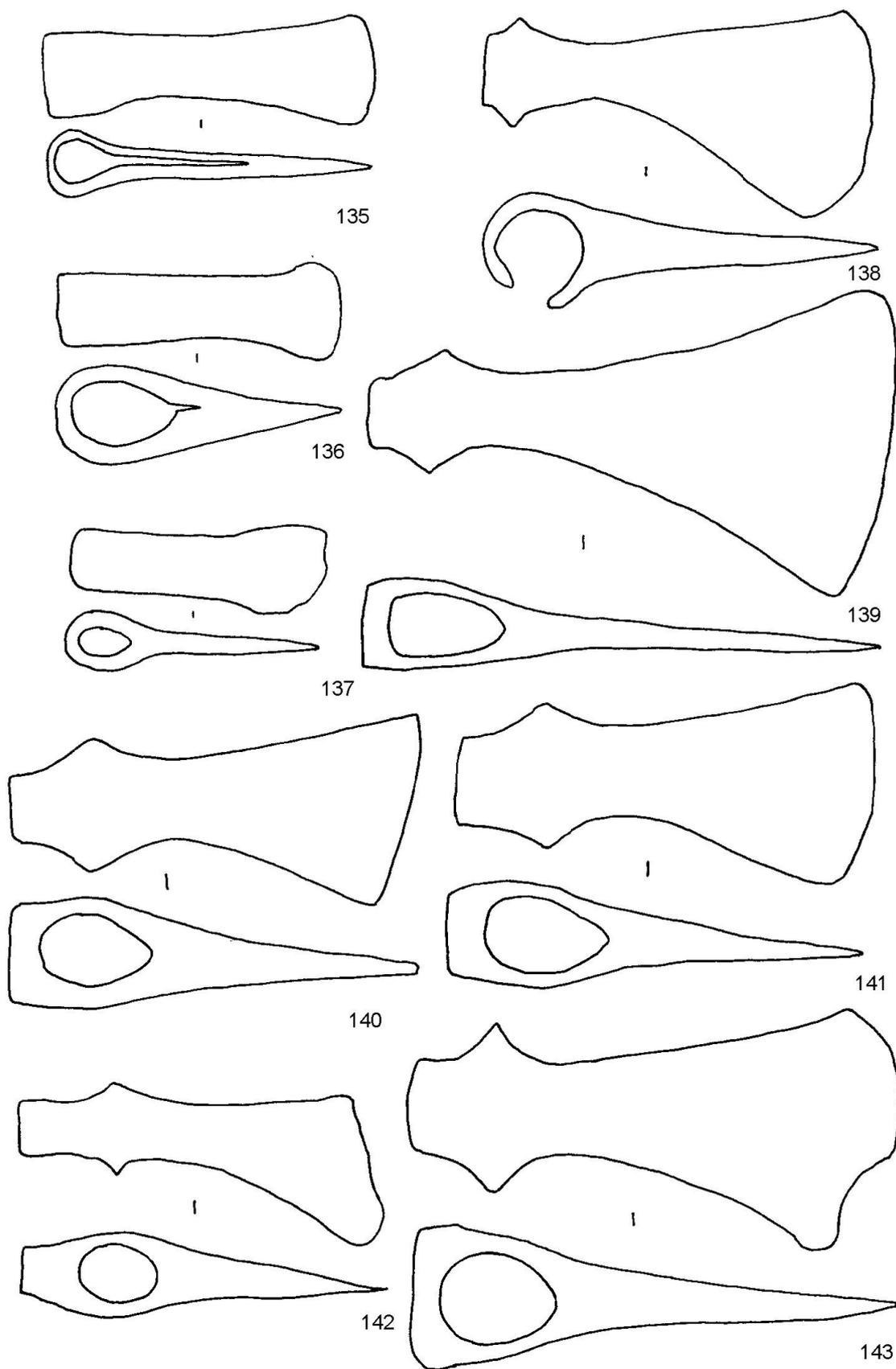

Рис.19. Топоры с территории Пермского Предуралья. 135–137 – тип Ж.П.І.3;
138–143 – тип Ж.П.ІІ.1

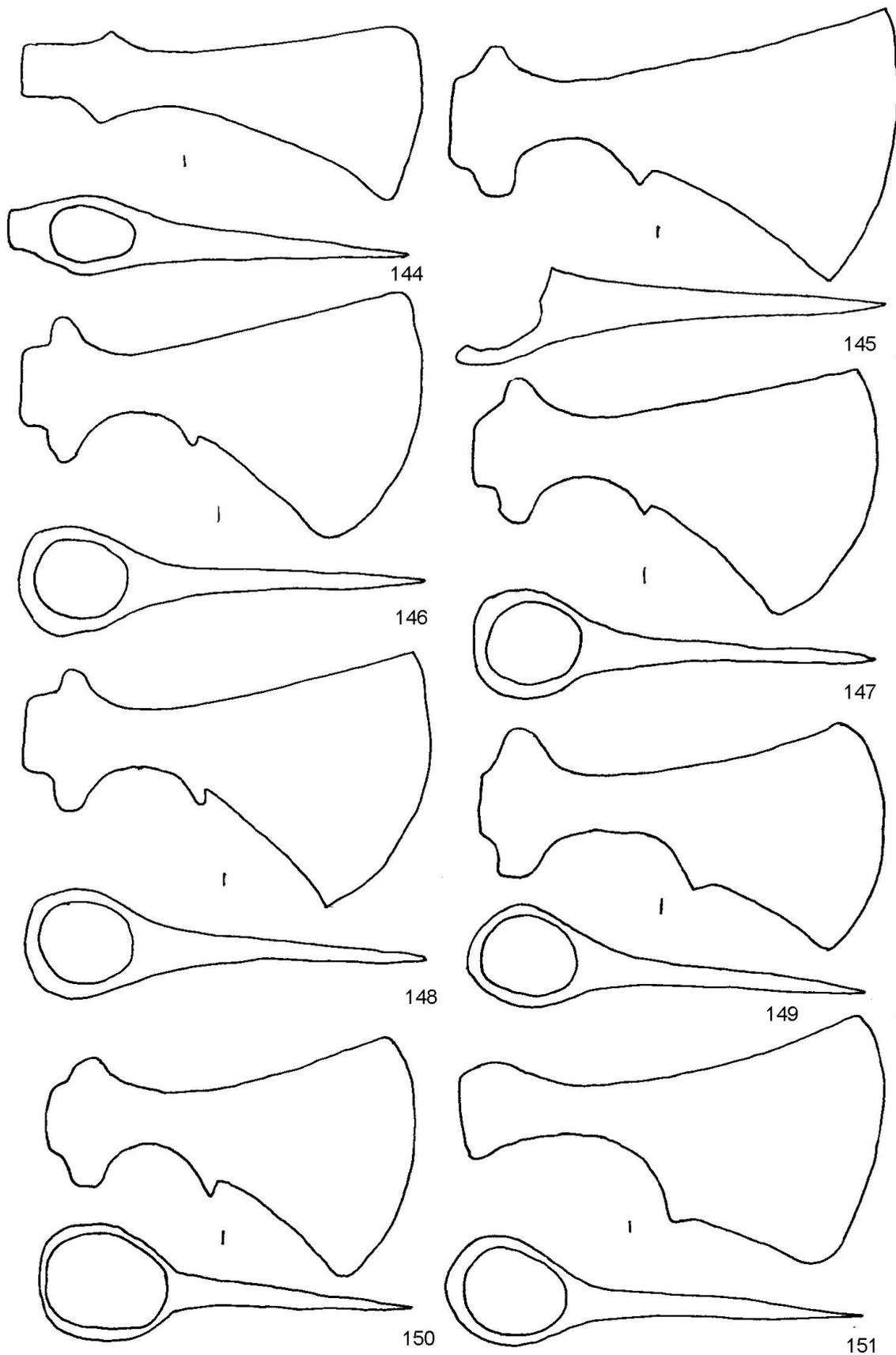

Рис.20. Топоры с территории Пермского Предуралья. 144–151 – тип Ж.П.П.1

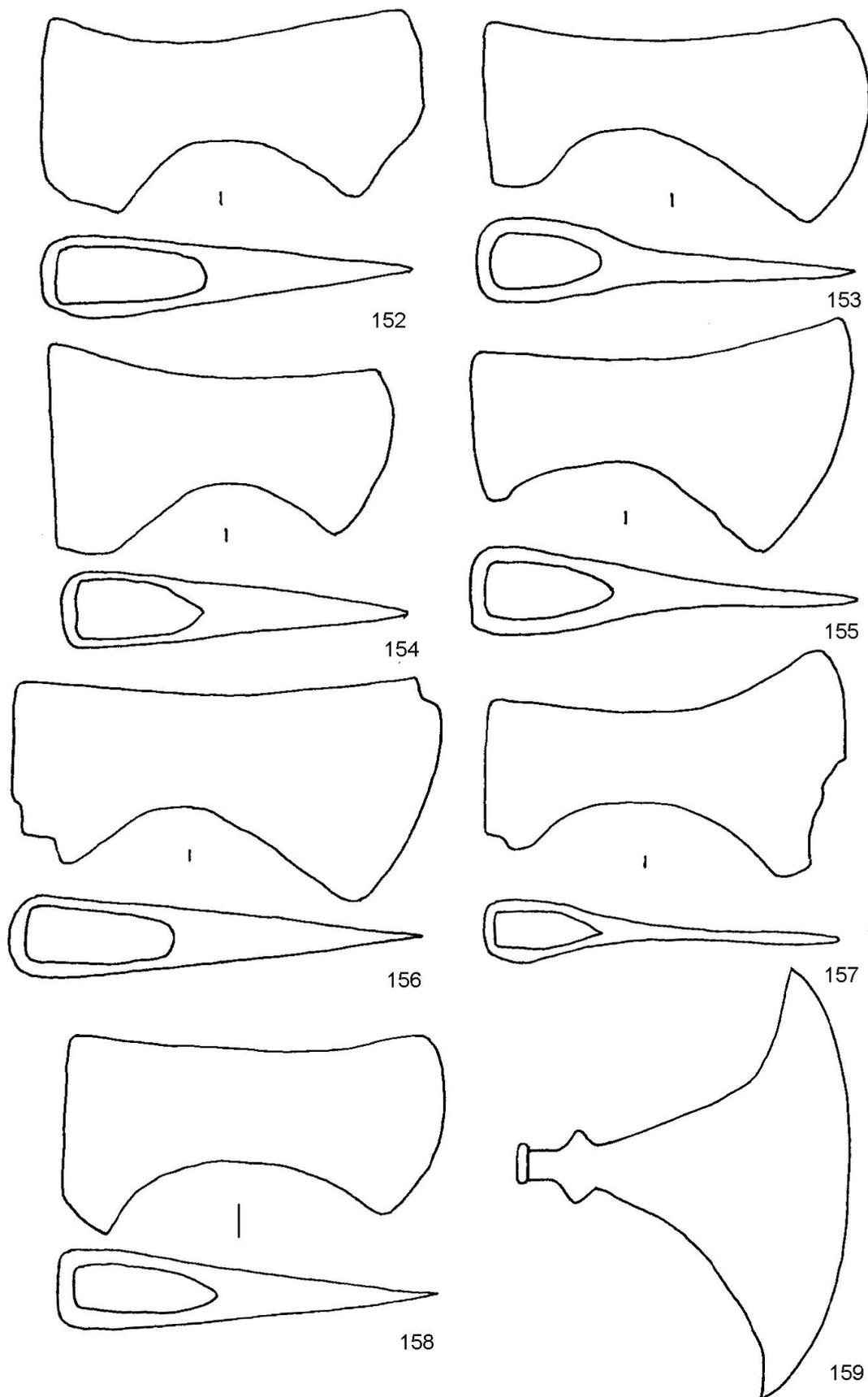

Рис.21. Топоры с территории Пермского Предуралья. 152–158 – тип Ж.П.П.1;
159 – тип Ж.П.П.2

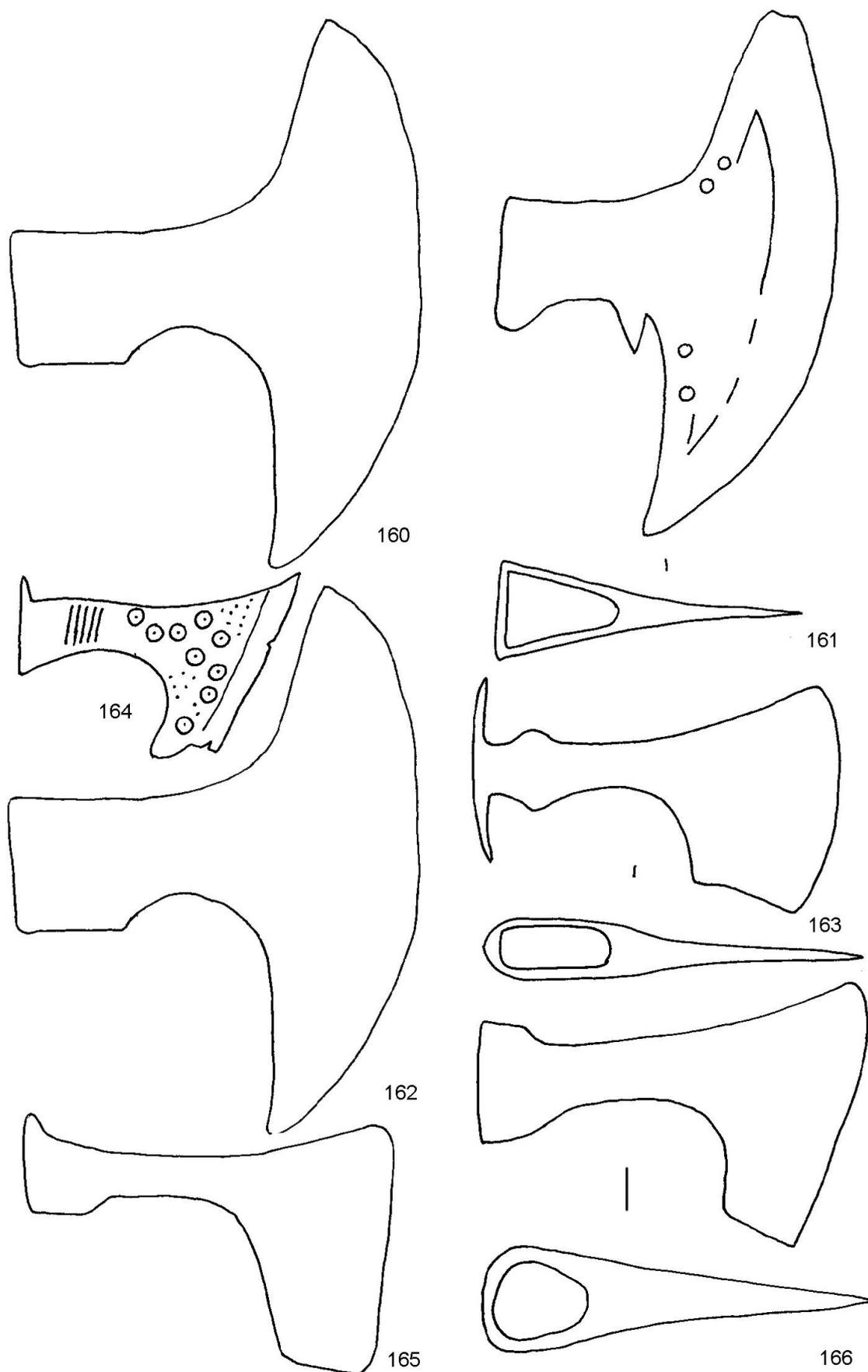

Рис.22. Топоры с территории Пермского Предуралья. 160–162 – тип Ж.П.И.2; 163–166 – тип Ж.П.И.1

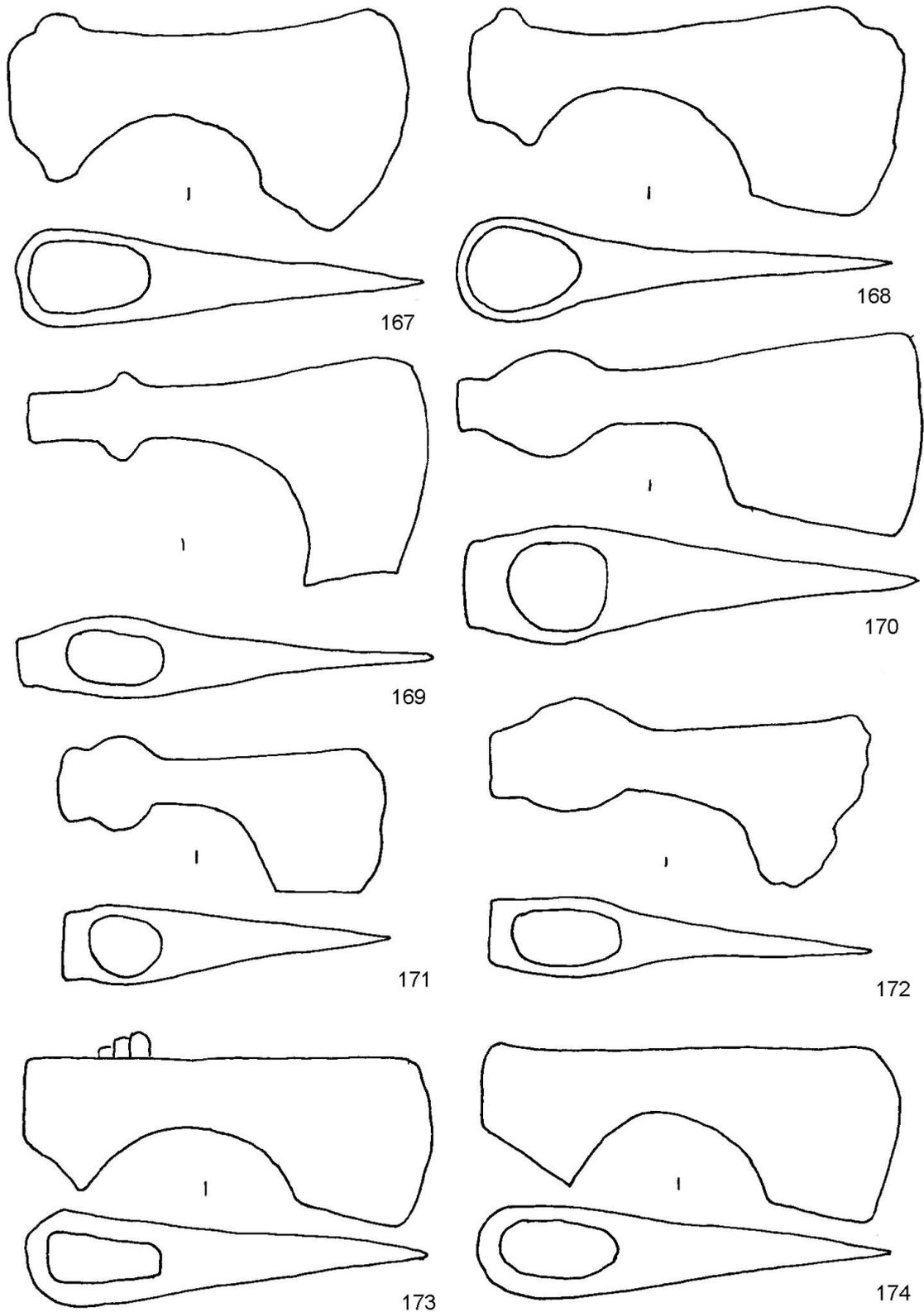

Рис.23. Топоры с территории Пермского Предуралья. 167–172 – тип Ж.П.Ш.2;
173–174 – тип Ж.П.Ш.3

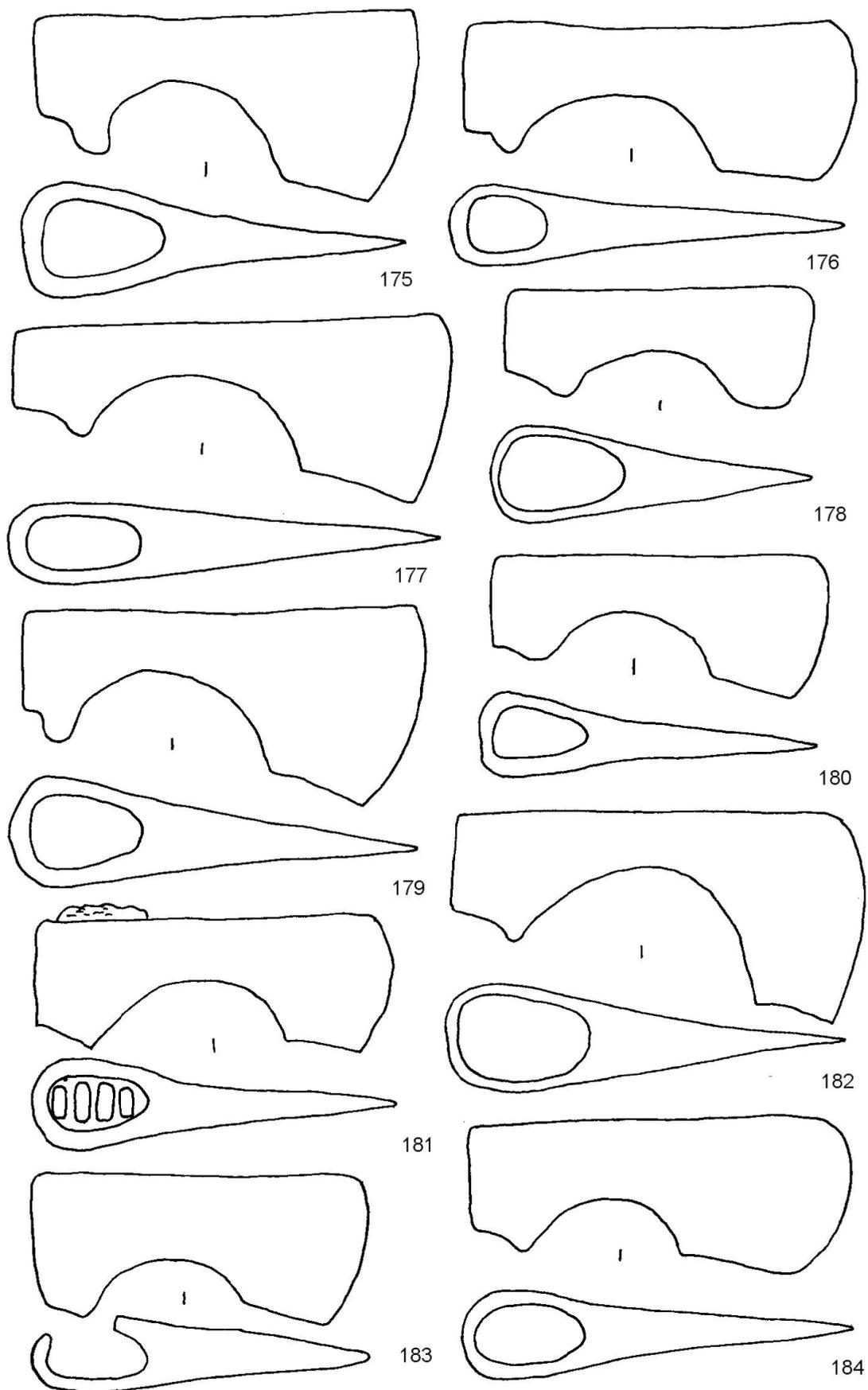

Рис.24. Топоры с территории Пермского Предуралья. 175–184 – тип Ж.П.Ш.3

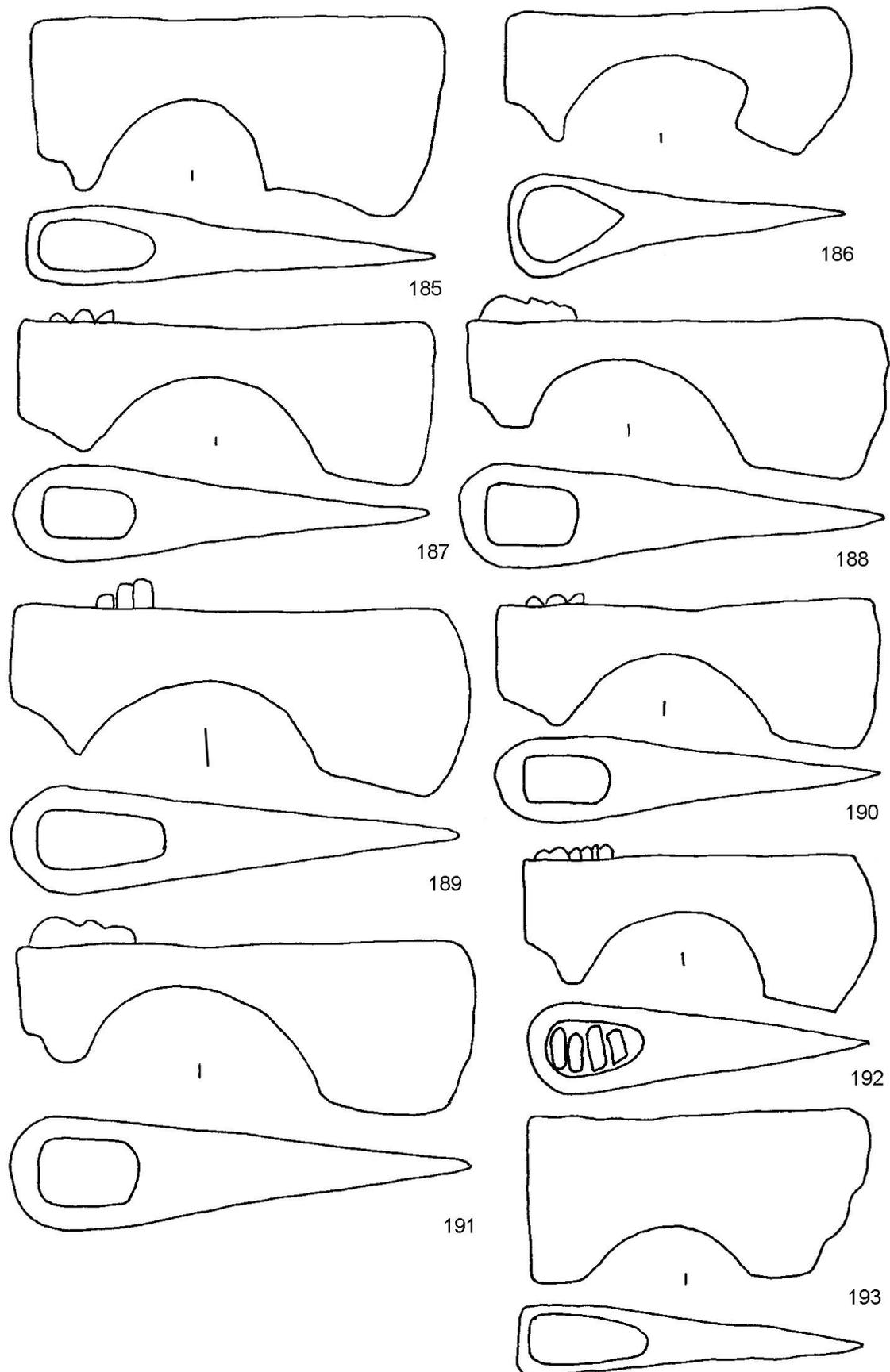

Рис.25. Топоры с территории Пермского Предуралья. 185–193 – тип Ж.П.Ш.3

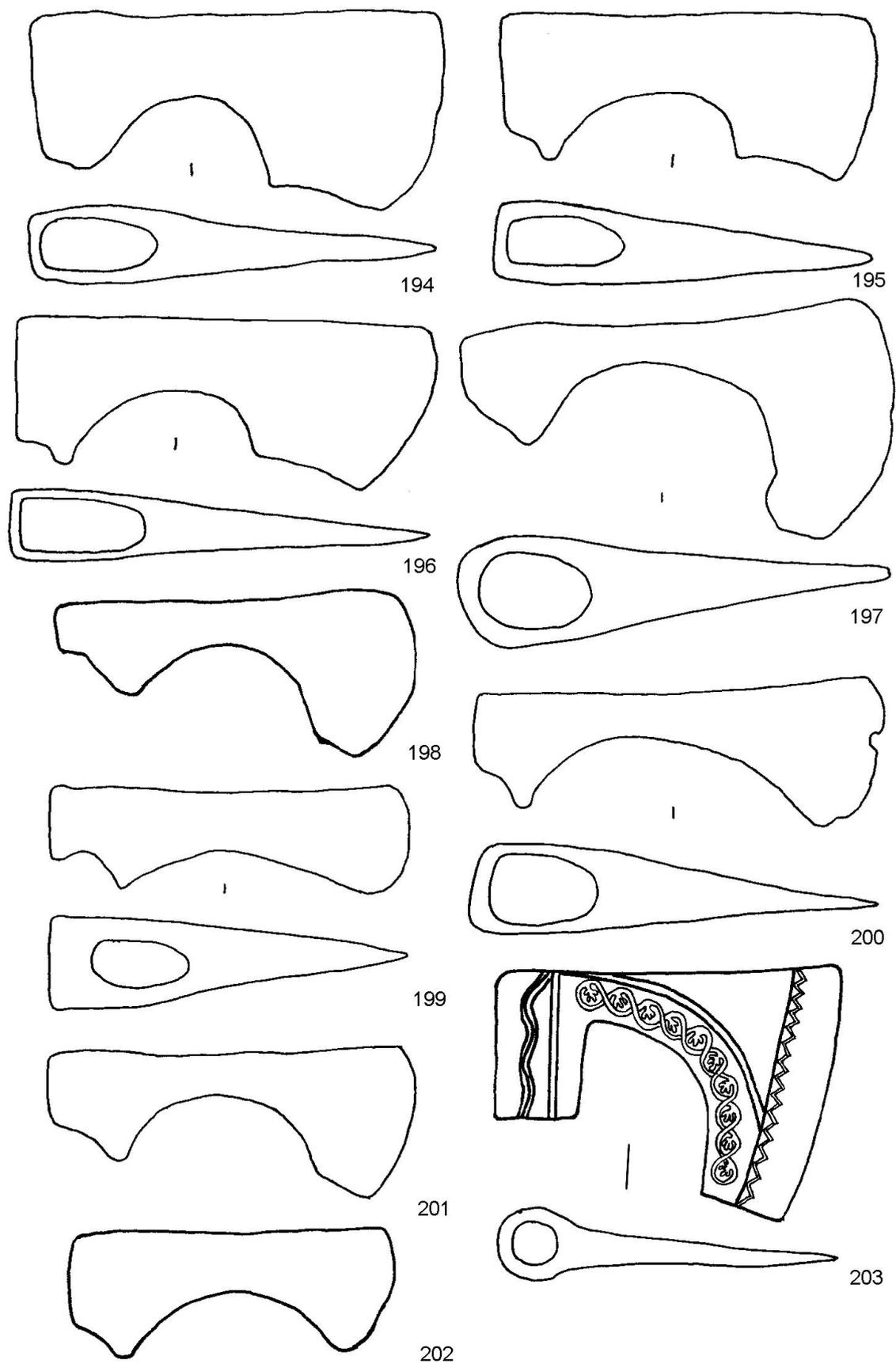

Рис.26. Топоры с территории Пермского Предуралья. 194–203 – тип Ж.П.Ш.3

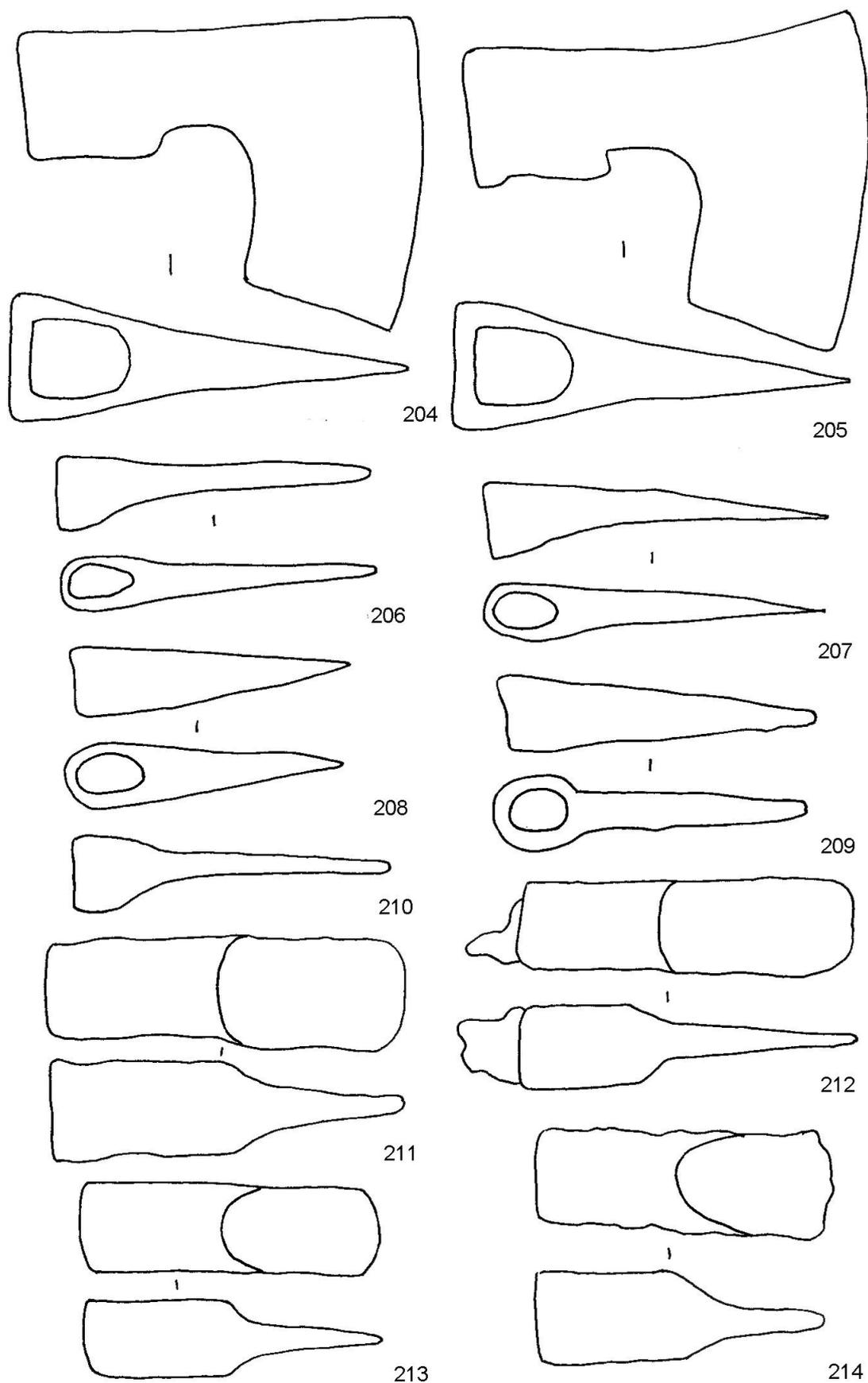

Рис.27. Топоры с территории Пермского Предуралья. 204–205 – тип Ж.П.Ш.3;
206–210 – тип Ж.П.Ш.1; 211–214 – тип Ж.В.1.1

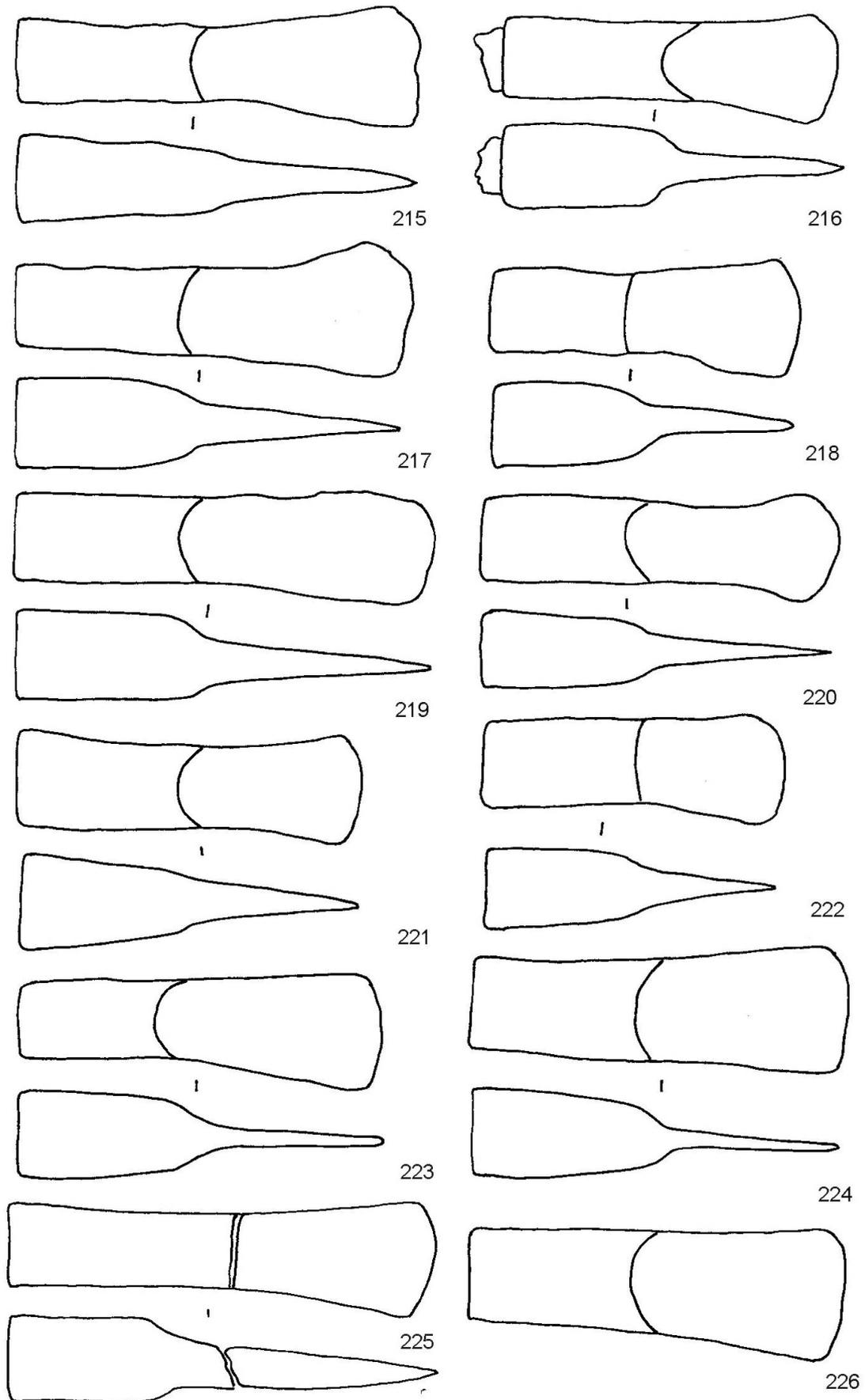

Рис.28. Топоры с территории Пермского Предуралья. 215–226 – тип Ж.В.І.1

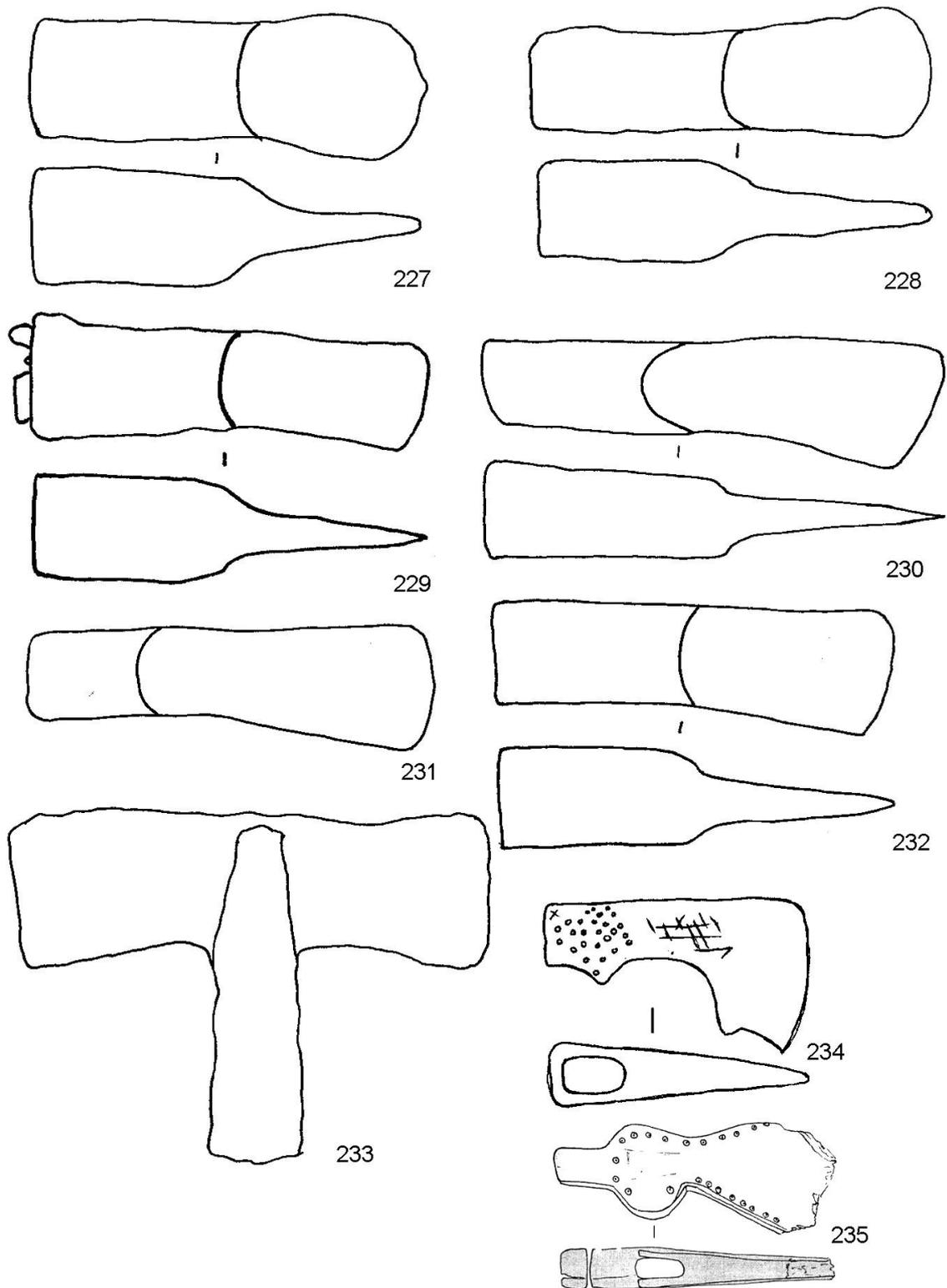

Рис.29. Топоры с территории Пермского Предуралья. 227–232 – тип Ж.В.І.І; 233 – тип Ж.В.ІІ.І; 234 – К.П.ІІІ.3; 235 – К.П.І.І

Таблица 1. Каталог топоров, найденных на средневековых памятниках Пермского Предуралья

№	Памятник	Автор исследований	Год исследований	Условия находки	Источник
1	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.116	Раскопки автора
2	Не известно				Коллекция Зеликмана
3	Бояновский могильник	Данич А.В.	2005	погр.18	Раскопки автора
4	Бояновский могильник	Данич А.В.	2011	погр.250	Раскопки автора
5	Бояновский могильник	Данич А.В.	2011	погр.241	Раскопки автора
6	Бояновский могильник	Данич А.В.	2005	кв. О/23 гл.-0,4	Раскопки автора
7	Пыштайн, могильник	Оборин В.А.			Фонды музея
8	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.128	Раскопки автора
9	Бояновский могильник	Данич А.В.	2006	погр.59	Раскопки автора
10	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.128	Раскопки автора
11	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	Ф/25 -0,11м	Раскопки автора
12	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.133	Раскопки автора
13	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	кв.Ф/23 гл. - 0,3 м	Раскопки автора
14	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.107	Раскопки автора
15	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.140	Раскопки автора
16	Бояновский могильник	Данич А.В.	2011	погр.243	Раскопки автора
17	Бояновский могильник	Данич А.В.	2006	погр.53	Раскопки автора
18	Бояновский могильник	Данич А.В.	2006	погр.68	Раскопки автора
19	Бояновский могильник	Данич А.В.	2006	погр.71	Раскопки автора
20	Не известно				Фото чёрных археологов
21	Запоселье, могильник	Крыласова Н.Б.	2006	Выброс из граб.ям	Фонды музея
22	Запоселье, могильник	Крыласова Н.Б.	2006	Выброс из граб.ям	Фонды музея
23	Не известно				Фото чёрных археологов
24	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.120	Раскопки автора
25	Бояновский могильник	Данич А.В.	2008	погр.158	Раскопки автора
26	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.121	Раскопки автора
27	Бояновский могильник	Данич А.В.	2006	погр.61	Раскопки автора
28	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.79	Раскопки автора
29	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.113	Раскопки автора
30	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.137	Раскопки автора
31	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.93	Раскопки автора
32	Бояновский могильник	Данич А.В.	2008	погр.167	Раскопки автора
33	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.89	Раскопки автора
34	Плѣс, могильник ?	Оборин В.А.	1960		Фонды музея
35	Не известно				Коллекция Теплоуховых
36	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Данич А.В.	1997		Коллекция Пороховника В.А.
37	Каневский могильник	Генинг В.Ф.	1953	погр.1	Фонды музея

38	Демёнки, могильник	Генинг В.Ф.	1953	погр.141	(Голдина, 1985. Табл. XXVIII, 22)
39	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Данич А.В.	1997		Раскопки автора
40	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.138	Раскопки автора
41	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Данич А.В.	1997		Раскопки автора
42	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.134	Раскопки автора
43	Не известно				Фонды музея
44	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.134	Раскопки автора
45	Загарский могильник				(Спицин, 1902. Табл. XXVII, 1)
46	Бояновский могильник	Данич А.В.	2005	кв. О/21 гл.-0,10	Раскопки автора
47	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.137	Раскопки автора
48	Не известно				фото чёрных археологов
49	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.105	Раскопки автора
50	Амбор, могильник	Головчанский Г.П.	2007	погр.20	Фонды музея
51	Запоселье, могильник	Крыласова Н.Б.	2006	погр.1	Фонды музея
52	Не известно				фото чёрных археологов
53	Редикорский могильник	Лунегов И.А.		погр.34	Фонды музея
54	Не известно				фото чёрных археологов
55	Вакино, селище				(Спицин, 1902. Табл. XXVII, 2)
56	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.114	Раскопки автора
57	Демёнки, могильник	Генинг В.Ф.	1953	погр.18	Фонды музея
58	Бояновский могильник	Данич А.В.	2008	погр.153	Раскопки автора
59	Редикорский могильник	Лунегов И.А.	1950	погр.1	Фонды музея
60	Бояновский могильник	Оборин В.А.	1953	погр.14	Архив автора
61	Не известно				Фото чёрных археологов
62	Демёнки, могильник	Генинг В.Ф.	1953	погр.125	Фонды музея
63	Не известно				Фото чёрных археологов
64	Бояновский могильник	Данич А.В.	2010	погр.232	Раскопки автора
65	Бояновский могильник	Оборин В.А.	1951	погр.4	Архив автора
66	Бояновский могильник	Оборин В.А.	1953	погр.15	Архив автора
67	Запоселье, могильник	Крыласова Н.Б.	2006	м/м	Фонды музея
68	Плёт, могильник	Оборин В.А.	1961	погр.16	Фонды музея
69	Бояновский могильник	Оборин В.А.	1951	погр.9	Архив автора
70	Агафоновский I могильник	Голдина Р.Д.	1973	погр.145	Фонды музея
71	Важгортский могильник	Бочаров И.В.	1996	погр.10	Фонды музея
72	Демёнки, могильник	Генинг В.Ф.	1953	погр.140	Фонды музея
73	Плёт, могильник	Оборин В.А.	1960		Фонды музея
74	Урьинский могильник	Генинг В.Ф.	1952	погр.35	Фонды музея
75	Плёт, могильник	Оборин В.А.	1960		Фонды музея
76	д.Парамойлово Юксеевской волости				Фонды музея
77	Плёт, могильник	Оборин В.А.	1960		Фонды музея
78	Урьинский могильник	Генинг В.Ф.	1952	погр.4	Фонды музея
79	Плёт, могильник	Оборин В.А.	1961	погр.26	Фонды музея
80	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Данич А.В.	1997		Раскопки автора

81	Бояновский могильник	Данич А.В.	2006	погр.58	Раскопки автора
82	Бояновский могильник	Оборин В.А.	1953	погр.11	Архив автора
83	Плѣс, могильник	Оборин В.А.	1961		Фонды музея
84	Городищенское городище				Фонды музея
85	Кыласово (Анюшкар) городище				Фонды музея
86	Чердынский уезд				Фонды музея
87	Плѣс, могильник	Оборин В.А.	1960		Фонды музея
88	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Данич А.В.	1997		Коллекция Пороховника В.А.
89	Агафоновский I могильник	Голдина Р.Д.	1973	погр.107	Фонды музея
90	Не известно				Фонды музея
91	Плѣс, могильник	Оборин В.А.	1961	погр.25	Фонды музея
92	Не известно				Фонды музея
93	Каневский могильник	Генинг В.Ф.	1953	погр.23	Фонды музея
94	Телячий Брод, могильник	Белавин А.М.	1986	погр.27	Фонды музея
95	Каневский могильник	Генинг В.Ф.	1953	погр.7	Фонды музея
96	Демѣнки, могильник	Генинг В.Ф.	1953	погр.26	Фонды музея
97	Плѣс, могильник	Оборин В.А.	1961		Фонды музея
98	Плѣс, могильник	Оборин В.А.	1961		Фонды музея
99	Загарский могильник				(Спицин, 1902. Табл. XXVII, 4)
100	Не известно				Фонды музея
101	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Данич А.В.	1997		Раскопки автора
102	Больше Кочѣвское городище				Фонды музея
103	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Данич А.В.	1997		Раскопки автора
104	Бояновский могильник	Данич А.В.	2011	погр.254	Раскопки автора
105	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Данич А.В.	1997		Раскопки автора
106	Кыласово (Анюшкар) городище				Фонды музея
107	Агафоновский I могильник	Голдина Р.Д.	1973	погр.91	Фонды музея
108	Рождественский могильник	Крыласова Н.Б.	2010	погр.1796	Фонды музея
109	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Данич А.В.	1997		Раскопки автора
110	Рождественский могильник	Крыласова Н.Б.	2010	погр.180	Фонды музея
111	Бояновский могильник	Данич А.В.	2005	Раскоп I	Раскопки автора
112	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.138	Раскопки автора
113	Агафоновский I могильник	Голдина Р.Д.	1973		Фонды музея
114	Демѣнки, могильник	Генинг В.Ф.	1953	погр.17	Фонды музея
115	Не известно				Коллекция Теплоуховых
116	Не известно				Коллекция Теплоуховых
117	Не известно				Коллекция Теплоуховых
118	Редикорский могильник				Фонды музея
119	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Данич А.В.	1997		Раскопки автора
120	д.Романово Кудымкарский р-н				Фонды музея
121	Каневский могильник	Генинг В.Ф.	1953	погр.27	Фонды музея
122	Плѣс, могильник	Оборин В.А.	1961	м/м	Фонды музея
123	Каневский могильник	Генинг В.Ф.	1953	погр.8	Фонды музея
124	Агафоновский I могильник	Голдина Р.Д.		погр.330	(Голдина, 1985. Табл. XXVIII, 15)

125	Плѣс, могильник	Оборин В.А.	1961	погр.12	Фонды музея
126	Кыласово (Анюшкар) городище	Оборин В.А.		Нижний слой	(Бадер, Оборин, 1958. Рис.49, 2)
127	Редикорский могильник	Лунегов И.А.	1950	погр.2	Фонды музея
128	Загарский могильник				(Спицин, 1902. Табл. XXVII, 20)
129	Бояновский могильник	Оборин В.А.	1953	погр.8	Архив автора
130	Каневский могильник	Бочарова Е.О.	1995	погр.40 или 42	Фонды музея
131	Бояновский могильник	Данич А.В.	2008	погр.146	Раскопки автора
132	Агафоновский I могильник	Голдина Р.Д.		погр.356	(Голдина, Королѣва, 1980. Табл. XLII, 15)
133	г.Кудымкар				Фонды музея
134	Кудымкарское городище				(Спицин, 1902. Табл. XXXVI, 27)
135	Плѣс, могильник ?				Фонды музея
136	Не известно				Фонды музея
137	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Данич А.В.	1997		Раскопки автора
138	Кыласово (Анюшкар) городище	Ленц Г.Т.	1989		Фонды музея
139	с.Амбор				Фонды музея
140	Бояновский могильник	Данич А.В.	2010	погр.224	Раскопки автора
141	г.Чердынъ				Фонды музея
142	Редикорское городище	Оборин В.А.	1971		Фонды музея
143	Бояновский могильник	Данич А.В.	2010	погр.223	Раскопки автора
144	Редикорское городище	Оборин В.А.	1971		Фонды музея
145	Не известно				Фонды музея
146	Рождественское городище				(Спицин, 1902. Табл. XXX, 1)
147	Не известно				Фонды музея
148	Искор, городище				(Белавин, 2000. Рис.85, 7)
149	В 3 км от д.Усть-Уролки на поле "Сунагорт"				Фонды музея
150	Не известно				Коллекция Теплоуховых
151	Не известно				Фонды музея
152	Плотниковский могильник	Крыласова Н.Б.	2007	Выброс из граб.ям	Фонды музея
153	Не известно				Коллекция Теплоуховых
154	Плотниковский могильник	Крыласова Н.Б.	2009	погр.11	Фонды музея
155	Не известно				Коллекция Теплоуховых
156	Плотниковский могильник	Брюхова Н.Г.	2011	погр.37	Фонды музея
157	Не известно				Фонды музея
158	д.Усть-Урол				Фонды музея
159	Не известно				Фонды музея
160	Кыласово (Анюшкар) городище	Оборин В.А.		Верхний слой	(Кокарев, 1956. Стр. 41. Рис.1)
161	Не известно				Фонды музея
162	Кыласово (Анюшкар) городище	Оборин В.А.		Верхний слой	(Кокарев, 1956. Стр. 41. Рис.1)
163	Не известно				Коллекция Теплоуховых
164	Пермская губерния				(Белавин, 2000. Рис.83, 8)
165	Кыласово (Анюшкар) городище	Оборин В.А.	1952		(Оборин, 1952)
166	Не известно				Коллекция Теплоуховых
167	Не известно				Коллекция Теплоуховых
168	Плѣс, могильник				Фонды музея

169	г.Чердынь				Фонды музея
170	Чердынский уезд				Фонды музея
171	Не известно				Коллекция Теплоуховых
172	Не известно				Коллекция Теплоуховых
173	Рождественский могильник	Крыласова Н.Б.	2008	погр.149	Фонды музея
174	Рождественский могильник	Крыласова Н.Б.	2010	погр.193	Фонды музея
175	д.Черновая Юсьвинский район				Фонды музея
176	Не известно				Коллекция Теплоуховых
177	Не известно				Фонды музея
178	Не известно				Коллекция Теплоуховых
179	Не известно				Коллекция Теплоуховых
180	Не известно				Коллекция Теплоуховых
181	Рождественский могильник	Крыласова Н.Б.	2011	погр.216	Фонды музея
182	д.Парамойлово Юсьвинской волости				Фонды музея
183	Не известно				Коллекция Теплоуховых
184	Не известно				Коллекция Теплоуховых
185	Вакино, селище				Спицин, 1902
186	Не известно				Фонды музея
187	Рождественский могильник	Крыласова Н.Б.	2008	погр.139	Фонды музея
188	Рождественский могильник	Крыласова Н.Б.	2008	погр.150	Фонды музея
189	Рождественский могильник	Крыласова Н.Б.	2008	погр.149	Фонды музея
190	Рождественский могильник	Крыласова Н.Б.	2008	погр.139	Фонды музея
191	Рождественский могильник	Крыласова Н.Б.	2008	погр.150	Фонды музея
192	Рождественский могильник	Крыласова Н.Б.	2008	погр.141	Фонды музея
193	г.Кудымкар				Фонды музея
194	с.Салтанова				Фонды музея
195	Не известно				Коллекция Теплоуховых
196	г.Кудымкар				Фонды музея
197	Бояновский могильник	Данич А.В.	2006	погр.68	Раскопки автора
198	Не известно				Фото чёрных археологов
199	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.76	Раскопки автора
200	Не известно				Коллекция Теплоуховых
201	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Данич А.В.	1997		Коллекция Пороховника В.А.
202	Не известно				Фото чёрных археологов
203	с.Пянтег				(Бортвин, 1948. Рис. 1)
204	Кыласово (Анюшкар) городище	Оборин В.А.		Нижний слой	(Бадер, Оборин, 1958. Рис.53, 15)
205	Не известно				Фонды музея
206	Не известно				Коллекция Теплоуховых
207	Не известно				Фонды музея
208	Володин Камень, селище				Фонды музея
209	Володин Камень, селище				Фонды музея
210	Не известно				(Спицин, 1902. Табл. XXVII, 3)
211	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.83	Раскопки автора
212	Бояновский могильник	Данич А.В.	2008	погр.150	Раскопки автора
213	Бояновский могильник	Данич А.В.	2011	погр.242	Раскопки автора

214	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Данич А.В.	1997		Коллекция Пороховника В.А.
215	Рождественский могильник	Крыласова Н.Б.	1991	погр.36	Фонды музея
216	Бояновский могильник	Оборин В.А.	1953	погр.12	Архив автора
217	Рождественский могильник	Крыласова Н.Б.	1992	погр.59	Фонды музея
218	Рождественский могильник	Крыласова Н.Б.	1991	погр.37	Фонды музея
219	Рождественский могильник	Крыласова Н.Б.	1997	погр.120	Фонды музея
220	Не известно				Фонды музея
221	Больше Висимский могильник				Фонды музея
222	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Данич А.В.	1997		Раскопки автора
223	Корнинское городище				Фонды музея
224	Больше Висимский могильник				Фонды музея
225	Рождественский могильник	Крыласова Н.Б.	2010	погр.185	Фонды музея
226	Загарский могильник				(Спицин, 1902. Табл. XXVII, 19)
227	Бояновский могильник	Данич А.В.	2008	погр.164	Раскопки автора
228	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.90	Раскопки автора
229	Бояновский могильник	Данич А.В.	2007	погр.116	Раскопки автора
230	Бояновский могильник	Данич А.В.	2011	погр.242	Раскопки автора
231	Редикорский могильник	Лунегов И.А.		погр.9	Фонды музея
232	Плёт, могильник	Оборин В.А.	1961	Выброс из граб.ям	Фонды музея
233	Питер (Степаново Плотбище) могильник	Данич А.В.	1999		Фонды музея
234	Рождественское городище	Крыласова Н.Б.	2010	Р/13 -1,2 м Яма 1	Фонды музея
235	Рождественское городище	Крыласова Н.Б.	2011		Фонды музея

Таблица 2. Размеры топоров

№	Место находки	Тип	Измерения в мм			
			Общая длина	Ширина лезвия	Длина втулки	Ширина втулки
1	Бояновский могильник	ЖПШ1Аа	180	46	35	22
2	Не известно	ЖПШ1Аа	188	41	29	19
3	Бояновский могильник	ЖПШ1Аа	192	69	51	25
4	Бояновский могильник	ЖПШ1Аа	165	41	33	18
5	Бояновский могильник	ЖПШ1Аа	163	40	39	18
6	Бояновский могильник	ЖПШ1Аа	182	59	46	30
7	Пыштайн, могильник	ЖПШ1Аа	232	60	39	22
8	Бояновский могильник	ЖПШ1Аа	171	46	36	20
9	Бояновский могильник	ЖПШ1Аа	194	59	33	22
10	Бояновский могильник	ЖПШ1Аа	155	46	17	22
11	Бояновский могильник	ЖПШ1Аа	174	54	38	22
12	Бояновский могильник	ЖПШ1Аа	169	54	26	19
13	Бояновский могильник	ЖПШ1Аа	176	40	32	20
14	Бояновский могильник	ЖПШ1Аа	178	43	34	25
15	Бояновский могильник	ЖПШ1Аа	168	50	28	21
16	Бояновский могильник	ЖПШ1Аа	165	48	35	20
17	Бояновский могильник	ЖПШ1Аа	182	67	40	26
18	Бояновский могильник	ЖПШ1Аа	188	65	46	23
19	Бояновский могильник	ЖПШ1Аа	158	50	36	22

20	Не известно	ЖП1Аа				
21	Запоселье, могильник	ЖП1Аа	100+	2,4		16
22	Запоселье, могильник	ЖП1Аа	210	62	38	16
23	Не известно	ЖП1Аа				
24	Бояновский могильник	ЖП1Аб	166	48	30	22
25	Бояновский могильник	ЖП1Аб	170	44	32	20
26	Бояновский могильник	ЖП1Аб	183	55	31	18
27	Бояновский могильник	ЖП1Аб	188	53	37	25
28	Бояновский могильник	ЖП1Аб	180	59	40	18
29	Бояновский могильник	ЖП1Аб	193	51	31	21
30	Бояновский могильник	ЖП1Аб	172	52	32	18
31	Бояновский могильник	ЖП1Аб	181	46	36	24
32	Бояновский могильник	ЖП1Аб	193	46	30	21
33	Бояновский могильник	ЖП1Аб	176	46	31	20
34	Плѣс, могильник ?	ЖП1Аб	190	47	?	?
35	Не известно	ЖП1Аб	173	55	43	26
36	Питер (Степаново Плотбище) могильник	ЖП1Аб	190	55	?	?
37	Каневский могильник	ЖП1Аб	173	47	35	25
38	Агафоновский I могильник	ЖП1Аб	173	54	41	24
39	Питер (Степаново Плотбище) могильник	ЖП1Аб	183	42	32	17
40	Бояновский могильник	ЖП1Аб	177	53	31	25
41	Питер (Степаново Плотбище) могильник	ЖП1Аб	153	37	21	19
42	Бояновский могильник	ЖП1Аб	180	36	30	10
43	Не известно	ЖП1Аб	174	51	35	20
44	Бояновский могильник	ЖП1Аб	174	50	32	16
45	Загарский могильник	ЖП1Аб	167	44	?	?
46	Бояновский могильник	ЖП1Аб	211	65	51	34
47	Бояновский могильник	ЖП1Аб	152	46	38	22
48	Не известно	ЖП1Аб				
49	Бояновский могильник	ЖП1Аб	156	40	30	14
50	Амбор, могильник	ЖП1Аб	173	52	29	26
51	Запоселье, могильник	ЖП1Аб	152	44	34	20
52	Не известно	ЖП1Аб				
53	Редикорский могильник	ЖП1Аб	164	45	37	21
54	Не известно	ЖП1Аб				
55	Вакино, селище	ЖП1Аб	186	54	?	?
56	Бояновский могильник	ЖП1Ав	160	47	26	18
57	Демѣнки, могильник	ЖП1Ав	181	36	28	14
58	Бояновский могильник	ЖП1Ав	174	38	36	17
59	Редикорский могильник	ЖП1Аг	233	28	23	12
60	Бояновский могильник	ЖП1Ад	158	26	22	12
61	Не известно	ЖП1Ба				
62	Демѣнки, могильник	ЖП1Бб	164	35	30	18
63	Не известно	ЖП1Бв				
64	Бояновский могильник	ЖП1Бв	155	47	27	18
65	Бояновский могильник	ЖП1Бв	130	41	28	17
66	Бояновский могильник	ЖП1Бв	148	40	30	15
67	Запоселье, могильник	ЖП1Бв	154	38	33	20
68	Плѣс, могильник	ЖП1Бв	169	40	37	20
69	Бояновский могильник	ЖП1Бв	146	45	34	18
70	Агафоновский I могильник	ЖП1Бв	186	50	?	?

71	Важгортский могильник	ЖП1Бв	124	41	27	16
72	Демёнки, могильник	ЖП1Бв	138	42	33	20
73	Плёс, могильник	ЖП1Бв	181	55	34	22
74	Урьинский могильник	ЖП1Бв	143	45	32	17
75	Плёс, могильник	ЖП1Бв	174	52	36	20
76	д.Парамойлово Юкеевской волости	ЖП1Бв	154	44	31	20
77	Плёс, могильник	ЖП1Бв	161	48	29	21
78	Урьинский могильник	ЖП1Бв	172	49	31	16
79	Плёс, могильник	ЖП1Бв	158	54	35	21
80	Питер (Степаново Плотбище) могильник	ЖП1Бг	158	40	27	15
81	Бояновский могильник	ЖП1Ва	178	65	48	30
82	Бояновский могильник	ЖП1Ва	184	58	36	22
83	Плёс, могильник	ЖП1Вб	139	40	?	?
84	Городищенское городище	ЖП1Вб	175	52	?	?
85	Кыласово (Анюшкар) городище	ЖП1Вб	83+	41	?	12
86	Чердынский уезд	ЖП2А	139	51	35	32
87	Плёс, могильник	ЖП2А	150	50	44	33
88	Питер (Степаново Плотбище) могильник	ЖП2А	97	55	34	24
89	Агафоновский I могильник	ЖП2А	156	41	?	?
90	Не известно	ЖП2А	171	52	46	36
91	Плёс, могильник	ЖП2А	135	43	45	33
92	Не известно	ЖП2А	138	45	40	36
93	Каневский могильник	ЖП2Ба	124	38	33	22
94	Телячий Брод, могильник	ЖП2Ба	168	46	42	29
95	Каневский могильник	ЖП2Ба	124	40	27	17
96	Демёнки, могильник	ЖП2Ба	173	47	45	31
97	Плёс, могильник	ЖП2Ба	129	55	36	30
98	Плёс, могильник	ЖП2Ба	88	31	31	19
99	Загарский могильник	ЖП2Ба	118	23	?	?
100	Не известно	ЖП2Ба	161	43	38	27
101	Питер (Степаново Плотбище) могильник	ЖП2Ба	138	45	28	31
102	Больше Кочёвское городище	ЖП2Ба	147	40	45	34
103	Питер (Степаново Плотбище) могильник	ЖП2Ба	136	26	28	20
104	Бояновский могильник	ЖП2Ба	164	42	35	27
105	Питер (Степаново Плотбище) могильник	ЖП2Ба	140	44	32	30
106	Кыласово (Анюшкар) городище	ЖП2Ба	108	26	24	19
107	Агафоновский I могильник	ЖП2Ба	211	50	45	28
108	Рождественский могильник	ЖП2Ба	185	62	46	27
109	Питер (Степаново Плотбище) могильник	ЖП2Ба	140	45	?	?
110	Рождественский могильник	ЖП2Бб	178	60	39	24
111	Бояновский могильник	ЖП2Бб	130	43	37	28
112	Бояновский могильник	ЖП2Бб	119	44	35	24
113	Агафоновский I могильник	ЖП2Бб	127	46	47	34
114	Демёнки, могильник	ЖП2Бб	166	44	37	30
115	Не известно	ЖП2Бб	171	41	36	28
116	Не известно	ЖП2Бб	178	50	39	25
117	Не известно	ЖП2Бб	149	35	44	29
118	Редикорский могильник	ЖП2Бб	167	46	39	29
119	Питер (Степаново Плотбище) могильник	ЖП2Бб	179	47	40	27

120	д.Романово Кудымкарский район	ЖП2Б6	134	40	44	34
121	Каневский могильник	ЖП2Б6	162	49	36	25
122	Плёс, могильник	ЖП2Б6	140	44	38	30
123	Каневский могильник	ЖП2Б6	165	49	43	27
124	Агафоновский I могильник	ЖП2Б6	183	44	39	23
125	Плёс, могильник	ЖП2Б6	158	54	37	28
126	Кыласово (Анюшкар) городище	ЖП2Б6	163	42	37	26
127	Редикорский могильник	ЖП2Б6	135	41	39	27
128	Загарский могильник	ЖП2Б6	150	44	?	?
129	Бояновский могильник	ЖП2Б6	143	36	36	26
130	Каневский могильник	ЖП2Б6	162	42	38	27
131	Бояновский могильник	ЖП2Б6	182	47	39	32
132	Агафоновский I могильник	ЖП2Б6	176	44	38	26
133	г.Кудымкар	ЖП3А	130	41	41	16
134	Кудымкарское городище	ЖП3А	140	41	40	13
135	Плёс, могильник ?	ЖП3Б	132	45	20	19
136	Не известно	ЖП3Б	118	39	40	25
137	Питер (Степаново Плотбице) могильник	ЖП3Б	103	32	20	10
138	Кыласово (Анюшкар) городище	ЖПП1Аа	157	87	37	32
139	с.Амбор	ЖПП1Аб	212	125	46	26
140	Бояновский могильник	ЖПП1Аб	148	74	41	26
141	г.Чердынь	ЖПП1Аб	170	82	50	31
142	Редикорское городище	ЖПП1Аб	141+	61	31	24
143	Бояновский могильник	ЖПП1Аб	180	91	43	35
144	Редикорское городище	ЖПП1Аб	167	71	28	24
145	Не известно	ЖПП1Б	185	117	?	?
146	Рождественское городище	ЖПП1Б	165	106	38	32
147	Не известно	ЖПП1Б	168	110	40	34
148	Искор, городище	ЖПП1Б	168	112	38	33
149	В 3 км от д.Усть-Уролки на поле "Сунагорт"	ЖПП1Б	168	96	39	33
150	Не известно	ЖПП1Б	154	104	51	42
151	Не известно	ЖПП1В	172	107	41	38
152	Плотниковский могильник	ЖПП1Г	148	76	58	21
153	Не известно	ЖПП1Г	153	82	44	22
154	Плотниковский могильник	ЖПП1Г	134	66	49	22
155	Не известно	ЖПП1Г	151	99	51	22
156	Плотниковский могильник	ЖПП1Г	170	94	45	19
157	Не известно	ЖПП1Г	141	91	41	15
158	д.Усть-Урол	ЖПП1Г	148	73	56	17
159	Не известно	ЖПП2А	129	174	?	?
160	Кыласово (Анюшкар) городище	ЖПП2Б	166	227	?	?
161	Не известно	ЖПП2Б	136	224	46	32
162	Кыласово (Анюшкар) городище	ЖПП2Б	166	227	?	?
163	Не известно	ЖПП1А	151	94	47	18
164	Пермская губерния	ЖПП1Б				
165	Кыласово (Анюшкар) городище	ЖПП1Б	148	102	?	?
166	Не известно	ЖПП1Б	156	111	40	33
167	Не известно	ЖПП2А	173	68+	43	33
168	Плёс, могильник	ЖПП2А	173	53	33	21
169	г.Чердынь	ЖПП2Б	159	87	32	22
170	Чердынский уезд	ЖПП2В	183	80	38	35

171	Не известно	ЖППИ2В	130	58	29	25
172	Не известно	ЖППИ2В	153	76	44	24
173	Рождественский могильник	ЖППИ3Аа	160	66	44	16
174	Рождественский могильник	ЖППИ3Аа	153	63	42	20
175	д.Черновая Юсьвинский район	ЖППИ3Аа	158	83	50	31
176	Не известно	ЖППИ3Аа	162	67	33	24
177	Не известно	ЖППИ3Аа	180	80	47	22
178	Не известно	ЖППИ3Аа	127	52	50	31
179	Не известно	ЖППИ3Аа	167	86	46	32
180	Не известно	ЖППИ3Аа	140	61	39	21
181	Рождественский могильник	ЖППИ3Аа	146	56	40	22
182	д.Парамойлово Юсьвинской волости	ЖППИ3Аа	169	87	53	35
183	Не известно	ЖППИ3Аа	139	63	41	19
184	Не известно	ЖППИ3Аа	158	66	45	24
185	Вакино, селище	ЖППИ3Аа	166	82	46	21
186	Не известно	ЖППИ3Ба	143	63	43	32
187	Рождественский могильник	ЖППИ3Аа	168	67	37	20
188	Рождественский могильник	ЖППИ3Аа	135	41	51	32
189	Рождественский могильник	ЖППИ3Аа	186	77	52	22
190	Рождественский могильник	ЖППИ3Аа	154	60	34	18
191	Рождественский могильник	ЖППИ3Аа	186	70	41	26
192	Рождественский могильник	ЖППИ3Аа	141	64	39	21
193	г.Кудымкар	ЖППИ3Аб	136	69	49	19
194	с.Салтанова	ЖППИ3Аб	167	83	46	22
195	Не известно	ЖППИ3Аб	156	69	48	20
196	г.Кудымкар	ЖППИ3Аб	169	71	52	22
197	Бояновский могильник	ЖППИ3Ба	151	85	39	26
198	Не известно	ЖППИ3Ба				
199	Бояновский могильник	ЖППИ3Бб	146	44	39	19
200	Не известно	ЖППИ3Бб	169	65	43	29
201	Питер (Степаново Плотбище) могильник	ЖППИ3Бб	150	65	?	?
202	Не известно	ЖППИ3Бб				
203	с.Пянтег	ЖППИ3Ва				
204	Кыласово (Анюшкар) городище	ЖППИ3Вб	156	124	38	30
205	Не известно	ЖППИ3Вб	157	137	37	32
206	Не известно	ЖППИ4	125	6	27	13
207	Не известно	ЖППИ4	135	2	27	15
208	Володин Камень, селище	ЖППИ4	110	2	26	15
209	Володин Камень, селище	ЖППИ4	125	5	23	16
210	Не известно	ЖППИ4	124	4	?	?
211	Бояновский могильник	ЖВП1А	141	42	67	36
212	Бояновский могильник	ЖВП1А	130	30	54	34
213	Бояновский могильник	ЖВП1А	118	34	56	34
214	Питер (Степаново Плотбище) могильник	ЖВП1А	115	44	53	38
215	Рождественский могильник	ЖВП1А	163	49	71	36
216	Бояновский могильник	ЖВП1А	133	43	63	32
217	Рождественский могильник	ЖВП1А	160	55	66	34
218	Рождественский могильник	ЖВП1А	124	48	54	32
219	Рождественский могильник	ЖВП1А	169	48	66	36
220	Не известно	ЖВП1А	145	44	58	34
221	Больше Висимский могильник	ЖВП1А	140	45	64	40

222	Питер (Степаново Плотбище) могильник	ЖВПА	121	45	59	35
223	Корнинское городище	ЖВПА	146	46	57	31
224	Больше Висимский могильник	ЖВПА	151	52	65	37
225	Рождественский могильник	ЖВПА	174	47	60	34
226	Загарский могильник	ЖВПА	149	52	64	36
227	Бояновский могильник	ЖВПА	143	50	74	43
228	Бояновский могильник	ЖВПА	144	46	68	35
229	Бояновский могильник	ЖВПБ	143	39	68	44
230	Бояновский могильник	ЖВПБ	165	47	58	30
231	Редикорский могильник	ЖВПБ	183	36	52	36
232	Плёт, могильник	ЖВПБ	144	47	65	38
233	Питер (Степаново Плотбище) могильник	ЖВП	128	54	74	33
234	Рождественское городище	КППЗАб	94	55	22	12
235	Рождественское городище	КППАб	101	40	20	7

Таблица 3. Соотношение топоров другими видами вооружения в погребениях

№	Памятник	Датировка памятника	Общее кол-во погребений	Погребений с топорами	Погребение	Наконечник стрел	Копьё	Сабля	Стреля	Удила	Подпругные пряжки	Плеть	Положение в погребении										
													У головы слева	У головы справа	У груди слева	У груди справа	У пояса слева	У пояса справа	У ступней ног слева	У ступней ног справа	Между ног		
1	Рождественский могильник	2 пол.X-XI вв.	195	12	36	1							1										
					37																		
					59	4																	
					78	1	1																
					102	1																	
					110	3																	
					117	2																	
					119																		
					120	1										1							
					139	2										1							
					141	1										1							
					149	1												1					
					150	1													1				
					1796	1																	
					180															1			
185																							
193	2												1										
2	Огурдинский могильник	XI в.	230	3	27	1													1				
					48													1					
					60	3																	
					76	3															1		
3	Деменский могильник VII-IX		245	6	17																		

Крыласова Н.Б.

(Пермский научный центр УрО РАН, Пермь)

ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПЕЧЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩ КАРАГАЙСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОГО КРАЯ)*

*Статья подготовлена в рамках проектов РФФИ 14-06-96002 p_урал_a «Средневековое Пермское Предуралье: меняющееся население в изменяющейся среде» и РГНФ № 15-11-59002 «Символические функции объектов традиционной культуры народов Урала»

Ключевые слова: Пермское Предуралье, эпоха средневековья, родановская археологическая культура, глинобитные печи, подпечья

В период родановской археологической культуры с конца XI в. в Пермском Предуралье получают распространение тепловые сооружения нового типа – глинобитные печи с подпечьем в виде прямоугольного котлована, облицованного досками. Подпечье, служившее для хранения кухонной посуды, готовых пищевых припасов и различного инвентаря, появилось в связи с потребностью оптимизации внутреннего пространства жилищ и мастерских. Печи с подпечьем, возможно, появились под влиянием мигрантов с западных территорий.

Krylasova N.B.

(Perm Research Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm)

SPECIFICITY OF MEDIEVAL OVENS (ON THE MATERIALS OF THE SETTLEMENTS OF KARAGAI AREA OF PERM REGION)

Keywords: Perm Cis-Urals, Middle Ages, Rodanovskaya archaeological culture, wattle and daub ovens, underovens

New type of heating constructions are spreading from the end of the 11th century in the period of Rodanovskaya archaeological culture. These are wattle and daub ovens with an underoven as a rectangular pit, paneled with boards. Underovens were used for keeping kitchen utensils, cooked food and various equipment. They came into being due to the necessity to optimize the interiors of living quarters and workshops. Ovens with underovens may have appeared due to the migrants from western territories.

В процессе исследований средневековых поселенческих памятников Пермского Предуралья достаточно часто встречаются сооружения, представляющие собой четкую прямоугольную яму, значительно углубленную в материк, над которой прослеживаются следы очажного устройства. Конструктивно эти сооружения весьма схожи между собой, что позволяет предполагать наличие устойчивой традиции их возведения у местного населения, и дает возможность считать их одним из признаков родановской археологической культуры XII–XV вв. Частично данные о подобных сооружениях Чашкинского II селища обобщены в монографии (Крыласова и др., 2014, с.242-245).

Попробуем обобщить данные о подобных устройствах, полученные при раскопках Рождественского и Рачевского городищ в Рождественском сельском поселении Карагайского района Пермского края в период с 2008 по 2014 гг.

Для анализа отобрано 16 сооружений. В таблицах приводятся их номера согласно отчетам, в разных случаях они были обозначены как ямы, объекты или сооружения, но все это – условные технические наименования сооружений, объединенных единством конструкции, основные признаки которой сведены в таблицу (табл.1).

Таблица 1. Конструктивные параметры исследуемых объектов

№ объекта (по отчету)	1/1-08	2/1-08	3/1-08	03-08-09	1/1-09	1-10	1/V-11	4/V-11	1/VIII-11	2-12	соор.1-12	01-13	02-13	4а-14	4б-14	4в-14
длина (м)	2,04	3,08	2,23	4,0	4,0	2,3	2,6	2,7	3,2	3,55	2,2	2,4	2,0	3,2	3,4	2,45
ширина (м)	1,97	2,45	1,85	2,8	2	2,2	2,4	2,1	2,4	3,4	1,9	2,15	1,4	3,0	2,55	2,05
глубина (м)	2,45	2,4	2,25	2,65	1,75	1,65	1,75	1,5	0,85	1,0	2,2	1,5	1,63	2,0	2,15	1,95
ориентировка	С-Ю	С-Ю	ССВ-ЮЮЗ	С-Ю	С-Ю	ССВ-ЮЮЗ	ССЗ-ЮЮВ	ЗЮЗ-ВСВ	ЗСЗ-ВЮВ	ЗЮЗ-ВСВ	С-Ю	ЗСЗ-ВЮВ	ССВ-ЮЮЗ	С-Ю	ССЗ-ЮЮВ	СЗ-ЮВ
прямоугольный, овальный приямок					+		+			+	+	+				
вертикальные стенки	+			+	+			+	+	+		+				+
остатки деревянной рамы	+			+		+	+	+	+		+		+			
столбовые ямки по периметру дна	+	+		+	+	+	+	+	+	+		+	+		+	+
углистый слой на дне (пол)	+	+		+	+			+		+	+	+	+	+	+	+
мощность глинобитной подушки очага	1,0	0,5	1,0	0,45	0,2	0,2	0,3	0,4	0,4	0,3	0,4	0,5	0,5	1,0	0,75	0,6
Камни в глинобитной подушке			+				+		+	+	+	+				+
Череп лошади в основании очага или на дне ямы						+	+									

Подавляющее большинство сооружений ориентировано по линии север-юг (37,5%) или с незначительными отклонениями к ССВ-ЮЮЗ (18,7%) и к ССЗ-ЮЮВ (12,5%). 25% ям ориентированы близко к направлению запад-восток – ЗЮЗ-ВСВ (12,5%) и ЗСЗ-ВЮВ (12,5%), и лишь одно сооружение – по линии СЗ-ЮВ. Таким образом, преобладающей является ориентировка по сторонам света, как и у проанализированных сооружений Чашкинского II селища (Крыласова и др., 2014, с.242, табл.17).

Все рассматриваемые сооружения имели в основании котлован, углубленный в материк. Форма этих ям иногда близка к квадрату, иногда имеет вид четко выраженного прямоугольника. Размеры различаются в относительно небольшом диапазоне. Длина в 56% случаев составляет от 2 до 2,7 м, в остальных

случаях – от 3,08 до 4,0 м. Ширина варьируется от 1,4 до 3,4 м. Глубина дна от поверхности составляет от 0,85 до 2,65 м. Ямы имели вертикальные или слегка наклонные стенки. Дно чаще всего ровное, за исключением ямы 2/1 из раскопа VII 2008 г., у которой дно понижалось ровным уступом в южной части, перепад между северной и южной частями ямы составлял 0,4 м, и ямы 1/V-11, на дне которой вдоль длинных стен выявлены канавки (рис.1/в) (Крыласова, 2008, с.14).

Наличие отвесных вертикальных или близких к вертикальным стенок позволяет предполагать, что они были укреплены *деревянным каркасом*. В половине случаев удалось проследить остатки этих конструкций либо при расчистке ям в придонной части в виде остатков древесного тлена от тесаных досок, поставленных на ребро, либо на профиле ям в виде углистых прослоек, расположенных параллельно стенкам ямы (*напр.*, рис.1/б, г). Более чем в 80% изученных ям по периметру дна были выявлены ряды столбовых ямок небольшого диаметра от кольев, которые фиксировали деревянную раму (*напр.*, рис.1/в). Деревянная обшивка обычно устанавливалась на некотором расстоянии от стенок котлована, пространство между ней и стенками заполнялось глиной, перемешанной с культурным слоем.

Дно ям покрывалось *дощатым настилом*. В 75% случаев на профиле ям в придонной части прослеживались связанные с ним углистые прослойки (*напр.*, рис.1/г). Иногда под прослойкой угля в профиле наблюдался ряд округлых пятен от горизонтально уложенных жердей, которые служили лагами для устройства настила.

Над ямой сооружался *дощатый настил* – '*подина*'. Чаще всего он опирался на борта ямы, но в отдельных случаях на дне ям обычно по углам, а иногда и в центральной части прослеживаются ямы от столбов диаметром 10-15 см, которые могли служить опорой для сооружения настила из досок.

Этот настил ('*подина*') служил основанием *глинобитной подушки очага* – '*пода*' печи, мощность которой составляла от 0,2 до 1,0 м. Профили глинобитных подушек почти всегда имеют слоистую структуру, в которой выделяются слои сырой и прокаленной глины, золы, угля (*напр.*, рис.1/г). Согласно наблюдениям, в период функционирования сооружений неоднократно производилось обновление дощатого помоста, на который насыпался свежий слой глины. При этом с прежнего глиняного основания вычищали остатки золы, углей, выкрошившейся прокаленной глины, и новый дощатый настил со слоем глины помещали поверх прежнего. Это и приводило к образованию мощных напластований глины. Почти в половине сооружений в основании очагов кроме глины использовались камни. Чаще всего вымостки из камней находятся в самом нижнем слое – то есть они устраивались при изначальной постройке сооружения, а при последующих обновлениях поверх каменной кладки обычно укладывали слои глины (*напр.*, рис.1/б, г).

На планиграфии глинобитные основания очагов обычно прослеживаются в виде четкого прямоугольника (*напр.*, рис.1/а), часто с углистым контуром, что дает основание предполагать наличие деревянной рамы, которая заполнялась глиной. Подобные прямоугольные очаги в раме из досок изучены В.А. Обориным на городище Анюшкар (Оборин, 1999, с.265).

Сложность и основательность конструкции рассматриваемых сооружений позволяет предполагать, что они представляют собой нижнюю часть разрушенных *печей*. Косвенным свидетельством этого является наличие в заполнении этих сооружений и вокруг них скоплений кусков обожженной глиняной обмазки, связанных, возможно, со сводами печей. Они могли быть

разобраны самими жителями городищ после окончания эксплуатации печей, разрушены временем, и окончательно перемолоты крестьянской распашкой XVII – начала XX вв. Лишь в одном сооружении (1-12), изученном в логу, который был впоследствии засыпан, сохранились остатки стенок печи в виде каменной кладки по периметру очажной площадки, и фрагменты рухнувшего свода печи, также сооруженного из камней, скрепленных глиной. В остальных случаях печи, очевидно, были глинобитные.

Возможно, именно такого рода сооружения имел в виду В.А. Оборин, когда отмечал, что на рождественском этапе родановской культуры очаг в жилище превращается в глинобитную печь, заключенную в деревянную раму, предотвращающую расползание глины, которой выложена площадка под печью. Упомянул он и печи, сложенные из камней и глины, которые изучены на городище Анюшкар (Бадер, Оборин, 1958, с.203; Оборин, 1999, с.265). Однако на наличие ям-подпечий В.А. Оборин не указывал.

Подобного рода сооружения производственного и бытового назначения известны в Серенске, Старой Рязани, Слободке, Спас-городке, на Бородинском городище и в Болгаре (Никольская, 1967, с.18; Никольская 1987, с.65, 70–71; с.36; Семькин, 1996, с.99; Зайцева, Сарычева, 2011, с.56). Возможно, распространение их было более широким, но поскольку исследователи зачастую не уделяют внимания детальному описанию устройства очагов и печей, судить об этом сложно.

Более подробно устройство печей описано Т.Н. Никольской по материалам городища Слободка. Она отмечает, что остатки печей обычно бывают представлены развалом красной обожженной глины, сохраняется 'под' печи, причем иногда можно проследить следы его неоднократной подправки. Печи обычно сооружались над подпольными ямами. Среди них представлены и аналогичные рассматриваемым печи на дощатой 'подине', покоившейся на столбах. Обычно два столба опускались в яму, а два других устанавливались на полу жилища. В подпольных ямах часто находятся завалы красной обожженной сырой и прокаленной глины, уголь и зола; они попадали туда после того, как помост и столбы сгорели или подгнили (Никольская, 1987, с.70–71). Аналогично описан и производственный горн из Серенска. Здесь печь располагалась так, что один ее край стоял на краю ямы, а другой – нависал над ней, опираясь на столбы (Никольская, 1967, с.18).

Таким образом, в этих описаниях можно проследить прямую аналогию рассматриваемым сооружениям. Единственное расхождение заключается в том, что в подпольных ямах Рождественского и Рачевского городищ не всегда отмечается наличие столбов, поддерживающих 'подину', вероятно, в этом случае она опиралась на борта ямы. Зачастую удается проследить и то, что очажная площадка (*'под печи'*) обычно несколько сдвинута по отношению к яме. Это связано с необходимостью иметь доступ в яму для возможности ее эксплуатации.

Назначение ям, располагавшихся под печами, остается не совсем понятным. С одной стороны, можно предполагать, что они играли роль кладовки для хранения какого-либо инвентаря, кухонной утвари, возможно, пищевых запасов. Это подтверждает анализ находок из ям (табл. 2).

Таблица 2. Состав находок из ям-подпечий

№ объекта (по отчету)	1/1-08	2/1-08	3/1-08	о3-08-09	1/1-09	1-10	1/V-11	4/V-11	1/VIII-11	2-12	соор.1-12	о1-13	о2-13	4а-14	4б-14	4в-14
керамика	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
кости	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
фр. тиглей				+			+				+					
лит. форма						+										
шлаки	+			+	+	+	+			+	+			+		+
крицы									+	+		+		+		
кузнечные заготовки	+	+		+								+	+		+	
зубила	+	+			+	+				+	+	+	+			+
кузнечный молоток										+						
ножи	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	
резец жел.						+						+	+			
топор						+			+							
наконечники стрел	+	+		+			+		+	+	+	+	+	+	+	+
наконечник копья										+			+			
шило												+	+		+	
крючок рыболовный				+										+		
удила		+		+												
ключ желез.											+					+
замок желез.				+								+				+
весовая гирилка											+				+	+
неопр. жел. пр.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
медные пластины	+	+	+	+			+		+	+	+	+	+		+	+
неопр. бр. пр.				+	+	+	+	+	+		+	+		+	+	+
фр. жернова			+			+		+				+		+		
жел. ральник												+				
кресало												+		+	+	
кресальный кремь				+		+										
трубица для грунта												+				
оселок					+	+	+				+	+				+
бронзовая подвеска/привеска	+		+	+			+	+	+		+	+		+	+	
бронзовая бусина, пронизка	+	+		+		+	+	+			+	+		+	+	+
колоколовидная пронизка				+					+			+		+		+
бронз. поясные накладки, нак. ремня	+						+			+	+	+	+	+	+	+
пряжка								+	+	+		+	+			
язычок пряжки				+								+		+		+
стекл., каменные бусы				+			+				+	+	+		+	
пряслище		+		+		+	+	+	+		+	+	+	+		
глиняное грузило						+										
глиняный шарик					+		+					+		+	+	
глиняная «лепешка»	+															
глиняная статуетка				+		+	+				+	+				
миниатюрный сосудик						+	+	+	+							
глиняная подставка				+		+						+				
костяной игольник	+	+									+	+				
костяной орнаментир		+														
костяной челнок										+						
костяная деталь ремизки											+					
костяная лопаточка-гладилка, ложка						+							+			
костяной чочедьк			+			+	+		+	+		+	+	+	+	+
костяной разбивильник					+		+		+	+	+	+	+			
костяная пуговица	+		+	+	+	+		+				+				
костяная игла, проколка					+		+				+	+	+	+		+
костяной гребень					+									+		
костяная копоушка								+								
костяной затыльник плети						+										
костяная деталь колчана							+	+	+							
просверленные рыбы позвонки, амулеты						+	+	+			+	+	+			

Во всех без исключения ямах наблюдается высокая концентрация костей животных, сравнительно много керамики (*напр.*, рис.6/1-8), иногда встречаются развалы керамических сосудов. В одной яме (о3-08-09) на дне ямы был выявлен

развал большого круглодонного горшка (полностью реконструированный), который располагался на глиняной подставке в виде массивного кольца с широкой подошвой для установки на плоскую поверхность (подобные подставки в целом представлены в 18,7% рассматриваемых ям, *напр.*, рис.6/10–11). Внутри подставки находились камни со следами пребывания в огне. Таким образом, получены свидетельства того, что подставки предназначались не только для установки круглодонной посуды, но и могли использоваться как мини-жаровни для подогрева пищи. А яма в данном случае использовалась для хранения приготовленной пищи в течение дня.

Зачастую в процессе разборки подпечных ям обнаруживаются скопления определенных вещевых комплексов, очевидно, имевших особую значимость для членов семьи разных половозрастных групп. В особенности четко это прослеживалось в объектах, изученных в 2011 году. Здесь в каждой из ям были представлены комплексы женских украшений и орудий женского домашнего производства (*напр.*, рис.3–4), костяные делалаи колчана и наконечники стрел (*напр.*, рис.2), а также комплексы детских игрушек (*напр.*, рис.5). Эти группы предметов располагались в виде компактных скоплений в разных частях ям, что позволяет предполагать наличие каких-то емкостей, в которых они находились (туес, мешок и т.п.). В других ямах также присутствуют предметы, принадлежащие к подобным комплексам, но они не всегда составляли скопления. В четырех ямах найдены замки и ключи, что указывает на возможность хранения значимых для членов семьи вещей в запирающихся сундучках.

В целом для «женских» комплексов характерны украшения – бронзовые подвески и привески (62,5% ям), бронзовые пронизки и бусы (68,7%), колоколовидные бронзовые пронизки (31,2%), стеклянные и каменные бусы (37,5%), предметы гигиены – гребни, копоушки (18,7%), амулеты – просверленные зубы животных и рыбы позвонки (37,5%) (*напр.*, рис.3), а также наборы орудий женского домашнего производства – пряслица (62,5%), кочедыки (62,5%), костяные проколки и иглы (43,7%), разбивальники (43,7%), костяные игольники (25%) (*напр.*, рис.4). С 2013 г., когда в процессе разборки слоя стали использовать для контроля металлоискатель, во всех подобных ямах выявлялось значительное содержание стальных швейных игл, судя по наличию игольников, можно предполагать, что они присутствовали и в других ямах. В единичных случаях в рассматриваемых ямах представлены также костяная деталь ремизки, челнок, глиняное грузило для вертикального ткацкого станка, костяные лопаточка-гладилка и ложка, орнаментир для нанесения гребенчатого штампа на посуду.

«Мужские» комплексы содержат предметы вооружения и орудия труда. Как уже отмечалось, наиболее отчетливо прослеживается присутствие в ямах-подпечьях колчана (*напр.*, рис.2). Костяные детали колчана встречены в трех ямах, но наконечники стрел, нередко в скоплениях, представлены в большинстве объектов (75%). Значительно реже встречаются наконечники копий (2 случая). В двух ямах обнаружены удила, в одной – костяной затыльник плети. В 50% случаев встречены пряжки или только язычки пряжек, все они железные; пряжки имеют обычно небольшие размеры и можно предполагать, что они были связаны с портупейным набором, а не с конским снаряжением. Среди орудий представлены универсальные – ножи (87,5%), шилья (18,7%); хозяйственные – рыболовные крючки (два случая), ральник (один случай), фрагменты жерновов (31%); ремесленные – зубила (56%), кузнечный молоток (один случай),

фрагменты тиглей (18,7%), литейная форма (один случай), резцы (18,7%), топор (один случай).

К «детским» комплексам можно отнести игрушки – глиняные статуэтки-куколки (31%), миниатюрные сосудики (25%), глиняные шарики (31%), единично представлены глиняная «лепешка» и роговой топорик (*напр.*, рис.5).

Универсальный характер имеют элементы костюма, которые могли принадлежать разным половозрастным категориям – детали наборных поясов (56%) и костяные пуговицы (43,7%).

Таким образом, анализ материалов, обнаруженных в ямах под очагами/печами, позволяет предполагать, что это пространство служило для хранения приготовленной пищи, возможно – кухонного инвентаря, а также как потайное место для хранения вещей, представлявших ценность для домочадцев, что может служить свидетельством существования представлений об «охранительных» свойствах печи, которые прослеживаются в фольклоре разных народов Восточной Европы.

Для примера, в устройстве русской печи также присутствовало подпечье – оно находился в пространстве сруба, служившего основанием печи – опечья. В двух нижних бревнах опечья выпиливали специальное окошко, ведущее в подпечье, – *подпечек*. В подпечье хранили печной инвентарь. В.Даль писал в Толковом словаре, что подпечье и подпечек – это «простор под русскою печью и лаз туда; это место для помела, ухватов, кочерги, зимою для кур, а вообще денной приют домового». Сверху опечек перекрывался накатом из тонких березовых или дубовых плах, так называемой *подиной*. На подине располагали теплоизоляционный слой из глины, песка и т.п., поверх которого устраивали *под* – площадку, где при топке печи сжигают дрова и ставят посуду с варевом (Федотов, 2003, с.66–67).

Таким образом, функциональное назначение подпечья в рассматриваемых средневековых печах вполне соответствует его назначению в более поздних печах, известных по этнографическим материалам. Но если в указанных русских печах подпечье занимало пространство сруба, являвшегося неотъемлемой частью конструкции основания печи, в средневековых финно-угорских сооружениях подпечье обустраивалось независимо от печи, в целом не обеспечивало надежной опоры для настила 'подины' (за исключением случаев, когда он устраивался на опорных столбах), напротив, способствовало тому, что в определенный момент тяжелые напластования, образующие 'под', обрушивались в яму. Следовательно, есть все основания считать, что сооружение ям под печью было вызвано потребностью усовершенствования интерьера жилища, оптимизации его внутреннего пространства, выразившееся в обустройстве специализированного места для хранения, в первую очередь, кухонного инвентаря и приготовленной пищи.

Что касается периода распространения подобных печей, то, судя по анализу вещевых комплексов, такие сооружения возникли не ранее конца XI в., а наиболее широко представлены в XII–XIII вв. Для половины сооружений, рассматриваемых в данной статье, получены радиоуглеродные даты (табл.3), согласно которым подавляющее большинство печей относится именно к XII–XIII вв. Исключение составляет яма 4а-14, располагавшаяся в пределах жилища, период функционирования которого (определенный по корреляции вещевых находок) приходится на XI–XII вв. (Крыласова, 2015, с.81-83) – ее наиболее вероятная дата – XI век.

Таблица 3. Результаты радиоуглеродного анализа проб, взятых из ям-подпечий

Объект	Глубина (от поверхности)	Материал для датирования	Индекс лаборатории	Радиоуглеродная дата, л.н.	Калиброванное значение
яма 1/1-09	-2,55 м	уголь	Ле-8896	940±25	1σ 1030-1060, 1080-1160 2σ 1020-1160
яма 1-10	-1,36 м	уголь	Ле-9301	950±50	1σ 1020-1050, 1080-1160 2σ 1020-1160
яма 1/V-11	-0,6 м	уголь	Ле-9614	845±20	1σ 1170-1220 2σ 1160-1255
яма 1/VIII-11	-0,7 м	уголь	Ле-9615	830±30	1σ 1180-1255 2σ 1150-1270
яма 2-12	-0,75 м	уголь	Ле-9738	830±25	1σ 1185-1255 2σ 1165-1260
о1-13	-1,26 м	уголь	Ле-10514	890±70	1σ 1040-1100, 1110-1220 2σ 1020-1260
яма 4а-14	-2,2 м	уголь	Ле-10789	1100±90	1σ 900-920, 960-1160 2σ 810-1220
яма 4б-14	-1,9-2,1 м	уголь	Ле-10788	905±20	1σ 1040-1090, 1120-1170 2σ 1030-1210

На Чашкинском II селище, где проанализированы подобные сооружения, они принадлежат к этому же периоду (Крыласова и др., 2014, с.479-480). Таким образом, глинобитные печи на ямах-подпечьях можно считать характерными для собственно родановской культуры (рождественского этапа родановской культуры по В.А. Оборину).

Появление нового вида отопительных устройств в конце XI века, возможно, обусловлено усилением контактов с населением Руси и началом эпизодических миграций небольших групп смешанного славяно-финского населения с западных земель.

Источники:

Крыласова, 2009. – Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2008 г. – Пермь: ПГПУ, 2009. – 43 с., илл.
Крыласова, 2010. – Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2009 г. – Пермь: ПГПУ, 2010. – 63 с., илл.
Крыласова, 2010а. – Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2010 году. – Пермь: ПГПУ, 2010. – 72 с., илл.

Крыласова, 2011. – Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2011 г. – Пермь: ПГПУ, 2011. – 138 с., илл.

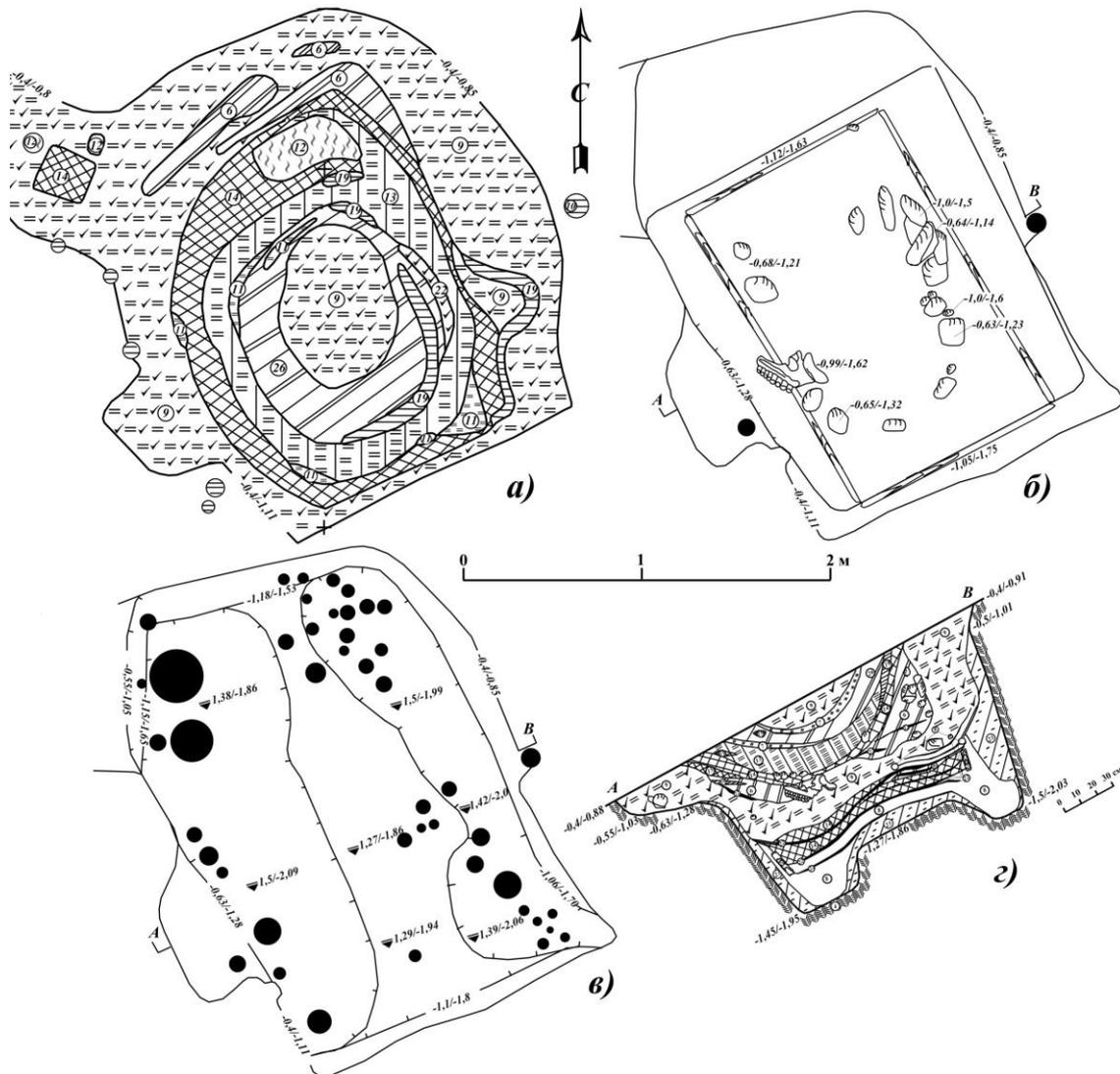
Крыласова, 2013. – Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2012 г. – Пермь: ПГПУ, 2013. – 129 с., илл.

Крыласова, 2014. – Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рачевского городища в Карагайском районе Пермского края в 2013 г. – Пермь: ПГПУ, 2014. – 115 с., илл.

Крыласова, 2015. – Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2014 г. – Пермь: ПГПУ, 2015. – 102 с., илл.

Литература:

- Бадер, Оборин, 1958.* – Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. – Пермь: Пермск. кн. изд-во, 1958. – 244 с.
- Зайцева, Сарачева, 2011.* – Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI-XIII в. – М.: «ИНДРИК», 2011. – 404 с., ил.
- Крыласова и др., 2014.* – Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера / Археология Пермского края. Свод археологических источников. – Пермь, ПГГПУ, 2014. – Вып. III. – 565 с.
- Никольская, 1967.* – Никольская Т.Н. Древнерусский Серенск – город вятичей // АО 1966 года. – М., 1967.
- Никольская, 1987.* – Никольская Т.Н. Городище Слободка XII-XIII вв. – М.: Наука, 1987. – 184 с.
- Оборин, 1999.* – Оборин В.А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1999. – С.255-298
- Семыкин, 1996.* – Семыкин Ю.А. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань: ИЯЛИ АНТ, 1996. – С.89-153
- Федотов, 2003.* – Федотов Г.Я. Русская печь. – М.: Эксмо, 2003. – 280 с., ил.

- 6 - плотная светло-коричневая глина с вкраплениями угля и золы
 7 - плотный светло-серый суглинок с примесью прокаленной глины и вкраплениями угля
 8 - мягкий светло-серый суглинок, насыщенный углем и золой
 9 - плотный пестроцветный серо-коричневый суглинок с примесью глины и вкраплениями угля
 10 - черно-серый гумусированный суглинок
 11 - рыхлая прокаленная глина
 12 - зола
 13 - плотный серый суглинок с примесью глины и вкраплениями угля
 14 - плотный серо-коричневый суглинок, насыщенный углем
 15 - плотная красная прокаленная глина
 19 - сырая светло-серая глина
 20 - древесный тлен
 22 - уголь
 23 - темно-коричневый суглинок

Рис.1 Пример печи с подпечьем – яма 1, раскоп V 2011 г.: а) – фиксация на материке; б) – план ямы в процессе разборки; в) – план ямы после разборки; г) – профиль разреза ямы по линии А-В

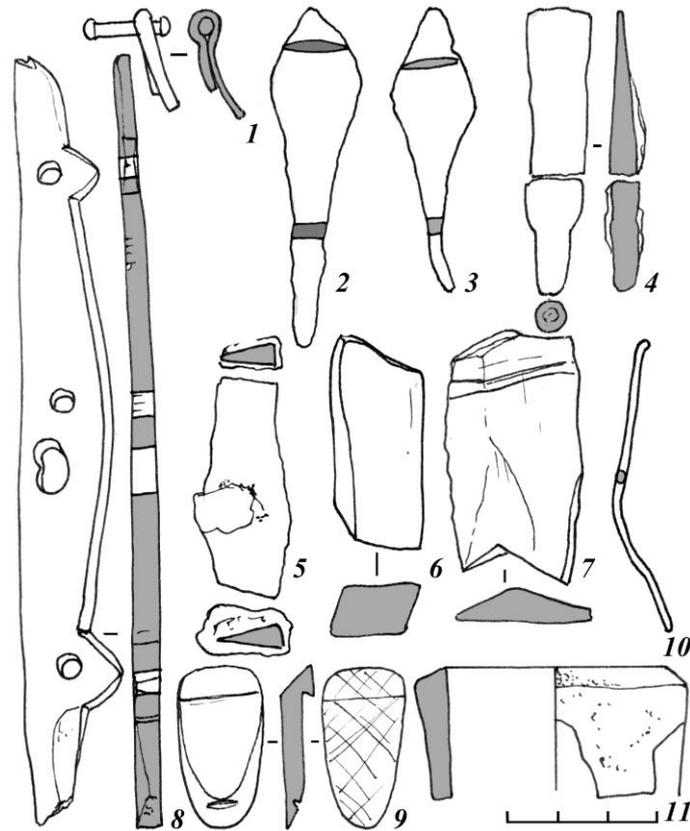

Рис.2 «Мужской» вещевой комплекс из ямы I раскопа V 2011 г.: 1 – фр. железной пряжки, 2-4 – железные наконечники стрел, 5 – фр. железного ножа, 6-7 – каменные оселки, 8-9 – костяные накладки колчана, 10 – бронзовая проволока, 11 – фр. глиняного тигля

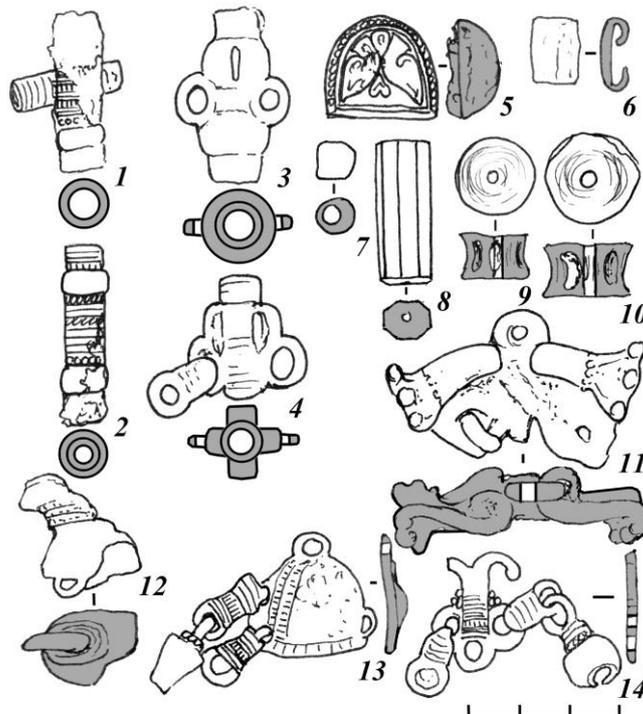

Рис.3 «Женский» вещевой комплекс из ямы I раскопа V 2011 г., украшения: 1-2 – пронизки бронзовые трубчатые, 3-4 – пронизки бронзовые шумящие, 5 – накладка бронзовая, 6 – обойма бронзовая, 7 бусина стеклянная, 8 – бусина сердоликовая, 9-10 – просверленные рыбы позвонки, 11-14 – фрагменты бронзовых шумящих подвесок

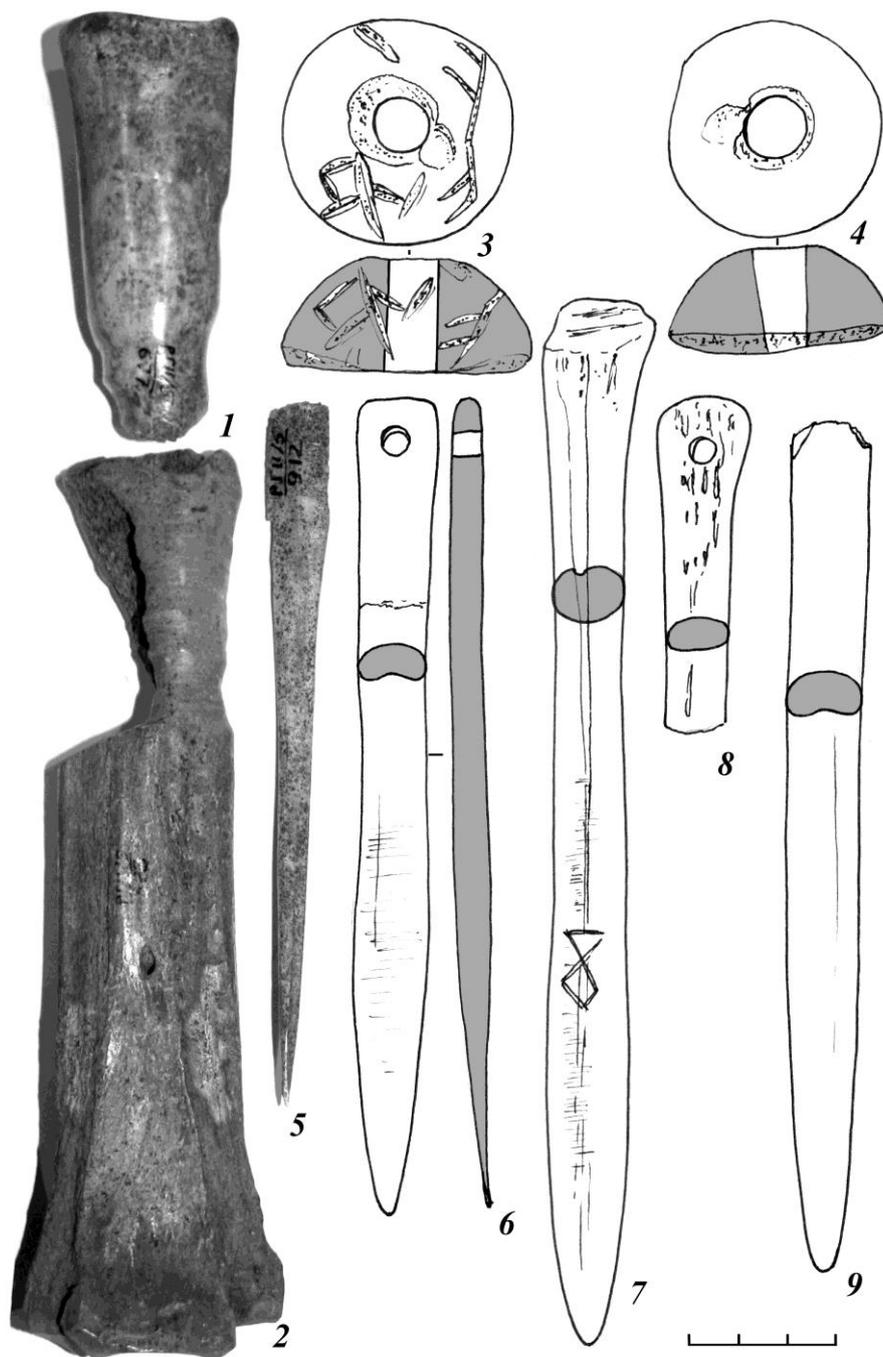

Рис.4 «Женский» вещевой комплекс из ямы I раскопа V 2011 г., орудия труда: 1-2 – фрагменты костяных разбивников для разминания кожаных шнурков, 3-4 – костяные пряслица (?), 5 – проколка из грифельной кости лошади, 6-9 – кочедыки для плетения

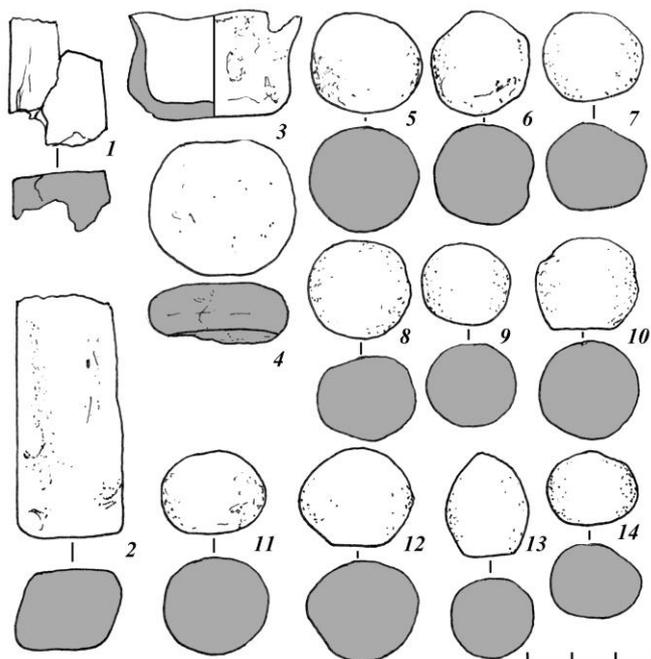

Рис.5 «Детский» вещевой комплекс из ямы 1 раскопа V 2011 г., глиняные игрушки:
1-2 – фрагменты статуэток-«куколок», 3 – сосудик с отпечатками детских пальцев,
4 – «лепешка», 5-14 – шарики

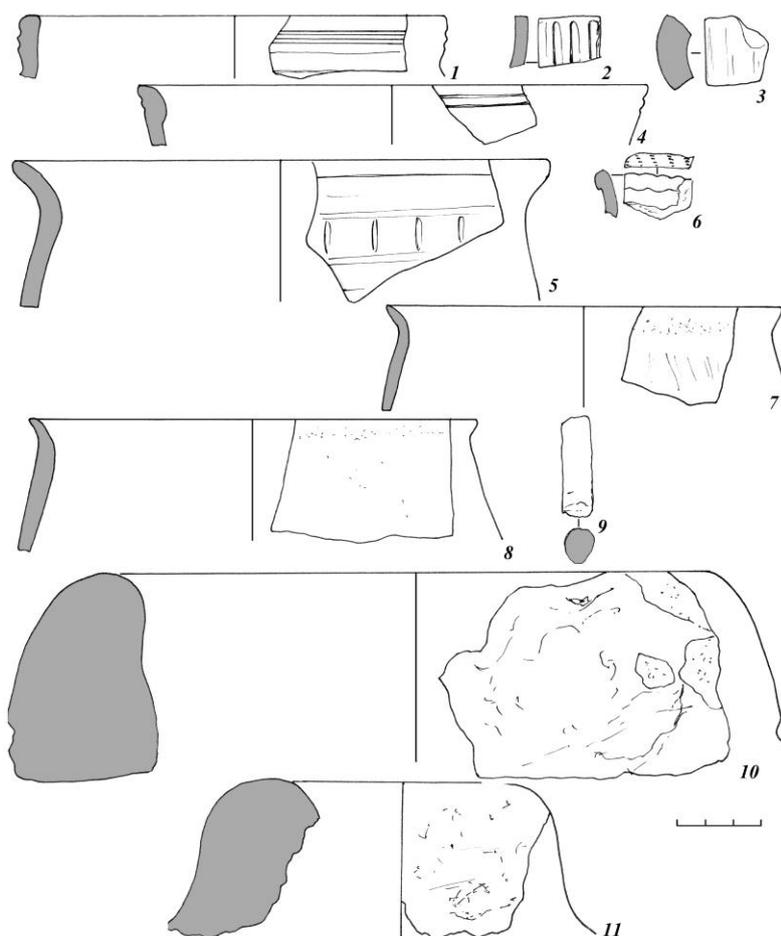

Рис.6 Керамика из ямы 1 раскопа V 2011 г.: 1-4 – фрагменты гончарной посуды общебулгарского типа, 5-9 – фрагменты лепной посуды, 10-11 – фрагменты подставок для круглодонных сосудов

Иванова М.Г.

(Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН)

Модин Р.Н.

(Институт археологии РАН)

**КУШМАНСКОЕ ГОРОДИЩЕ УЧКАКАР X–XIII ВВ.: МАТЕРИАЛЫ
ВНЕШНЕЙ ЧАСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ
ПОСЕЛЕНИЙ***

*Исследования выполнены при финансовой поддержке РФФИ, грант 15-06-04239а

Ключевые слова: средневековье, чепецкая культура, городища, Иднакар, Учкакар, археолого-геофизические исследования, стратиграфия, планировочная структура

В статье представлены материалы исследований внешней части Кушманского городища Учкакар с изученными постройками производственного характера. В комплексе с источниками аналогичной части синхронного городища Иднакар они позволяют конкретизировать особенности освоения и использования площадок, развития средневековых поселений в русле процессов урбанизации в лесной зоне Восточной Европы.

Ivanova M.G.

(Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)

Modin R.N.

(Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences)

**KUSHMANSKY ANCIENT SETTLEMENT UCHKAKAR OF THE 10-13th
CENTURIES: MATERIALS OF EXTERNAL PART IN THE CONTEXT OF
MEDIEVAL SETTLEMENTS DEVELOPMENT**

Keywords: Middle Ages, Chepetskaya culture, ancient settlement Idnakar, ancient settlement Uchkakar, archaeological and geophysical research, stratigraphy, planning structure

The article presents materials of external part of the Kushmanky ancient settlement Uchkakar with constructions of industrial character. Together with sources of a similar part from the synchronous ancient settlement Idnakar they allow to have a closer look at the specificity of site usage and development of medieval settlements in line with the processes of urbanization in the forest zone of Eastern Europe.

В последние десятилетия в результате междисциплинарных исследований получены принципиально новые знания о структуре и планировке укрепленных поселений бассейна р. Чепцы конца IX – начала XIII в. (Иванова, Журбин, 2012; 2014а; 2015). Систематические раскопки на городище Иднакар большими площадями впервые выявили трехчастную структуру, особенности размещения сооружений на внутренней, средней и внешней частях, ограниченных линией оборонительных сооружений (Иванова, 1998).

С целью получения новых знаний о планировке еще одного близкого по структуре поселения в 2011–2014 гг. проводились специальные исследования на

Кушманском городище Уччакар с применением разработанного на Иднакаре комплекса геофизических методов. За четыре полевых сезона с применением комплексной методики геофизических исследований выявлена мощность культурного слоя на всех структурных частях, полностью изучена вся площадка с локализацией объектов планировки (сооружения, ямы, очаги), изучена структура двух линий оборонительных сооружений и обнаружена не фиксируемая ныне внутренняя линия, дифференцирующая мысовую часть. Здесь аналогично структуре городища Иднакар выделены внутренняя, средняя и внешняя части (Иванова, Журбин, 2014б, с. 75). С целью верификации данных геофизики на ключевых участках проведены археологические раскопки. Основные итоги археолого-геофизических исследований памятника уже получили частичное отражение в публикациях (Иванова, Кириллов, 2012; 2013; Иванова, Журбин, 2014б), в настоящей статье представлены археологические материалы внешней части городища, позволившие получить новые знания о структуре и планировке поселения, источники для культурно-хронологических обоснований.

Материалы этой части городища имеют особенно важное значение, поскольку открытие на аналогичной части городища Иднакар значительного культурного слоя и сооружений, свидетельствующих о сложной структуре поселения, явилось основой для разработки концепции его развития в контексте генезиса древнерусских городов лесной зоны (Иванова, 1998; Иванова, Степанова, 2012). Последовавшие результаты стимулировали оживленный интерес исследователей к средневековым городищам финно-угорских этнических образований Прикамья и Поволжья, дальнейшие изыскания в разработке подходов к интерпретации накопленных материалов (Белавин, 2007; Белавин, Крыласова, 2008 и др.). Материалы внешней части Уччакара в значительной мере дополняют источники об особенностях освоения и использования площадок.

Памятник впервые упоминается в переписях XVII в., в 1880-х гг. был исследован А.А. Спицыным (Спицын, 1893, с. 74) и Н.Г. Первухиным (Первухин, 1896, с. 83–86). В 1930 г. на городище провел раскопки А.П. Смирнов, но материалы были введены в научный оборот по инициативе исследователя почти через полвека (Иванова, 1976, с. 105–106). В 1959 г. Уччакар и его окрестности обследованы Г.Т. Кондратьевой, собравшей с поверхности фрагменты керамики и открывшей расположенные рядом 3 селища (Кондратьева, 1959, л. 4–5), в 2007 г. А.Н. Кирилловым снят топографический план, уточнена общая площадь памятника (Кириллов, 2007, л. 14–18).

Городище расположено на правом берегу р. Чепцы на мысу, образованном с юго-востока берегом реки, с северо-запада – глубокой долиной ручья Кушман, правого притока р. Чепцы (рис. 1). Площадка городища имеет подтреугольную форму и ориентирована с северо-востока на юго-запад, визуальнo прослеживаются две линии оборонительных сооружений. С юго-восточной стороны от центральной площадки фиксируется обширная терраса площадью 5400 м², которая на 7–8 м ниже уровня центральной площадки и отделена от нее крутым склоном.

Высота мыса от уреза воды – 32–34 м, от основания подошвы склона – 27–29 м, площадь памятника, ограниченная внешним валом, составляет ок. 30 тыс. м².

Внешняя часть городища с юго-западной и северо-восточной сторон ограничена средней и внешней линиями обороны, ее площадь составляет более 10 000 м². По данным электроразведки и магниторазведки, культурный слой этой части поселения разрушен многолетней распашкой и эрозией, на некоторых участках полностью уничтожен современной полевой дорогой. Толщина гумусированного слоя не превышает 0,3–0,5 м. Здесь выявлено около 80 заглубленных объектов-ям диаметром 1,5–2,0 и 3,0–4,0 м, равномерно распределенных по всей площадке.

С учетом данных геофизики о локализации объектов у южного края внешней площадки городища, в 2013 г. был заложен раскоп 2 площадью 99 м², ориентированный по линии север-юг (рис.2).

Стратиграфия довольно проста. Культурный слой представлен горизонтом темно-серого гумусированного суглинка мощностью до 40–45 см. Верхняя часть слоя в пределах раскопа переотложена в результате многолетней распашки. Граница между пахотным горизонтом мощностью до 25 см и не потревоженной частью культурного слоя трудноуловима. Внутри основного горизонта культурного слоя содержатся различные включения более темного и светлого суглинка серых, желтовато-коричневых, серо-коричневых и иных похожих оттенков, бледно-рыжей глины. Эти включения, как правило, встречены в заполнениях антропогенных объектов или биогенных структур (норы, ходы корней и т.д.). Под культурным слоем залегает горизонт бурого и серовато-бурого, иногда с включением темно-зеленого оттенка в верхней части толщи, плотный суглинок – погребенная почва. Вероятно, она подвергалась распашке в древности. Ниже находится материк – плотная красная глина.

На площади раскопа выявлено пять крупных антропогенных объектов (объекты 1–1А, 2–2А, 4, 6, 12) и ряд мелких, являвшихся, в основном, столбовыми ямами (рис.2, А). Характер трех из них (объекты 3, 5, 10) не совсем ясен. По диаметру они больше, чем основная часть столбовых ям на раскопе (40–64 см на различных уровнях фиксации). Возможно, эти объекты представляют собой остатки небольших хозяйственных ямок, назначение которых остается не понятным. Объекты 1–1А, 4 и 12 попали в раскоп частично, остальные изучены полностью.

Объект 1–1А представляет собой две части позднейшей канавы, возможно, имевшей дренажное назначение. Она прослеживается от южного борта раскопа в юго-западном углу квадрата ДН–25 через раскоп по линии ЮЗ–СВ длиной до 11 м. Канавка вклинивается в культурный слой и нижележащие почвенные горизонты на глубину до 71 см от современной дневной поверхности, проходя через северо-западную часть объекта 2 (рис.2–3). В заполнении канавы были сосредоточены мелкие фрагменты керамики, кости животных, шлаки.

Наиболее крупными объектами, выявленными в раскопе 2, является комплекс из двух ям, расположенных одна над другой – *объекты 2, 2А* (рис. 2, А,

Б, рис.3–4). Остаткам раннего сооружения соответствует *объект 2А*. Он представляет собой квадратную яму размерами ~1,4 х 1,4 м. Профиль ямы прямоугольный, верхний край нарушен котлованом более позднего сооружения (*объект 2*). Максимально прослеженная по разрезу глубина около 60–65 см. Вероятно, первоначально яма была несколько глубже, ее верхний край находился выше, на уровне погребенной почвы. Заполнение ямы неоднородное. Основной слой – серо-коричневый светлый суглинок с включением угля, смешанный с рыжей и красной глиной, преобладающей в составе заполнения возле стенок. На контакте заполнения двух котлованов зафиксирован темный серо-коричневый и серо-рыже-бурый суглинок. Это почвенный слой, образовавшийся на дне котлована *объекта 2* на контакте с заполнением более ранней ямы.³ Стенки ямы, судя по всему, были обшиты досками, которые прижимались столбами, стоявшими по углам. Об этом свидетельствуют следы канавок по периметру ямы и столбовые ямки в углах, в заполнении которых сохранился древесный тлен. Не исключено, что яма имела деревянное перекрытие. Подобные прямоугольные ямы, имевшие хозяйственное назначение, с деревянной обшивкой стенок и деревянной крышкой, исследованы на городище Иднакар (Иванова, 1998, с. 68, 76, рис. 22, табл. 24–26).

Остаткам более позднего сооружения соответствует *объект 2*. Он представляет собой большую яму, по верхнему краю имевшую овальные очертания, по дну – прямоугольные с закругленными углами. Размеры по верхнему краю – 2,7 м по линии С–Ю, по линии З–В – 3 м. В разрезе яма имеет ассиметричную чашевидную форму. С северной стороны стенки выявлены уступы. Возможно, здесь находился вход в сооружение. Основной слой в заполнении – темно-серый суглинок с включением угля, остатков горелого дерева, камней. Внутри основного слоя четко прослеживаются узкие прослойки рыжей и бледно-рыжей глины, темно-коричневого и белесовато-коричневого суглинка. Вероятно, они образовались вследствие постепенного заполнения ямы окружающим грунтом. По стенкам и дну ямы расположена узкая прослойка черного суглинка, насыщенного углем и фрагментами, в т.ч. крупными, горелого дерева. Она позволяет предполагать наличие деревянного перекрытия, которое после пожара обрушилось. В непосредственной близости от котлована зафиксированы следы от столбовых ям (рис. 2, А). Возможно, они конструктивно связаны с *объектом 2*, и являются следами навеса или ограждения.

Значительная часть коллекции раскопа сосредоточена в заполнении этих ям и на прилегающей территории. Кроме большого количества фрагментов керамики и костей животных, здесь обнаружены льячка, литейная форма (рис. 6/17, 21), фрагменты тиглей, обрезки бронзовых пластин, шлаки, куски обмазки, позволяющие предполагать локализацию здесь обработки цветных металлов. В заполнении ямы и рядом с ней обнаружены пронизки-бусины из бронзы (12 экз.),

---

³ по заключению к.б.н. А.В. Борисова (лаборатория археологического почвоведения ИФХ ИБПП РАН).

в том числе, деформированные и неразделенные, возможно, отлитые в пределах этого комплекса (рис. 6/1–12).

В 5 м к северо-северо-востоку от объекта 2 расположены остатки второго сооружения – *объекта 6* (рис. 2, А, В). Он представляет собой яму прямоугольной формы размерами по верхнему краю 1,8 х 2,2 м. Профиль ямы прямоугольный, ассиметричный. Стенки крутые, резко переходящие в ровное дно. Глубина – 80 см. Заполнение постепенно меняется сверху вниз с однородного темно-серого суглинка на более темный, насыщенный углем в центральной части и пестрый, смешанный с рыжей глиной суглинок по краям. На дне котлована – прослойка черного суглинка, насыщенного углем. Внутри заполнения зафиксирован завал из крупных прокаленных камней. Судя по расположению камней в разрезе, завал произошел к северу. По углам на дне котлована расположены столбовые ямы. В непосредственной близости от объекта 6 зафиксировано несколько столбовых ям. Возможно, что объект 6 и эти ямы (или часть их) составляют единый комплекс, и представляют собой остатки наземной постройки. Внутри сооружения находилось устройство, сложенное из камней и обмазанное глиной (в разрезе зафиксированы прослойки рыжей глины). Характер этого устройства не вполне ясен, оно могло иметь как отопительную функцию, так и производственную. Под устройством находилась так называемая «подпечная яма», имевшая, вероятно, деревянное перекрытие, поддерживаемое столбами, располагавшимися по углам. В ее заполнении также сосредоточены скопления костей животных, фрагменты керамики, тиглей, шлаки, отдельные предметы.

К северо-востоку от объекта 6 частично изучен *объект 4* (рис. 2, А). Исследованная часть не позволяет сделать полноценные выводы о его характере. Однако особенности заполнения (наличие прокаленных камней), форма в профиле, наличие столбовой ямы на дне в углу, позволяют предположить его сходство с объектом 6.

Еще один частично исследованный объект (получивший наименование *объект 12*) расположен в западной части раскопа, в 2,8–3 м к северо-западу от объекта 2 (рис. 2, А). Он представляет собой неглубокую яму подпрямоугольной формы глубиной до 32–35 см. Размеры изученной части 1 х 1,36 м. Профиль ямы ассиметричный, близкий к чашевидному. Заполнение – светло-серый золистый суглинок. Внутри заполнения зафиксировано скопление небольших камней со следами прокала. Вероятно, объект 12 имел хозяйственное назначение. Внутри ямы находилась каменная конструкция, возможно, очаг. Однако по сохранившимся остаткам форму и размеры этой конструкции восстановить затруднительно. Судя по стратиграфии, исследованные сооружения функционировали одновременно.

В коллекции находок основную часть составили невыразительные фрагменты керамики (1783 единиц) и остеологический материал (1205 единиц), учтенные методом индивидуальной фиксации. Кроме того в результате сбора из сегментов квадратов (каждый участок поделен на 9 сегментов, в рамках которых в процессе выборки культурного слоя фиксировались группы фрагментированного массового материала с указанием на этикетке сегмента квадрата и уровня

фиксации) было получено 2270 мелких фрагментов керамики, 5834 единицы сильно фрагментированных костных остатков.

Керамика характеризуется наличием раковинной примеси, характерной для чепецких памятников. Восстановлено несколько слабопрофилированных неорнаментированных сосудов чашевидной формы с уплощенным дном (рис. 5/8–9). 29 фрагментов из 1768 (1,64%) содержат элементы орнамента, которые располагаются в верхней части сосудов. Как правило, по венчику посуда оформлена пальцево-ногтевыми вдавливаниями и защипами, по шейке и плечикам – оттисками шнура и/или фигурного штампа.

Гончарная посуда представлена 15-ю мелкими фрагментами сосудов красно-коричневого цвета с хорошо заглаженной поверхностью. Посуда такого рода характерна для болгарских памятников домонгольского периода, встречается на других чепецких памятниках.

Изделия из железа невыразительны, преобладают фрагменты предметов, не подлежащие определению (41 экз.). В коллекции имеются ножи (8 экз.) и их фрагменты (8 экз.). Они имеют традиционные формы: черенок отделен от лезвия уступами с двух сторон, но центральная ось клинка и черенка совпадают или расхождение незначительно (6 экз.), у двух экземпляров линия клинка приподнята. В функциональном отношении они могли быть универсальными (рис. 5/6–7).

Наконечники стрел плохой сохранности (3 экз.), они черешковые с уплощенным пером листовидной формы (2 экз., рис. 5/4), имеется шиловидный с упором (1 экз.). Примечательна и хронологически показательна двухшпильковая фигурная накладка т.н. аскизского типа (рис. 5/2). По материалам Кузьминского могильника они датируются концом XI в. – XII в. (Иванова, 1992, рис. 46–47, с.51–52).

Интересен *предмет треугольной формы*: на пластине с двумя отверстиями для крепления расположена дротовая пластина, сходящаяся на острый угол (рис.5/5). На Иднакаре подобная пластина найдена во втором горизонте одновременно с пряжками аскизского круга. Аналогичная находка имеется в коллекции Рождественского городища, которую исследователи относят к деталям конского снаряжения аскизского круга и полагают, что это некая основа для султанчика на конское оголовье или головной убор, какие были распространены в Южной Сибири (Белавин, Крыласова, 2008, с. 485, рис. 172/11).

В коллекции имеются также шило (1 экз., рис. 5/3), гвоздь, дрот, клинья для рукоятей топоров (4 экз.), иглы швейные (2 экз.) и фрагмент замка цилиндрической формы.

Изделия из *цветного металла* представлены преимущественно фрагментами украшений – ушек для привешивания монетовидных подвесок (2 экз.), спиралевидных пронизок (2 экз.), флаконовидных бус (6 экз., рис. 6/4–10), привесок в форме бубенчика, лапки, колбочки (4 экз.), выпуклых пуговиц, оформленных псевдозернью (2 экз., рис. 6/15–16), круглорамчатой пряжкой (рис.6/14), фрагментами приемных игл пряжек (4 экз.). Серию предметов из числа украшений дополняют находки перстня с имитацией зерни и скани на щитке

(1 экз.), кольцевидной серьги (1 экз., рис. 6/13), трубчатой пронизки (1 экз., рис. 6/18), фрагмента пластинчатого браслета (1 экз.), бронзовой копоушки (1 экз.) и фрагмента индикации саманидского дирхема. Значительна серия предметов в виде обрезков тонких пластин, возможно, являющихся производственными отходами (13 экз.), и предметов, не поддающихся идентификации (17 экз.). Из этой серии хронологически показательными могут быть флаконовидные бусы, широко известные на памятниках лесной зоны Восточной Европы, в том числе, и Прикамье (Белавин, Крыласова, 2012, с. 141–142, рис. 61/6–8).

Интересна находка гривны, плетеной из тонкой бронзовой проволоки (1 экз., рис. 6/22). Она близка к кругу браслетов и гривен, плетеных из золотой и серебряной проволоки, довольно широко известных в составе кладов и погребальных комплексов на Верхней Каме, Вычегде, включаемых исследователями в состав болгарского импорта XI–XII вв. (Савельева, 1991, с. 99–100, рис. 1/22; Белавин, 2000, с. 101, рис. 44/5; Голдина, Кананин, 2012, табл. 7/21). Возможно, находка из слоя Кушманского городища, плетеная из бронзы, могла быть изготовлена местными мастерами по привозным образцам.

Немногочисленна и весьма невыразительна, относительно материалов раскопок предыдущих лет, коллекция изделий из *кости*. Она представлена фрагментами копоушек (2 экз.), гребней (3 экз.), пронизками (2 экз.), разнообразными подвесками (5 экз.), заготовками кочедыков (2 экз.), фрагментом составной расчески с циркульным орнаментом и с сохранившимися накладками и штифтом для крепления (рис. 5/1).

Среди изделий из *камня* более многочисленны фрагменты пряслиц (5 экз.), точильных камней (7 экз.). Имеются фрагменты камня со следами обработки (16 экз.), кремни (6 экз.). Выразительна каменная трехсторонняя литейная форма (рис. 5/21).

Немногочисленные находки *стеклянных* бусин (37 экз.) представлены традиционным набором разновидностей – лимоновидные (8 экз.), одноцветные (8 экз.) и глазчатые (12 экз.) из заглушенного стекла. Единичные экземпляры составили: бусина с накладными нитями и бусина с однократной поперечной линией по окружности, кольцевидная синяя прозрачная.

Анализ коллекций верхнекамских могильников показал, что лимоновидные бусы из тянутой трубочки, широко известные в лесной полосе Восточной Европы в X–XI вв. (Щапова, 1972, с. 178), в Прикамье появились раньше и бытовали в течение IX–XI вв. (Голдина, Королева, 1983, с. 64). На Иднакаре лимоновидные бусы преобладали от начала и до конца функционирования, хотя их количество в верхнем горизонте почти вдвое меньше, чем в нижнем, несколько сокращается и доля среди других групп (Иванова, 1998, табл. 18).

Одноцветные и глазчатые бусы из заглушенного стекла, изготовленные из навитой трубочки, распространенные в основном в X–XI вв. (Львова, 1973, с. 88–89), на Иднакаре, как и на чепецких погребальных памятниках, в значительном количестве бытуют до XIII в. (Иванова, 1998, с. 203).

Навитые бусы полупрозрачного и прозрачного стекла на Чепце в большей степени представлены в комплексах Кузьминского могильника, где составляют

44,92 % от общего количества бус. Исследователи считают, что эти стеклянные бусы начали производить в Древней Руси на рубеже X–XI вв., в самом конце XI века они начинают устойчиво попадать на древнерусский рынок, но наибольшее распространение имеют в XII–XIII вв., доживая до середины XIV в. (Щапова, 1972, с. 76–82; Колчин, 1982, с. 169).

В целом в составе коллекции преобладают материалы, не имеющие четких хронологических привязок и встречающиеся на протяжении длительного периода начала II тысячелетия н.э. Вряд ли можно опираться и на находку фрагмента индикации саманидского дирхема, найденного в пахотном слое. Но все же характер слабопрофилированной неорнаментированной лепной керамики, преобладающей на внешней части Иднакара (рис. 5/8–9), наличие кольцевидной синей прозрачной бусины, накладки аскизского типа (рис. 5/2), плетеной из тонкой бронзовой проволоки гривны (рис. 6/22) и др. позволяют полагать, что освоение внешней части началось позднее, чем внутренней и средней, скорее всего, в XI в., т.е. могла соответствовать периоду бытования позднего этапа средней части городища, исследованной в 2011–2012 гг. В целом по мощности и характеру культурного слоя, конструкции ям, составу коллекции эта часть аналогична внешней части городища Иднакар, территория которой начала застраиваться не ранее XI в. и функционировала весь XII и XIII в. (Иванова, 1998, с. 78–80, рис. 27).

Полученные материалы требуют дальнейшего детального анализа и осмысления с графической реконструкцией построек, но уже на этом этапе с предельной ясностью выявляются аналогии с динамикой развития структуры и особенностями планировки поселения с городищем Иднакар, на внешней части которого, в отличие от внутренней и средней площадок с устойчивым сочетанием жилищно-хозяйственных комплексов, располагались в большей степени хозяйственно-производственные сооружения при наличии единичных построек малой площади с небольшими очагами для сезонного проживания (Иванова, Степанова, 2013, с. 156–165).

Литература:

Белавин, 2000. – Белавин А.М. Камский торговый путь. – Пермь: ПГПУ, 2000. – 200 с.: илл.

Белавин, 2007. – Белавин А.М. Проблемы раннего этапа урбанизации в Волго-Камье // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь: ПГПУ, 2012. – Вып. IV. – С. 4–12.

Белавин, Крыласова, 2008. – Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ, 2008. 603 с.

Белавин, Крыласова, 2012. – Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник. – Пермь: ПГПУ, 2012. – 259 с.: илл.

Голдина, Кананин, 2012. – Голдина Р.Д., Кананин В.А. Хронология верхокамских древностей VI–XIV вв. // Древности Прикамья эпохи железа: Хронологическая

- атрибуция: Материалы и исследования Камско-Вятской экспедиции. – Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2012. – Т. 25. – 544 с.
- Голдина, Королева, 1983. – Голдина Р.Д., Королева О.П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. – Ижевск, 1983. – С. 40 – 71.
- Иванова, 1976. – Иванова М.Г. Кушманское городище // Вопросы археологии Удмуртии. – Ижевск: УдНИИ ИЭЛЯ при СМ УАССР, 1976. – С. 93–106.
- Иванова, 1992. – Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. – Ижевск, 1992. – 184 с.
- Иванова, 1998. – Иванова М. Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 294 с.
- Иванова, Журбин, 2012. – Иванова М.Г., Журбин И.В. Междисциплинарные исследования археологических памятников Камско-Вятского региона: некоторые итоги и задачи // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2012. – № 2(10). – С. 120–130.
- Иванова, Журбин, 2014а. – Иванова М.Г., Журбин И.В. Археологические и геофизические исследования средневековых поселений бассейна р. Чепцы // РА. – 2014. – № 1. – С. 40–53.
- Иванова, Журбин, 2014б. – Иванова М.Г., Журбин И.В. Кушманское городище Уч-какар в бассейне р. Чепцы: основные итоги археолого-геофизических исследований 2011–2013 гг. // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2014. – Вып. 3. – С. 71–79.
- Иванова, Журбин, 2015. – Иванова М.Г., Журбин И.В. Археолого-геофизические исследования поселений Камско-Вятского региона» // Вестник Удмуртского государственного университета. – 2015. Т. 25. Вып. 1: история и филология. – С.104–109.
- Иванова, Кириллов, 2012. – Иванова М.Г., Кириллов А.Н. Предварительные итоги изучения Кушманского комплекса памятников в бассейне р. Чепцы // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации. – Пермь: ПГПУ, 2012. – С. 313–319.
- Иванова, Кириллов, 2013. – Иванова М.Г., Кириллов А.Н. Кушманское городище Уч-какар в бассейне р. Чепцы: итоги исследований 2011–2012 гг. // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV Бадеровские чтения): Мат-лы Всероссийской научно-практической конференции. – Ижевск: «Удм. ун-т», 2013. – С. 75–79.
- Иванова, Степанова, 2012. – Иванова М.Г., Степанова Г.А. Внешняя часть городища Иднакар IX–XIII вв.: новые интерпретации // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV Бадеровские чтения): Мат-лы Всероссийской научно-практической конференции. – Ижевск: «Удмуртский университет», 2013. – С. 156–165.
- Кириллов, 2007. – Кириллов А.Н. Отчет об археологических разведках в Глазовском и Ярском районах Удмуртской Республики в 2007 году / Архив БУК

«Историко-культурный музей-заповедник Удмуртской Республики «Иднакар». – Дело 02-03.

Колчин, 1982. – Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. – М., 1982. – С. 156–177.

Кондратьева, 1959. – Кондратьева Г.Т. Отчет о разведке по правому берегу р. Чепцы в Ярском районе Удмуртской АССР, произведенной в 1959 г. // Отчет Удмуртской археологической экспедиции за 1959 год / Архив ИА РАН, д. 1952; архив НМУР, д. 9.

Львова, 1973. – Львова З.А. Бусы I Поломского могильника // АСГЭ. – Л., 1973. – Вып. 15. – С. 83–104.

Савельева, 1991. – Савельева Э.А. Роль Волжской Болгарии в развитии культуры перми вычегодской // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы: сборник статей. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1991. – С. 95–110.

Щапова, 1972. – Щапова Ю. Л., 1972. Стекло Киевской Руси. – М.: МГУ, 1972. – 200 с.

Рис.1. Кушманское городище Учкакар, вид с юго-запада

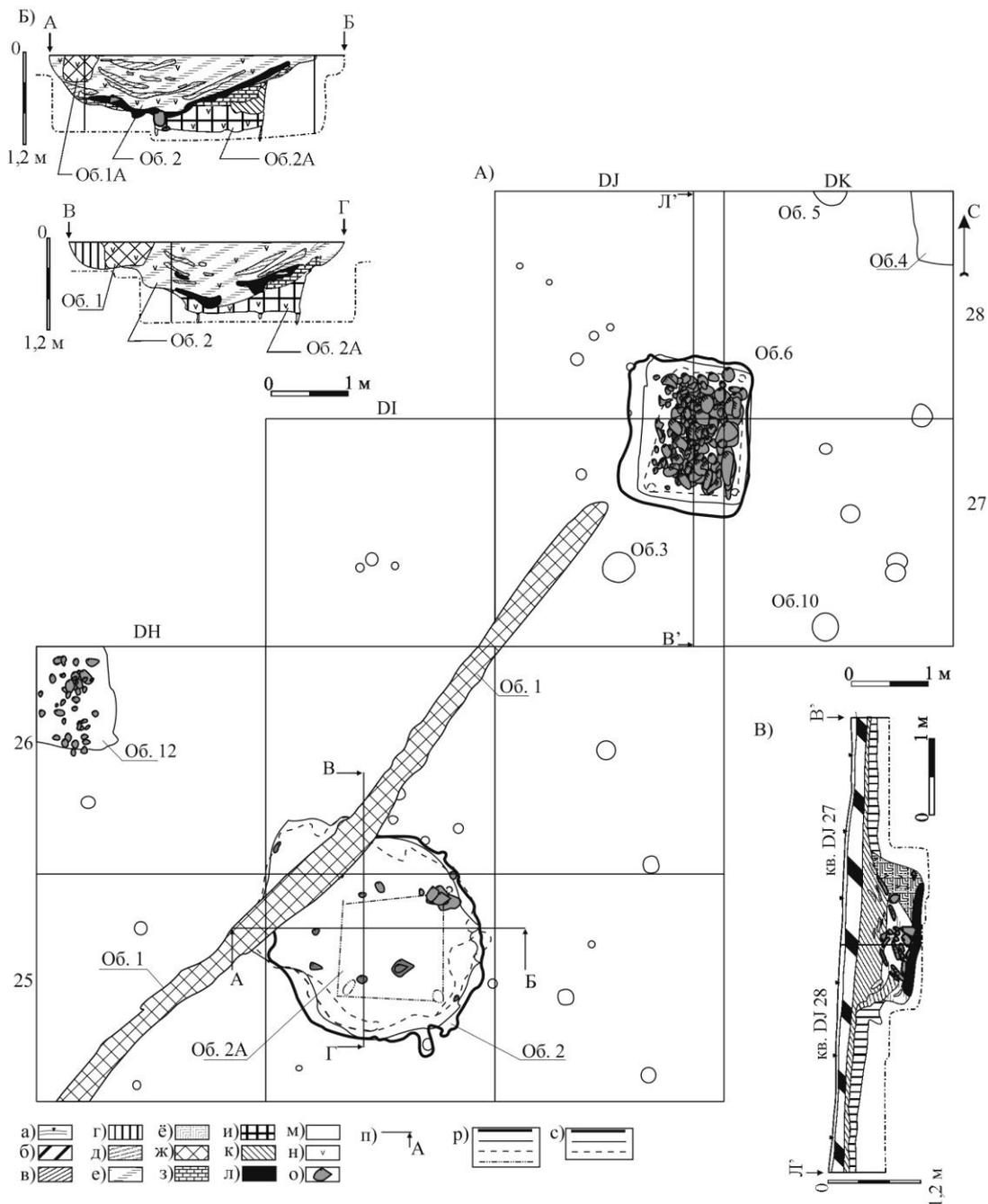
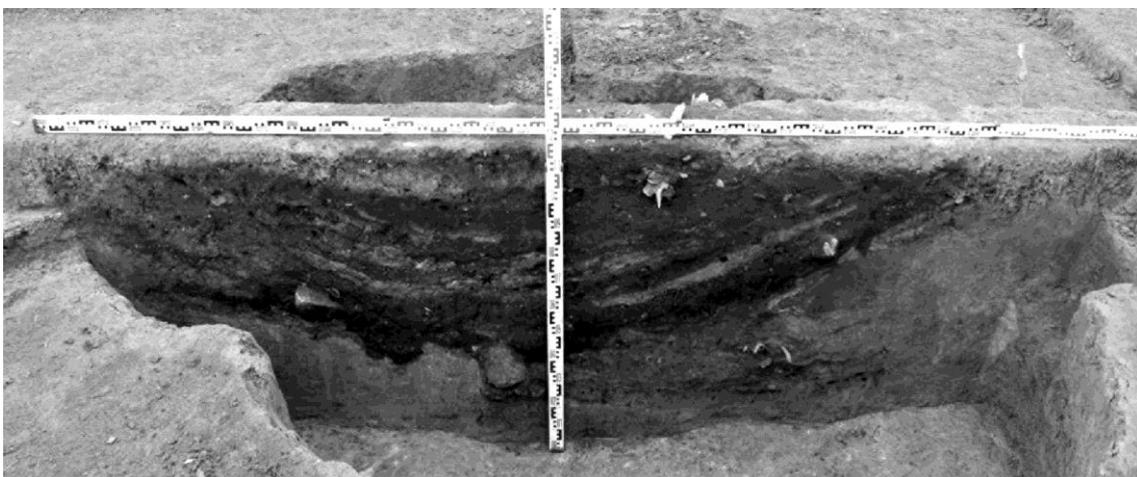

Рис. 2. Кушманское городище Учкар. Раскоп 2 на внешней части, 2013 г.
 А) Сводный план раскопа с обозначением выявленных объектов; Б) Разрезы объектов 2 и 2А (с уровня 161,05 м); В) Разрез объекта 6.
 а) дерн; б) суглинок темно-серый гумусированный - пахотный горизонт; в) суглинок темно-серый гумусированный - не потревоженная распахивкой часть культурного слоя; г) суглинок бурый и серовато-бурый - погребенная почва; д) прослойки рыжей глины серовато-рыжей глины; е) суглинок темно-серый гумусированный с включением угля, органики, камней, древесного тлена; ё) мешаный пестрый грунт, темно-серый суглинок с включением рыжей глины и угля; ж) пестрый мешаный грунт, темно-серый суглинок и рыжая глина - заполнение позднейшей канавы (Объект 1-1А); з) серо-коричневый суглинок; и) пестрый, мешаный слой - серо-коричневый светлый суглинок с рыжей глиной; к) красная рыхлая глина с включением серого суглинка; л) черный суглинок, насыщенный углем и фрагментами горелого дерева; м) плотная красная глина - материк; н) уголь; о) камень; п) линия разреза и крайняя точка разреза; р) контуры объектов 2 и 2А на разных уровнях фиксации (сверху вниз: 161,05 м; 160,95 м; 160,80 м; 160,10 м - объект 2А); с) контуры объекта 6 на разных уровнях фиксации (сверху вниз: 161,45 м; 161,15 м; 160,85 м - дно).

Рис.3. Кушманское городище Уччакар, вид на раскоп с юго-востока. 2013 г.

Рис.4. Кушманское городище Уччакар, разрез ям (объекты 2 и 2А) по линии запад-восток.

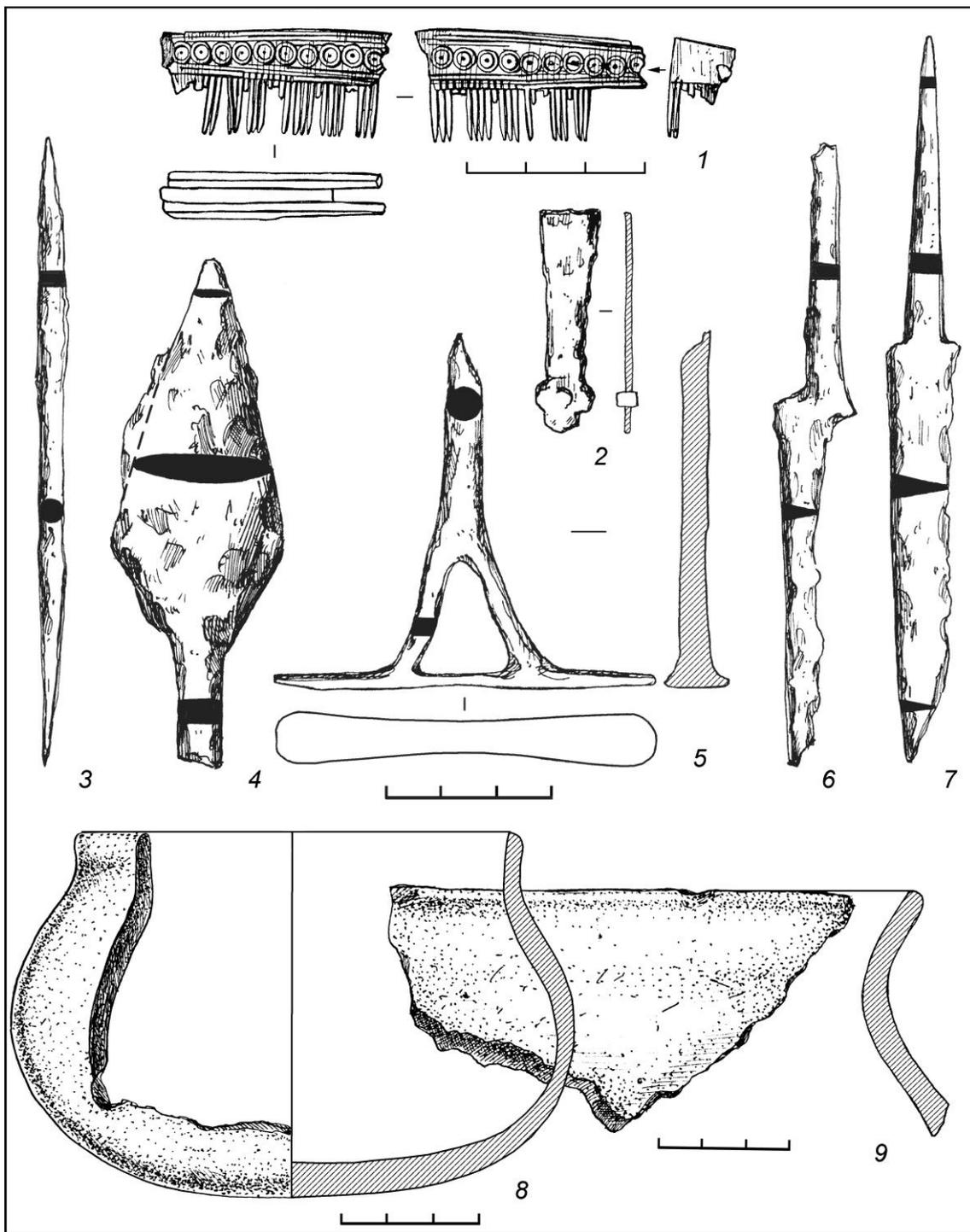

Рис. 5. 1 – фрагмент составной расчески с футляром; 2 – поясная накладка; 3 – ишло; 4 – наконечник стрелы; 5 – деталь конского снаряжения; 6, 7 – фрагменты сосудов.
Материал: 1 – кость; 3–7 – железо; 8, 9 – глина

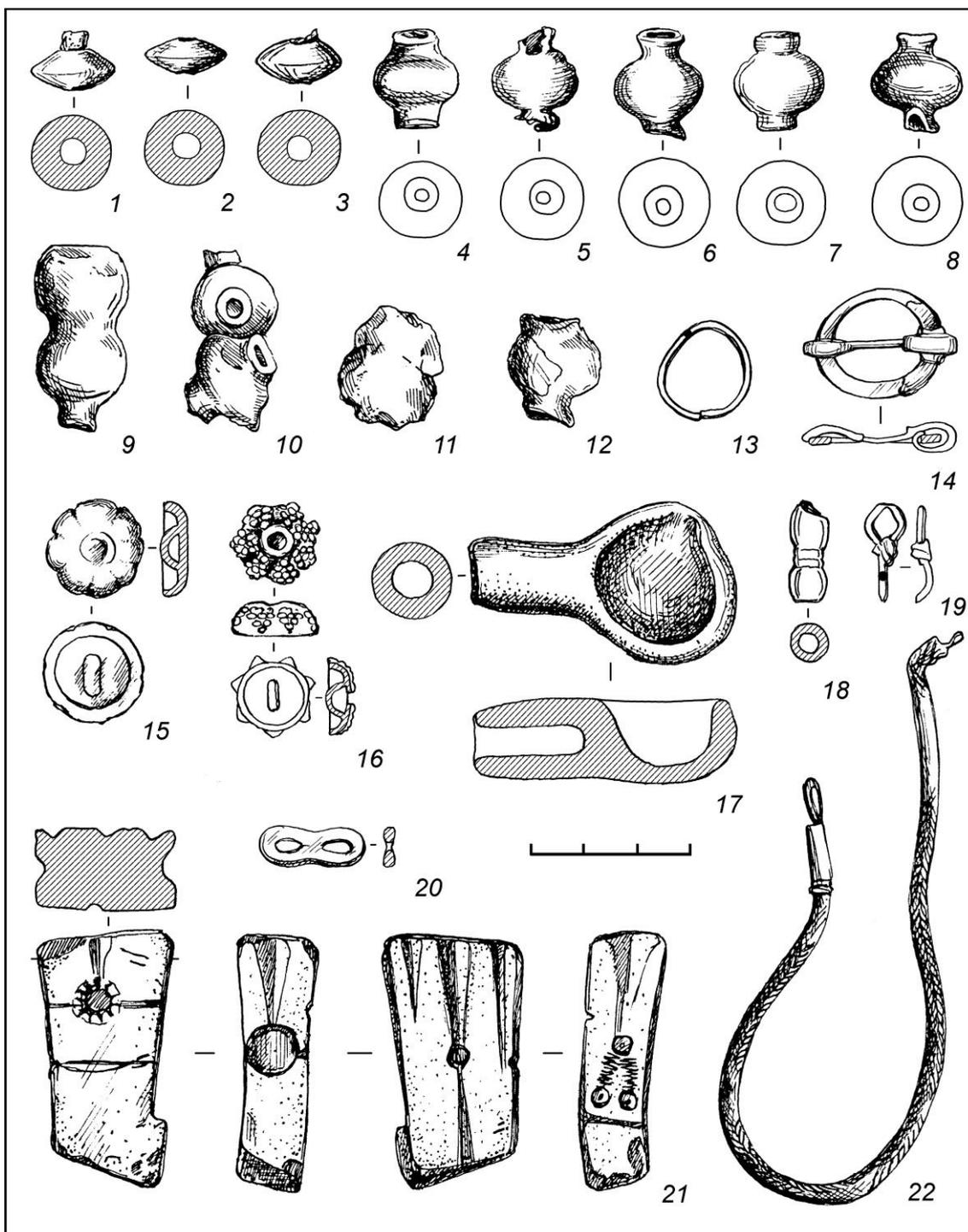

Рис. 6. 1–12 – бусы-пронизки, 13 – кольцевидная серьга, 14 – поясная пряжка, 15, 16 – пуговицы, 17 – льячка, 18 – пронизка трубчатая, 19 – звено цепочки, 20 – деталь украшения, 21 – литейная форма, 22 – плетеная гривна

Маврина Е.А.

(Пермский филиал Российской академии живописи, ваяния и зодчества, Пермь)

ОСОБЕННОСТИ ОРНАМЕНТАЦИИ КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Ключевые слова: Пермское Предуралье, эпоха Средневековья, ломоватовско-родановская культура, резьба по кости, декор, геометрический орнамент.

В статье рассматриваются вопросы орнаментации средневековых изделий из кости и рога Пермского Предуралья на примере предметов туалета и украшениях. Описывается систематизация основных элементов геометрического орнамента и их соотношение с разным декором костяных изделий чепецких городищ. Представлены некоторые аспекты орнаментации, характерные для культуры финно-угров.

Mavrina E.A.

(Perm Branch of the Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture, Perm)

SPECIFICITY OF ORNAMENTATION OF BONE ARTIFACTS FROM MEDIEVAL ARCHEOLOGICAL SITES OF THE PERM CIS-URALS

Keywords: Perm Cis-Urals, Middle Ages, Lomovatovo-Rodanovskaya culture, bone carving, decoration, geometrical ornament

The article deals with ornamentation of medieval items of clothing and adornments made of bones and horns found on the territory of the Perm Cis-Urals. Basic elements of geometric ornament are systematized and compared to the bone carved decorations from Chepetsk settlements. Certain aspects of ornamentation characteristic of the Finno-Ugric culture are described.

При изучении археологического материала, в частности, изделий из кости и рога, исследователь никогда не обходится без тщательного описания декора предметов (разумеется, при его наличии). Это необходимо для классификации предметов, определения их этнической принадлежности, семантической нагрузки и культовой значимости вещи. Систематизация орнаментальных мотивов, изучение способов их нанесения являются необходимой частью археологической реконструкции. Хотя в данной области исследований археологам не редко приходится прибегать к методам и терминологической базе искусствоведения и этнографии.

Любой исследователь изделий косторезного производства, будь то описание технологического процесса или рассмотрение вопроса специализации ремесла, обращается к проблеме определения разновидностей декора и его мотивов. В работах ученых, рассматривающих изделия из кости и рога по материалам средневековых памятников Древней Руси и приграничных территорий, орнамент прорабатывался на разном уровне. Элементы декора могут упоминаться как часть описания предметов (Давидан, 1966, с. 103–115; Шовкопляс, 1954, с.27–32) или являться объектом специального исследования (Арматынская, 1995, с.84–97; Флёрова, 1998, с.86–99; Флёрова, 2001, с.125–132). В большинстве публикаций орнамент выступает в роли источника информации для выявления характера косторезного производства.

Достаточно полно в литературе описаны предметы из кости и рога, относящиеся к ремесленным центрам Древней Руси. В монографии Б.А. Рыбакова определены отдельные мотивы орнамента, получившие наибольшее распространение, названы инструменты и способы нанесения декора (Рыбаков, 1948, с. 414–416). В специальном исследовании по технологии обработки кости С.А. Изюмовой (Изюмова, 1949, с.15–25) техника художественного декорирования предметов описывается более подробно, определяется инструментарий резчика. Достаточно основательно описаны этапы изготовления костяных предметов в Волжской Болгарии, в том числе, и декорирование изделий (Закирова, 1988, с.236–237).

Наиболее изученные категорий изделий косторезного производства – гребни и копоушки. Подробно описаны древнерусские гребни и расчески. По материалам Старой Ладogi (Давидан, 1968, с.54–63; Давидан, 1962, с.95–108) и Новгорода Великого (Бочаров, 1969, с.97–107; Колчин, 1958, с.101–108; Рыбина, 1997, с.19–22) проведена типологизация находок, их хронологизация и искусствоведческий анализ. Широко освещены в научных изданиях и финно-угорские материалы (Голубева, 1979, с.58–60; Иванова, 1998, с. 155–195; Кондратьева, 2011; Фехнер, 1963, с.39–42).

Попытку классифицировать орнамент по основным элементам орнамента и способу его нанесения предприняла В.Е. Флёрова в своей монографии (Флёрова, 2001, с.125–132). Автор разделяет орнамент костяных изделий по техническим приемам резьбы на следующие виды: резной, циркульный, пропильный, точёный, рельефный и прорезной. Видам нанесения соответствуют свои типы орнамента. Например, в резном декоре выделяются элементы: зигзаг, «ёлочка», насечки и т.д.

О.В. Арматынской (Арматынская, 1995, с.84–97) проведена систематизация орнамента коллекции чепецкой резной кости, состоящей более чем из пятисот декорированных изделий. Были выделены базовые фигуры геометрического орнамента: точки, «чешуйка», «флажки», заштрихованные полосы, треугольники, ромбы, ломаные полосы и др. Данная система использовалась М.Г. Ивановой в труде, обобщающим результаты исследований городища Иднакар (Иванова, 1998, с. 155–194).

При рассмотрении орнаментации костяных изделий ломоватовско-родановских памятников, и их сравнительном анализе с материалами ближайших территорий, также заселенных финно-угорским населением (чепецкие городища), выявились определенные закономерности и аналогии в категориях цельных односторонних гребней с зооморфными мотивами на спинке и копоушках. Вследствие этого выводы О.В. Арматынской могут быть применимы и для классификации костяных изделий Пермского Предуралья. Характерным для местных изделий будет элемент «флажок» (рис. 1/1, 18, 19, 22; рис. 3/2:7), «чешуйка» (рис.1/4–6, 12; рис.3/2: 6). Для предметов ломоватовско-родановской культуры будут применимы и другие элементы.

В работах Г.Т. Ленц рассматриваются вопросы становления ремесленного производства по материалам родановских памятников, уделяется особое внимание анализу основных групп предметов из кости и рога и описанию технологического процесса (Ленц, 2004, с.58–77; Ленц, 2002, с. 217–242). К более детальному изучению орнамента и описанию основных закономерностей его расположения обращается Н.Б. Крыласова. Изучая особенности материальной культуры средневековых жителей Прикамья, автор подробно останавливается на классификации костяных предметов, детально описывает основные типы предметов, их орнаментики, обращается к вопросам о мифологическом значении

декора находок (Крыласова, 2007, с. 216–223, с. 248–289; Крыласова, 2004, с.47–57; Крыласова, 2007б, с.78; Материальная культура..., 2010, с.137–139, с.150–166).

Полученные данные и разработанные исследователями методики работы с предметами из кости и рога могут служить основательной базой для дальнейшей систематизации элементов орнамента и изучению инструментов их нанесения. Помощь в разработке классификации орнамента могут оказать издания, посвященные истории и типологии орнамента (Фокина, 2000, с.5–10) и справочники, разработанные для музейных работников (Система научного..., 2003, с.389–391). В данных изданиях приводится система разделения декора по характеру изображения, описываются основные составные элементы орнамента.

Продемонстрировать базовые элементы, являющиеся типичными для местного косторезного производства, лучше всего можно на группе *предметов туалета и украшений*: гребни, копоушки, пуговицы, подвески (Ленц, 2002, с.229).

В изделиях из кости и рога данной группы встречаются два основных типа декора: геометрический орнамент и изобразительные мотивы, выполненные в различных техниках художественной резьбы.

Техника художественной резьбы, наиболее подходящим материалом для которой служит кость (Виды..., 1959, с.239), на местных изделиях представлена двумя видами: контурная резьба (гравировка) и прорезная или ажурная резьба. Техника контурной резьбы характерна для геометрического орнамента, охватывающего все группы косторезных изделий. Ажурная резьба представлена относительно небольшими по сравнению с общим количеством костяных и роговых предметов категориями зооморфных гребней и копоушек. В технике прорезной резьбы выполнены зооморфные изображения на верхнем крае гребня и небольшие детали на копоушках.

Из предметов туалета и украшений наиболее разнообразной по декору является группа гребней, которая подразделяется по количеству составных частей (цельные/ составные) и рядов зубьев (односторонние/ двухсторонние).

Цельные односторонние гребни с зооморфными мотивами на спинке наиболее характерны для населения Пермского Предуралья (Материальная культура..., 2010, с.150). Гребни выполнены из роговых пластин и имеют отверстие для подвешивания. Верхний край пластины украшен парными изображениями животных, которые исследователями определяются как силуэты коней, куниц или соболей (Ленц, 2002, с.234). Более крупные изображения трактуются как фигуры медведя или лося (Крыласова, 2007а, с. 249–250).

В зооморфном декоре прослеживаются два основных мотива. В первом варианте (рис. 1/1, 4, 5, 7) на спинке располагаются прорезные силуэты двух обращенных друг к другу животных. Второй вариант расположения (рис. 1/6, 8; рис. 2/10) – головы животных (коней) обращены в противоположные стороны.

По форме гребни условно можно разделить на близкие к трапеции и прямоугольнику (Материальная культура..., 2010, с. 249). Вне зависимости от формы, расположение самих животных на гребнях схожее. Композиционно фигуры направлены вверх, навстречу друг к другу, соединяясь передним лапами.

Характерной особенностью гребней с первым вариантом расположения зооморфных изображений служит геометрический орнамент, заполняющий большую часть роговой пластины. Сам декор, нанесенный в технике гравировки, орнаментальными полосами или сетками (равномерное заполнение поверхности орнаментом), образует косую решетку, составленную из чередующихся заштрихованных и «пустых» треугольников (вариант негативно-позитивного

орнамента), или элемента «чешуйка» (рис.3/2: 6, 16). Н.Б. Крыласова отмечает особенность расположения этих элементов на некоторых гребнях. Так, на одной стороне гребня, как правило, помещен чешуйчатый орнамент, а с другой стороны – «негативно-позитивный» (Материальная культура..., 2010, с. 151).

Еще один вариант орнамента – сетка, образованная повторяющимся элементом «флажок». На гребне с Саламатовского городища (рис. 1/1) этот элемент с двух сторон гребня образует орнаментальные полосы. С одной стороны орнамент дополнен арочными (чешуйчатыми) элементами, с другой стороны дополнительный декор образует трехъярусную пирамиду из флажковых элементов, схожих с элементами на гребне из Старой Ладogi (Кондратьева, 2011, рис. 4).

Базовые элементы геометрического орнамента («чешуйка» прямолинейные элементы, сетка из заштрихованных треугольников) данного типа односторонних гребней и их размещение на пластине объединяют изделия с различных территорий, населенных финно-уграми: Прикамье, Башкирия, центральная Россия (рис. 1/1, 2, 4, 5, 7). Сходство композиционно-стилистического оформления рассматриваемого типа гребней отмечала О.А. Кондратьева (Кондратьева, 2011, с. 23–24). По находкам с данных территорий можно говорить об определенной целостности в орнаментике изделий из кости и рога финских племен, что подтверждается при рассмотрении декора других категорий предметов.

При рассмотрении отличий орнаментики одной стороны от другой в гребнях с изображением двух обращенных друг к другу животных в полный рост, сделать выводы о наличии определенной закономерности в финно-угорском косторезном производстве пока не представляется возможным.

Второй распространенный вариант размещения на гребне (компоновки) зооморфного декора – *две обращенные в противоположные стороны головки коней*. Подобные изделия близки друг другу по форме, но имеют свои особенности по степени стилизации и трактовки головок коней (подгруппа 2 по предложенной Н. Б. Крыласовой классификации (Крыласова, 20076, с. 75–77)).

В данной группе гребней элементы контурной резьбы представлены более широким вариативным рядом элементов декора и их сочетаний. Линейный орнамент представлен прямолинейными и чешуйчатыми элементами. Поперечные орнаментальные пояски составлены из различных комбинаций горизонтальных и наклонных линий (выстроены по типу плетенки, ломаной линии, волны), негативно-позитивным мотивом (зигзаги, ромбы, зубчатые линии, выстроенные из гладких и заштрихованных треугольников) и горизонтальными линиями с насечкой. Чешуйчатые элементы выстраиваются по типу сетки в несколько ярусов. Сочетания первого и второго типов на гребнях образуют отдельные горизонтальные полосы «чешуйчатых» элементов и заполненных треугольников (рис. 1/6).

Еще одна особенность данной группы односторонних цельных гребней – наличие орнаментальных полос с насечками вдоль шей коньков, напоминающих стилизованное изображение гривы (рис. 1/6, 8).

Набор базовых элементов будет однороден для местных изделий и находок с чепецких городищ. О полном совпадении говорить невозможно, т. к. не встречено примеров полностью совпадающих по основным мотивам и расположению орнамента. Но сохраняется однородность мотивов. В целом, гребни с различных территорий вписываются в общую стилистику косторезного промысла финно-угров.

Более простая по способам декорирования группа изделий – *арочные односторонние гребни* (рис. 2/12, 14, 15, 17-19). Для них характерна стандартная форма в виде полуовала с небольшим расширением книзу у окончания зубьев. На небольшом расстоянии от верхнего края имеется отверстие для подвешивания. Декор арочных гребней представлен различными сочетаниями элементов циркульного орнамента (рис.3/3: 1, 2, 4), состоящих из одной или двух окружностей с точкой посередине. Циркулярный («глазковый») орнамент не несет какой-либо этнической окраски. Рыбаков определяет его как «наиболее употребляемый орнамент для костяных изделий всех народов во все времена» (Рыбаков, 1948, с.414). В местных изделиях циркульные элементы также появляются в декоре рукоятей, амулетов – подвесок, разновидностей цельных двухсторонних гребней, составных расчесок и других изделий.

Наиболее типичная комбинация для арочных гребней – расположенные в ряд на одной линии три циркульных элемента с одинарной, реже с двойной окружностью. Еще один распространенный вариант – три группы из трех «глазковых» элементов с одной окружностью. Элементы в группе образуют пирамидку (рис. 2/15, 17, рис.3/3: 2). Встречаются гребни, где циркульные элементы заполняют всю поверхность костяной пластины (рис. 2/14, 18). Элементы распределяются равномерно по сетке или повторяют силуэт предмета.

Составные односторонние гребни (расчески) представлены небольшими изделиями из рога с футлярами (рис. 2/1–7), состоящими из орнаментированных накладок, полукруглых в сечении. Гребни декорированы геометрическим линейным орнаментом, в котором наиболее характерным элементом можно назвать косую решетку (рис. 2/4–6), образованную пересечением сдвоенных наклонных линий. Её место мог занимать зигзагообразный элемент, также из двойных линий (рис. 2/1, 3). Эти элементы обрамлялись вертикальными линиями, образующими орнаментальные полосы.

На расческе второго типа из Рождественского городища (рис. 2/2) накладки орнаментированы двумя аналогичными группами, напоминающими элемент «ёлочка» из двойных линий (рис.3/ 2: 14).

Цельные двухсторонние гребни (рис. 2/8, 11, 13, 16) подразделяются на *прямоугольные* различных пропорций: узкие, широкие, и гребни, у которых ширина значительно превышает высоту, и *трапецевидные* (Крыласова, 2007а, с.275-279). Каждая группа двухсторонних гребней отличается лаконичным декором и небольшим набором элементов орнамента.

Для большинства двухсторонних гребней определяющим является наличие прочерченных вдоль начала зубьев линий, от одной до четырех (рис.3/2: 2). На узких (вытянутых по высоте) гребнях горизонтальные линии дополнены двумя рядами циркульных элементов ближе к центру пластины.

Трапецевидные гребни отличаются большим разнообразием декора. Помимо вариантов с прочерченными вдоль основания зубьев линиями, встречается мотив, где горизонтальные линии дополнены насечками. Направленные внутрь и расположенные в шахматном порядке, насечки и продольные линии образуют подобие шнурового орнамента (рис. 2/8; рис.3/ 2: 4).

Из группы *составных двухсторонних гребней* найден небольшой трапецевидный гребень с орнаментированными накладками и фрагмент прямоугольного гребня. В первом изделии – поверхность накладки покрыта замысловатым орнаментом из заштрихованных треугольников, вертикальных линий и четырех «глазковых» элементов. На фрагменте с накладкой виден ряд круглых элементов. По форме накладки (трапецевидной в сечении) и декору

фрагмент прямоугольного наборного гребня аналогичен изделиям, найденным при раскопках древнерусских городов (Кондратьева, 2011, рис. 28/1,2; рис. 31).

Еще одна распространенная категория предметов туалета для ломоватовско-родановских памятников – *копоушки*, которые по набору элементов геометрического орнамента, изобразительного декора и видам резьбы близки к односторонним цельным роговым гребням с зооморфными изображениями на спинке. Для копоушек типичен тот же набор базовых элементов: «чешуйки», заштрихованные треугольники, «флажки», косая решетка, «ёлочка», зигзагообразные линии и «плетенки», насечки, точечные и циркульные элементы. Небольшие детали зооморфного декора в виде стилизованных звериных голов с «ушками» (Материальная культура..., 2010, с.164), выполненные в технике контурной резьбы с небольшой моделировкой объема, также отсылают нас к гребням с зооморфным декором на спинке.

При сравнительном анализе копоушек местного происхождения и находок с чепецких памятников, прослеживаются аналогии по композиционному строю и набору базовых элементов (рис. 1/12–25). Так, типичным будет орнамент из двух симметрично расположенных рядов заштрихованных треугольников, иногда дополняемых продольными линиями или линиями с насечками, образующими «шнур» (рис. 1/12–16). Отдельные экземпляры будут почти идентичны. В построении орнамента преобладает зеркальная симметрия с осью, проходящей вдоль изделия (посередине), что было отмечено и для чепецких костяных изделий (Арматынская, 1995, с. 86).

Еще один объединяющий фактор – широкое применение элементов «флажок» и «чешуйка» (рис. 1/12, 18–20, 22–25). Элемент «флажок» присущ костяным изделиям финно-угорских народов разных территорий, охватывая не только Прикамье, но и территории центральной России (Фехнер, 1963, с. 40–42). Например, орнаментация копоушек из ярославских курганов (Фехнер, 1963, рис. 23/1–9) будет идентична изделиям с городища Иднакар (Иванова, 1998, рис.67–68). Сам флажковый элемент на представленных находках стандартен, образован двумя деталями – флажками, совмещающимися при повороте на 180°.

В целом по материалам городища Иднакар (Иванова, 1998, рис. 67–68) можно обозначить стремление к графичности и интерес к позитивно-негативным мотивам и элементам, работающим на контрасте гладкой и заштрихованной поверхности. В копоушках ломоватовско-родановских памятников прослеживается стремление к легкости в декоре и частое обращение к мотиву «ёлочка» (рис. 1/21).

После сравнения костяных изделий финно-угорского населения соседних территорий можно говорить о схожести орнаментации, близком наборе базовых элементов, их композиционном расположении. Декор отдельных типов копоушек аналогичен или полностью идентичен чепецким изделиям, но выделяются и местные особенности декора.

Элементы крепления костюма (пуговицы и подвески)

К предметам туалета и украшениям можно отнести и различные *пуговицы или застежки и приспособления* для ношения в костюме орудий труда (рис. 2/20–28). В этой группы предметов декор представлен контурной резьбой геометрических элементов.

На стержневые пуговицы с выемкой или отверстием посередине наносился линейный декор – вертикальные, опоясывающие по всей ширине изделия, линии. На пуговице из коллекции Теплоуховых (рис. 2/25) поверхности между линиями заполнены косой решеткой.

Многочисленны находки подвесок, предназначенных для крепления съемных деталей. К этой категории предметов относят подвески («костыльки») в виде плоских дугообразных планок или с плавным «М»-образным изгибом спинки (Материальная культура..., 2010, с. 137; Крыласова, 2007а, с.216–221). На внутренней стороне пластины «костыльков» в подтреугольном или подтрапецевидном выступе высверлено отверстие для подвешивания. Поверхности плоских планок, прямоугольных или трапецевидных в сечении, декорировались с двух сторон.

Гравированный декор представлен основными группами элементов геометрического орнамента: точки, прямые или изогнутые линии, циркульные элементы (рис.3/ 1: 1-4; 2: 5, 8, 9, 12; 3: 3). Точки могут образовывать небольшие скопления (Материальная культура..., 2010, рис. 84/24, 31), складываются в зигзагообразные (рис. 2/27) или изогнутые линии, повторяющие контур подвески.

Наиболее распространен орнамент из прямых линий – косая решетка (рис. 2/21), зигзагообразные элементы, образованные секторами одинарной линии (рис. 2/24), комбинациями наклонных линий, близкие к мотиву плетенки (рис. 2/22, 23, 26, 28). Мотив плетенки мог обрамляться линией, повторяющей контур предмета.

Кружковые элементы на предметах располагаются по линии контура изделий (Материальная культура..., 2010, рис. 84/28–29), либо достаточно плотно покрывают всю плоскость (Материальная культура..., 2010, рис. 84/30).

Изучение особенностей орнаментации категорий предметов туалета и украшений показало распространение геометрического прямолинейного орнамента, как основного вида декорирования. Широко применялись элементы косой решетки, ломаной линии, плетенки, шнурового мотива и другие комбинации линейного орнамента. В цельных двухсторонних гребнях линейный орнамент мог дополняться циркульными элементами, что возможно связано с применением одного инструмента для их нанесения (двузубца). Для арочных односторонних гребней характерны различные вариации циркульного орнамента.

По рассмотренной выше группе предметов можно выделить и другие особенности декора: на изделиях присутствуют два вида художественной резьбы и соответствующие им виды декора – контурный (нанесение геометрического орнамента) и прорезной (изобразительные зооморфные мотивы). При этом контурный декор будет присутствовать на подавляющем большинстве орнаментированных изделий, а прорезной – только на двух категориях предметов (зооморфные гребни и копоушки).

Геометрический орнамент во многом является определяющим для костяных изделий. При его систематизации базовые элементы можно разделить на три основные группы: точечный, линейный и циркульный орнамент. Причем преобладающей будет линейная группа, к которой относятся наиболее часто используемые мотивы «косая решетка», «поперечные (горизонтальные) линии», «чешуйки», различные комбинации заштрихованных треугольников и т. д.

Следует отметить, что по характеру орнаментации рассматриваемая группа предметов близка костяным изделиям чепецких городищ. Проводя аналогии с категориями предметов туалета и украшений, по материалам О.В.Арма тынской (Арма тынская, 1995, с. 84–97) и М.Г. Ивановой (Иванова, 1998, с. 155–195), было замечено, что декор копоушек подобен находкам с гор. Иднакар. По набору базовых элементов близка и орнаментика зооморфных гребней. Но при сходстве декора отдельных категорий нельзя говорить о полной идентичности орнамента резной кости чепецких и ломоватовско-родановских памятников.

В целом, можно отметить постоянство основных мотивов декора средневековых костяных изделий финно-угорского населения Удмуртии и Пермского Предуралья, что прослеживается на зооморфных гребнях и копоушках. На средневековых изделиях Пермского Предуралья выделяются и свои отличительные особенности, что связано с наибольшим распространением мотива косой решетки и «ёлочки».

Литература:

- Арматынская, 1995.* – Арматынская О.В. Орнамент резной кости чепецких городищ // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. – Ижевск, 1995. – С.84–97.
- Бочаров, 1969.* – Бочаров Г.Н. Прикладное искусство Новгорода Великого. – М.: Наука, 1969. – 256 с.: ил.
- Виды..., 1959.* – Виды изобразительного искусства / К.П. Духанин, Ф.И. Егоров, Б.П. Лукинов, К.М. Седов, Я.Я. Чарнецкий. – Л.: УЧПЕДГИЗ, 1959.
- Голубева, 1979.* – Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. – М., 1979. – ЕІ-59 – 112 с.
- Давидан, 1962.* – Давидан О.И. Гребни Старой Ладogi.//АСГЭ. – Л.: ГЭ, 1962. – Вып. 4. – С. 95–108.
- Давидан, 1966.* – Давидан О.И. Староладогские изделия из кости и рога. // АСГЭ, вып. 8, Л., 1966. – С. 103–115.
- Давидан, 1968.* – Давидан О.И. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладogi // АСГЭ. – 1968. – №10. – С. 54–63.
- Закирова, 1988.* – Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1988. – С. 220–243.
- Иванова, 1998.* – Иванова М.Г. Иднакар. Древнеудмуртское городище IX XIII вв.: Могография. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 294 с.: ил.
- Изюмова, 1949.* – Изюмова С.А. Техника обработки кости в дьяковское время и в древней Руси // КСИИМК. –М.-Л.: АН СССР, 1949. – Вып. 30. – С. 15–25.
- Колчин, 1958.* – Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // СА – 1958. – №2.– С. 92–111.
- Кондратьева, 2011.* – Кондратьева О.А. Гребни IX-XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси – России. Археологические и этнографические очерки. Российский этнографический музей. – СПб., 2011. – 244 с.: ил.
- Крыласова, 2004.* – Крыласова Н.Б. Гребни из материалов Рождественского городища на р. Обва как показатель этнокультурных связей // Путиями средневековых торговцев. – Пермь: ПГПУ. – С.47–57.
- Крыласова, 2007а.* – Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья: монография. – Пермь: ПГПУ, 2007. – 352 с.: ил.
- Крыласова, 2007б.* – Крыласова Н.Б. Зооморфные роговые гребни в материальной культуре севера Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2007. – № 1(29) – С. 73–80.
- Ленц, 2002.* – Ленц Г.Т. Косторезное производство в Верхнем Прикамье // Очерки археологии Пермского Предуралья: Учебное пособие для студентов и аспирантов. – Пермь: ПГПУ, 2002. – С. 217–242.
- Ленц, 2004.* – Ленц Г.Т. Гребни городища Анюшкар // Путиями средневековых торговцев. – Пермь: ПГПУ, 2004. – С.58–77.

- Материальная культура...*, 2010. – Материальная культура средневекового Предуралья. Учебное пособие. Ч. I. Культура жизнеобеспечения / Н.Б. Крыласова, Ю.А. Подосенова. – Пермь: ПГПУ, 2010. – 183 с., ил.
- Рыбаков, 1948.* – Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. – М.: АН СССР, 1948. – 793 с.: ил.
- Рыбина, 1997.* – Рыбина Е.Н., Розенфельд Р.И. Гребни, расчески // Археология СССР. Древняя Русь. Быт и культура. – М., 1997. – С. 19–22.
- Система научного...*, 2003. – Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология. Справочник. – СПб.: Арт-люкс, 2003. – 408 с.
- Фехнер, 1963.* – Фехнер М.В. Изделия косторезного производства // Ярославское Поволжье X–XI вв. – М., 1963. – С.39–42.
- Флёрова, 1998.* – Флёрова В.Е. Орнаментированные костяные изделия Саркела-Белой Вежи: проблема специализации ремесла // РА. – 1998. – №2. – С. 86–99.
- Флёрова, 2001.* – Флёрова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: Искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного эрмитажа. – СПб.: «Алетейя», 2001. – 352 с.: ил.
- Фокина, 2000.* – Фокина Л.В. Орнамент. Учебное пособие. – Ростов н/Д.: «Феникс», 2000. – 96 с.: ил.
- Шовкопляс, 1954.* – Шовкопляс А.М. Некоторые данные о косторезном ремесле в древнем Киеве // КСИА АН УССР. –1954 – Вып. 3. – С. 27–32.

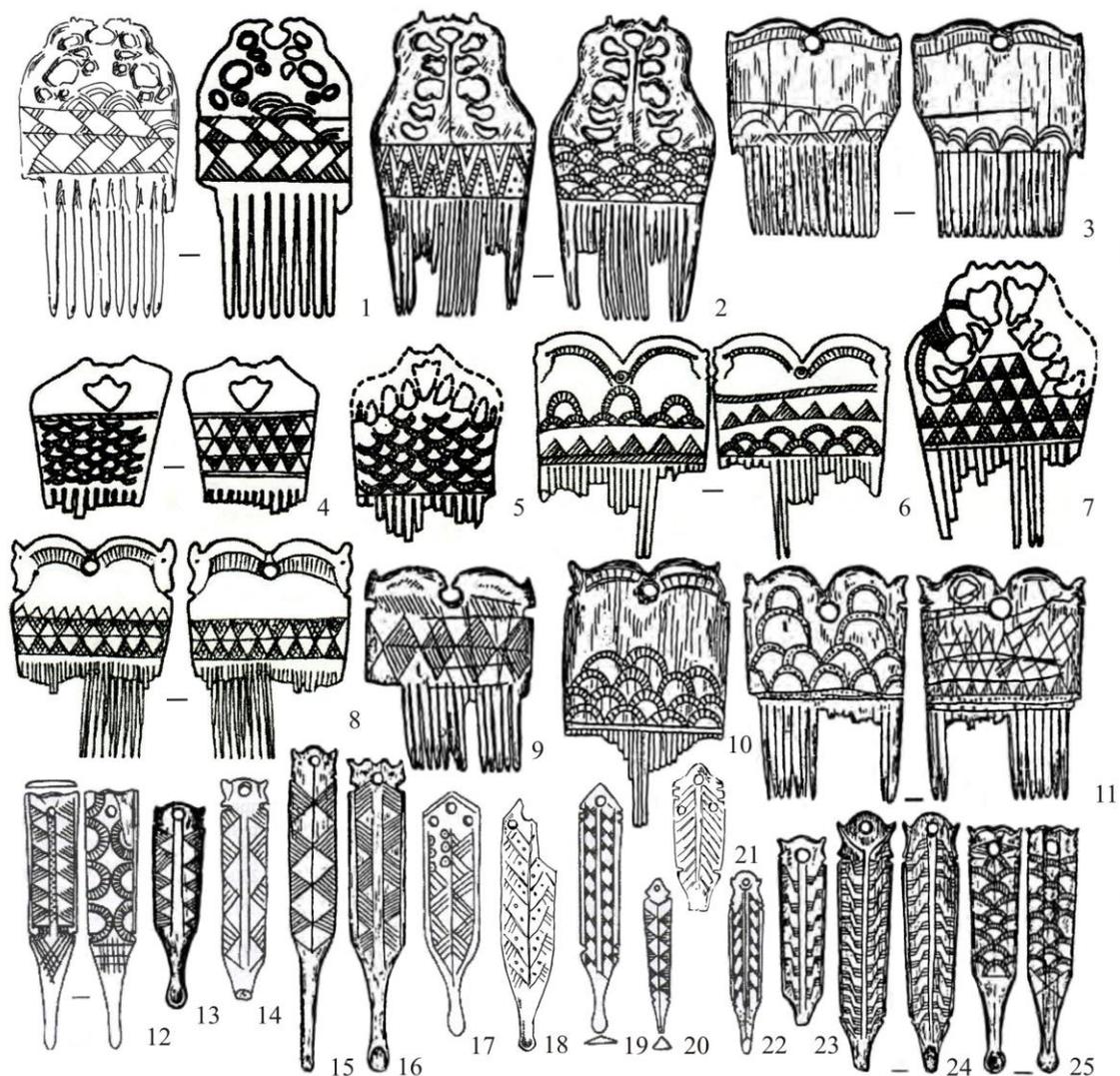

Рис. 1. Гребни (1-11), Копыушки (12-26). 1 – Соломатовское г., 2,3,9-11,13,15,16,23-25 – Юднакар, 4 – Редикарский м., 5,7 – Плесинский м., 6 – Лаврятское гор., 8 – Баяновский м., 10 – Лаврятское гор., 14,19-21, 22 – Рождественское гор., 18 – Кудымкарское гор.

Рис. 2. Гребни (1-18), Пуговицы (25), «Костыльковые» подвески (20-24, 26-28). 1-3, 9, 17, 24, 28 – Рождественское гор., 4-8, 11-13, 15, 18-21 – Анюшкар, 10, 14, 16, 22, 26 – Кудымкарское с., 23, 25 – Кудымкарское гор., 27 – Саламатово гор.

1. точечный				
2. линейный				
3. циркулярный				

Рис.3. Таблица базовых элементов геометрического орнамента. 1 – точечный, 2 – линейный, 3 – циркулярный

Моряхина К.В.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь)

ПЕРСТНИ-«КОЛПАЧКИ» С ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ*

* Статья подготовлена в рамках Технического задания НИР "Ремесло Пермского Предуралья в эпоху средневековья" в соответствии с Задаaniem Минобрнауки № 33.1091.2014/К на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности.

Ключевые слова: археология, перстни, средневековье, Пермское Предуралье

В данной статье представлен анализ перстней-«колпачков»: техника изготовления, датировка, социальная значимость. Перстни такого типа датируются X-XI вв. и являются хронологическим маркером для средневековых памятников Пермского Предуралья.

Moriakhina K.V.

(Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm)

«HEMISPHERE» RINGS FROM THE PERM CIS-URALS

Keywords: archeology, rings, Middle Ages, Perm Cis-Urals

This article analyses "hemisphere" rings: their production technique, chronology, social significance. Rings of this type date back to the 10 – 11th centuries and serve as a chronological marker for medieval sites of the Perm Cis-Urals.

Перстни со щитком в виде полусферы, как правило, в публикациях встречаются под названием «колпачки». Свое название они получили из-за формы щитка и из-за того, что дужка часто не сохраняется.

Перстни-«колпачки» (рис. 1) являются самым распространенным типом перстней в Пермском Предуралье в эпоху средневековья. Они были обнаружены в количестве 57 экз. на таких памятниках, как Агафоновский II, Бояновский, Огурдинский, Рождественский, Степаново Плотбище, Телячий Брод могильниках. Перстни датируются X–XI вв.

Стоит отметить, что на данный момент памятники X–XI вв. в Пермском Предуралье более полно изучены в сравнении с другими этапами средневековья. Возможно, именно, перстни-колпачки статистически преобладают над другими типами перстней.

Конструктивные части и декоративные элементы изделий изготавливались по отдельности и скрепляются путем пайки (рис. 2). Щиток представляет собой полусферу из тонкой серебряной фольги, полученной путем дифовки предварительно вырезанной пластины из листа металла. Полусфера припаивалась к тонко прокованной из медного сплава пластине – основе щитка. Полусфера украшалась по периметру зерно-сканным декором, и на вершине ее размещается вставка. Вставка крепилась при помощи мастики. В качестве вспомогательного элемента для крепления вставки припаивалась тонкая пластина, которая устанавливалась перпендикулярно щитку и концы ее загибались, или рубчатая проволока. На некоторых перстнях щиток покрывался золочением.

Треугольники зерни (из 6–15 зерен), составляющие основную композицию, крепились по 3–4 штуки на полусфере основанием к вставке и по краям полусферы основанием к краю. Традиция украшения изделия пирамидками зерни в Пермском Предуралье появилась еще в VIII–IX вв. и получила наибольшее распространение в X – нач. XI вв. В период рассвета такого способа декорирования увеличивается максимальное количество зерен в пирамидках с 10 до 25. По мнению Ю.А. Подосеновой, пирамидки изготавливались из отдельных зерен, а не отливались целиком, как считают некоторые исследователи (Подосенова, 2014, с. 37–38).

Основание полусферы по месту припоя украшала филигрань (торсированная или рубчатая (штампованная) проволока). Штампованная проволока изготавливалась путем накладывания штампа с прямыми насечками на проволоку. Такая проволока на перстнях-«колпачках» использовалась редко, чаще встречаются изделия торсированная проволока, т.е. скрученная вокруг своей оси. Стоит подчеркнуть, что сканная (витая из двух или более заготовок) проволока на рассматриваемых изделиях не встречается. На это указывает то, что при осмотре проволоки под увеличением отсутствуют микрощели, характерные для скани, и в тоже время заметно, что витки в проволоке продолжают, переходят друг в друга, как это бывает на торсированной проволоке (Подосенова, 2014а, с. 41–42). Подтверждается это и проведенным микроструктурным анализом (Моряхина, 2015, с. 151).

Таким образом, при помощи зерни создавался основной узор, а филигрань играла вспомогательную роль.

Шинки таких перстней могли изготавливаться из серебра или из сплава на основе меди. Последние обычно не сохраняются или представлены в виде тлена. Поэтому часто в ходе раскопок обнаруживали только сам щиток-«колпачок», и долгое время исследователи не могли понять назначение этого украшения. И только раскопки на Рождественском и Огурдинском могильнике, где были найдены части перстней, изготовленные из медесодержащего сплава, позволили установить назначение серебряных «колпачков». По этим находкам можно сделать вывод о том, что шинка перстня была образована парой дужек (т.е., кольцо было разъемным), в виде вытянутой подтреугольной пластины, широкая часть которой была отогнута под углом и раскована для припаивания к пластинчатой основе перстня (рис.1/3–4) (Белавин, Крыласова, 2008, с. 369).

Позже на Огурдинском и Бояновском могильниках были найдены и серебряные шинки. Они отливались отдельно, как правило, в виде стержня, которому потом придавалась форма пальца. Окончания, припаиваемые к основе, дополнительно проковывались, исключение составляет один перстень из погребения 118 Бояновского могильника, у которого концы шинки сохранили круглое сечение. Шинка украшалась редко, только на Огурдинском могильнике был найден перстень, у которого она была декорирована имитацией косички и по месту припоя – треугольником зерни из трех зерен (рис.1/5).

Основным материалом для изготовления щитка перстей-«колпачков» было серебро. В качестве вставки использовались стекло синего или красного цветов, реже – сердолик. Диаметр щитка в форме полусферы варьируется от 15 до 28 мм.

Перстни-«колпачки» можно разделить на два варианта по размерам щитка и оформлению треугольников зерни. Ранее это было предложено Н.Б. Крыласовой по материалам раскопок Рождественского археологического комплекса [Белавин, Крыласова, 2008, с. 369].

Вариант 1 (цв. вклейка – 1–3) – Перстни со щитком диаметром 15–22 мм. На перстнях данного варианта пирамидки зерна складывались из 6 или 10 зерен. Причем могло комбинироваться их количество: верхний ряд – 6, нижний – 10. Дужка чаще всего изготавливалась из серебра. Обнаружены на Бояновском (22 экз.), Огурдинском (3 экз.), Рождественском (4 экз.), Степаново Плотбище (11 экз.) могильниках.

Вариант 2 (цв. вклейка – 4) – Перстни со щитком диаметром 22–28 мм. На щитках-«колпачках» данного варианта пирамидки зерна складывались их 15 зерен. Иногда в нижний ряд вставлялся дополнительный элемент – пирамидка из трех зерен. Возможно, это было причиной увеличения размеров полусферы. Щиток мог быть покрыт золочением. Шинка таких перстей сохраняется редко, вероятно, она было изготовлена из сплава на основе меди (медь в отличие от серебра сильнее поддается коррозии). Обнаружены на Агафоновском II могильнике (2 экз.), Огурдинском (4 экз.), Рождественском (6 экз.), Телячий Брод (1 экз.) могильниках.

Возможно, эти варианты имеют разную датировку и представляют собой эволюцию развития (увеличения декоративных элементов) перстней-«колпачков». Так, вариант 1 может датироваться X веком, исходя из датировки Бояновского могильника, на котором они встречаются чаще всего, и датировки погребений (92, 161, 167) Рождественского могильника – первая половина – конец X в. (Крыласова, 2013, с. 104-115). Вариант 2 может датироваться концом X – XI вв., исходя из датировки погребений (34, 91, 102, 133, 213) Рождественского могильника (Крыласова, 2013, с. 104-115).

Перстни-«колпачки» встречаются как в женских, так и мужских погребениях. Примечательно, что в детских погребениях они не обнаружены.

Данные изделия, возможно, изготавливались серийно (не под заказ) либо могли передаваться между членами семьи. Так, например, на Бояновском могильнике в женском погребении был обнаружен перстень, на шинку которого был намотан шнурочек (цв. вклейка – 1), использовавшийся, скорее всего, для того, чтобы украшение не соскальзывало с пальца.

Н.Б. Крыласова акцентирует внимание на то, что перстни-«колпачки» относятся к предметам, подчеркивающим высокий социальный статус его обладателя (Крыласова, Подосенова, 2008, с. 136). Анализ сопутствующего материала показал, что в мужских погребениях такие перстни часто встречаются вместе с предметами вооружения (саблями, наконечниками копий), серебряными погребальными масками, с подвесками «Пермский всадник», в женских – с «рядовым» набором шейно-нагрудных украшений. Поэтому, вероятно, перстни-«колпачки» подчеркивали высокий социальный статус только лиц мужского пола.

В Пермском Предуралье встречаются и другие типы перстней со щитком, украшенным зерно-сканым декором, но отличающиеся по общей форме щитка и технике изготовления (Белавин, Крыласова, 2008, с. 369).

В целом подобная композиция из зерно-сканного декора и общая форма изделий характерны и для других серебряных украшений с памятников Пермского Предуралья X–XI вв. – бус и привесок (Белавин, Крыласова, 2012, рис. 60–61), что подчеркивает типичность такого оформления для рассматриваемой территории.

Перстни со щитком в виде полусферы, украшенные зернью, встречаются и в Волжской Булгарии, где датируются XII–XIII вв., и в курганах Волго-Клязьменского междуречья (Руденко, 2015, с. 160–161; Седов, 1982, табл. LIX/28). Но эти украшения по оформлению щитка и технике изготовления отличаются от

перстней из Пермского Предуралья, и не имеют с ними общего происхождения. Аналогичные «колпачки» встречаются в вымских могильниках, но там они были обнаружены в районе грудной клетки, и интерпретируются исследователями как подвески (Савельева, Королев, 2011, рис. 3/4).

Таким образом, перстни-«колпачки» являются характерными для Пермского Предуралья, и выступают в качестве хронологического маркера. Данные перстни – это изделия местного производства, и анализ техники их изготовления свидетельствует о высоком уровне ювелирного производства и разнообразии применяемых техник.

Литература и источники:

- Белавин, Крыласова, 2008.* – Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск – Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН. – 603 с.
- Белавин, Крыласова, 2012.* – Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник – Пермь: ПГПУ, 2012. – 258 с.
- Крыласова, 2013.* – Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета.– Пермь, 2013. – История. Вып. 1(21). – С.104–115.
- Крыласова, Подосенова, 2008.* – Материальная культура средневекового Предуралья. Учебное пособие. Ч.1. Культура жизнеобеспечения / Н.Б.Крыласова, Ю.А.Подосенова. – Пермь: ПГПУ, 2008. – 183 с., ил.
- Моряхина, 2015.* – Моряхина К.В. Предварительные результаты металлографического исследования перстней со средневековых памятников Пермского Предуралья // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы III Международной конференции молодых ученых. – М.: ИА РАН, 2015. – С.148–151.
- Подосенова, 2014.* – Подосенова Ю.А. Зернь и скань в ювелирных изделиях Пермского Предуралья эпохи средневековья // Вестник Пермского университета. – Вып. 1. – Пермь, 2014. – С.36–43.
- Подосенова, 2014a.* – Подосенова Ю.А. К вопросу об атрибуции филигрانی ювелирных изделий Пермского Предуралья эпохи средневековья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции.– Пермь: ПГПУ, 2014. – Вып. IX. – С.40–43.
- Руденко, 2015.* – Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. – Казань: Заман, 2015. – 528 с.
- Савельева, Королев, 2011.* – Савельева Э.А., Королев К.С. Торгово-экономические связи Перми вычегодской с Волжской Булгарией // Известия Коми НЦ УрО РАН. – №3. – Сыктывкар, 2011. – С.89–97.
- Седов, 1982.* – Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв.– М.: Наука, 1982. – 328 с.

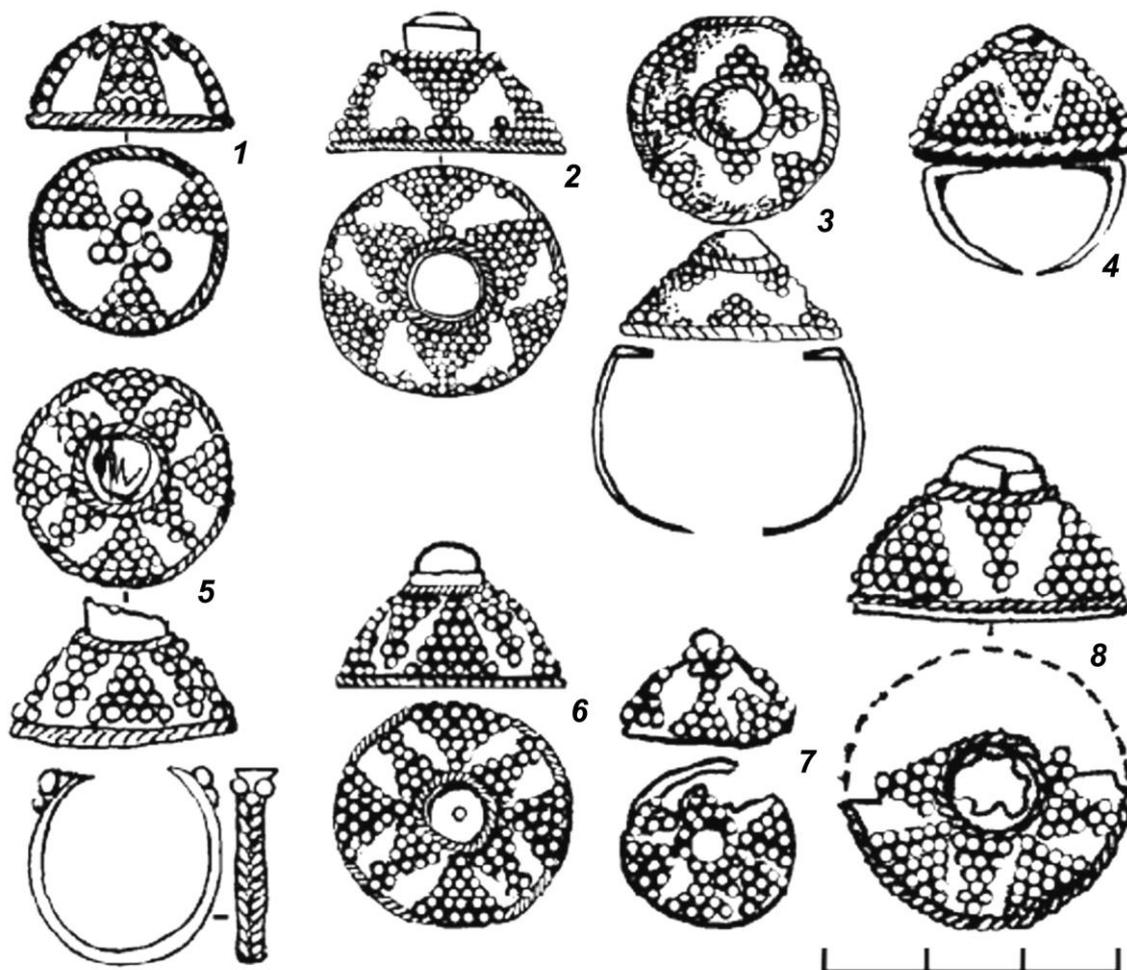

Рис. 1. Перстни-«колпачки» из Огурдинского могильника (ил-ии по Н.Б. Крыласовой)

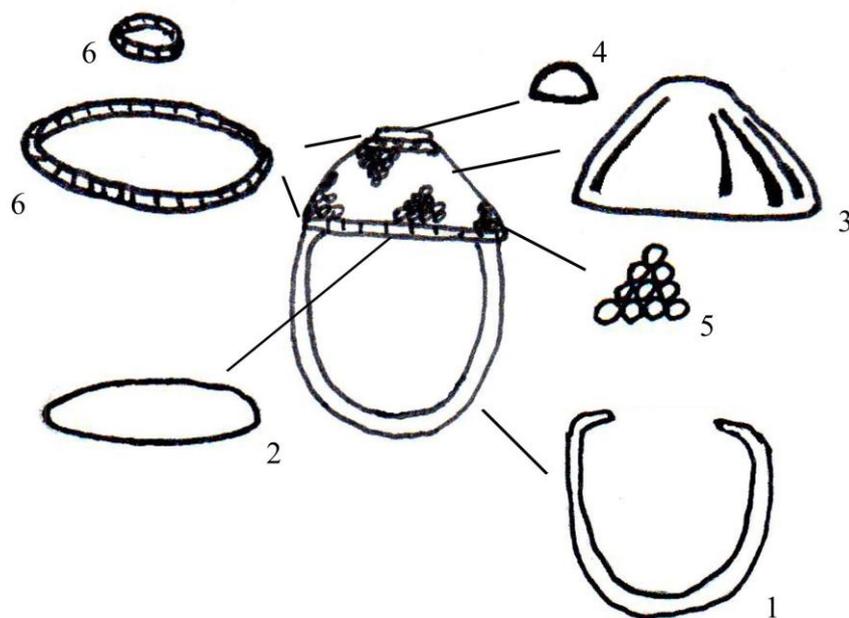

Рис. 2. Схема изготовления перстней-«колпачков»: 1 - шинка, 2 - медная пластина – основа щитка; 3 - тесненная полусфера; 4 - стеклянная или сердоликовая вставка; 5 - пирамидки зерни; 6 - торсированная проволока

Вострокнутов А.В.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)

**ПОДВЕСКИ С ПРЯМОУГОЛЬНОЙ ОСНОВОЙ И ЯКОРЬКОВЫЕ
ПОДВЕСКИ КАК РОДСТВЕННЫЕ ГРУППЫ УКРАШЕНИЙ
РОДАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ***

*Статья подготовлена в рамках Технического задания НИР "Ремесло Пермского Предуралья в эпоху средневековья" в соответствии с Задаaniem Минобрнауки №33.1091.2014/К

Ключевые слова: якорьковая подвеска, подвеска с прямоугольной основой, биякорьковая подвеска, родановская культура

В статье рассматриваются шумящие украшения родановской археологической культуры: подвески с прямоугольной основой и якорьковые подвески. Производится их картографический анализ. Автор приходит к выводу, что наиболее характерные для родановской культуры биякорьковые подвески являются результатом синтеза якорьковых и прямоугольных подвесок с двумя кольцами для подвешивания

Vostroknutov A.V.

(Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm)

**RECTANGULAR BASE PENDANTS AND ANCHOR-SHAPED PENDANTS AS
ALLIED GROUPS OF ADORNMENTS FROM THE RODANOVSKAYA
CULTURE**

Keywords: anchor-shaped pendant, rectangular base pendant, bi-anchor-shaped pendant, Rodanovskaya culture

The article deals with rattling adornments of the Rodanovskaya archaeological culture: rectangular base and anchor-shaped pendants. Cartographic analysis is presented. It is found out that bi-anchor-shaped pendants result from the synthesis of anchor-shaped pendants and rectangular base pendants with two rings for suspension.

Время бытования родановской археологической культуры (конец XI – XV вв.) привлекательно для исследования своей малоизученностью. Несмотря на многочисленные работы (А.А. Спицын, М.В. Талицкий, В.А. Оборин и т.д.) для этого периода в истории Пермского Предуралья до сих пор не разработана подробная хронологическая шкала. Это утверждение в полной мере применимо и к шумящим подвескам, которые со времен ломоватовской культуры являются наиболее яркими элементами материальной культуры Пермского Предуралья.

Среди шумящих украшений особенно выделяются биякорьковые подвески. Эти артефакты довольно многочисленны и разнообразны. Они отличаются от характерных ломоватовских украшений как внешне, так и по технике изготовления, о чем пойдет речь ниже.

В данной работе мы попытаемся доказать связь якорьковых подвесок, появившихся еще в ломоватовское время и приобретших «родановские» черты, с биякорьковыми украшениями через подвески с прямоугольной основой. Обратимся к классификации данных украшений.

Якорьковые подвески (27 экз.)

Эти украшения использовались, главным образом, в качестве крючков, с помощью которых подвешивались ножны и иные необходимые предметы: якорек закреплялся в петле из кожаного шнура на поясе или в другом месте костюма. Анализ этой группы украшений проведен Н.Б. Крыласовой (Крыласова, 2007, с.220–223). Интересно отметить, что аналогичные изделия из погребения 37 Чижтыгского могильника на р. Вычегде входили в состав наконечных украшений вместе с арочными подвесками (Истомина, 1992, рис. 1/13). Таким образом, родановские якорьки могли использоваться как приспособления для подвешивания к поясу и как части наконечников.

Тип 1 (18 экз.) Якорьковые подвески со стержнеобразным туловом

Вариант а) (3 экз.; рис. 1/1). Якорьковые подвески из проволоки, сложенной пополам, в месте перегиба образована петля, концы загнуты в форме «якорька». По краям основы прикреплены еще две петельки, на них имеются фрагменты щитковых цепочек с гладкими рельефными поясками. Привесок не сохранилось.

Подвески этого варианта обнаружены у д. Модороб и д. Иванчино, место находки еще одной не известно.

Вариант б) (4 экз.; рис. 1/2). Шумящие якорьковые подвески со стержневидным туловом, орнаментированным поясками гладкими или с насечками.

Снизу – три петли, расположенные треугольником, боковые – для крепления шумящих привесок, в качестве которых использованы бубенчики, тулово и шейка которых орнаментированы группами гладких и насеченных поясков. Привески прикреплены к основе при помощи звеньев цепочки с коническими щитками, покрытыми поясками гладкими и с насечками.

Подвески обнаружены в с. Усть-Нердва, на Вакинском селище, Рождественском городище, место находки одного украшения не установлено.

Вариант в) (2 экз.; рис. 1/3). Основа подвески – стержень, покрытый гладкими рельефными поясками (в одном случае), либо поясками гладкими и с насечками (во втором случае).

Привесками служат бубенчики с гладкими поясками, в одном случае они крепились непосредственно к основе, в другом посредством звена цепочки с гладкими рельефными поясками.

Данные украшения происходят из материалов с р. Иньвы и из коллекции М.Н. Зеликмана.

Тип 2 (2 экз.). Шумящие якорьковые подвески с туловом, украшенным умбонами из уложенной в спираль проволоки. Внизу основы 3 кольца: центральное для крепления каких-либо предметов, боковые – для привесок.

Вариант а) (1 экз.; рис. 1/4) С тремя умбонами, расположенными в виде треугольника вершиной вверх.

Подвеска снабжена привесками в виде гладких конических колокольчиков, украшенных группами гладких и насеченных поясков, которые прикреплены на цепочках из звеньев с прямоугольными щитками, покрытыми гладкими и насеченными поясками.

Подвеска обнаружена в д. Вакино.

Аналогичное украшение имеется в погребении 37 Чижтыгского могильника на р. Вычегде, датируемого Т.В. Истоминой концом XI – XII вв. (Истомина, 1992, с. 135, рис. 1/13).

Вариант б) (1 экз.; рис.1/5). С четырьмя умбонами, расположенными в форме ромба.

Подвеска снабжена гладкими коническими колокольчиками, прикрепленными на цепочках из звеньев с прямоугольными щитками, покрытыми гладкими и насеченными поясками.

Происходит из Роданова городища (Крыласова, 2007, рис. 91/31).

Тип 3 (7 экз., рис.1/6) – шумящие якорьковые подвески с туловом, напоминающим половинку пронизки с одним вздутием, покрытым поясками гладкими и с насечками, по бокам украшено шариками зерни. Внизу основы – 3 кольца.

Подвески сопровождалась привесками в виде колокольчиков с цилиндрическим туловом и цилиндрической шейкой, покрытыми гладкими и насеченными поясками, которые крепились на цепочках из звеньев с прямоугольными щитками, покрытыми гладкими и насеченными поясками.

Найдены на Рождественском городище (3 экз.), в бывш. Рождественской волости Соликамского уезда, у д. Чажегово, д. Ожегово, с. Верх-Боровское.

Аналогичная подвеска обнаружена в «кладе» на Ликинском могильнике на Среднем Урале (Могильников, 1991, рис. 1/5).

Датировка якорьковых подвесок. Учитывая привески и звенья цепей, которыми они прикреплялись к подвескам, можно было бы датировать родановские подвески–якорьки второй половиной XI – XIII вв. Н.Б. Крыласова считает, что верхняя дата шумящих якорьков не заходит позже XII в. (Крыласова, 2007, с. 223). На это указывает и тот факт, что в родановских могильниках XII – XIII вв. (Телячий брод, Антыбары) эти украшения не встречены. Таким образом, окончательно шумящие якорьковые подвески можно отнести ко второй половине XI – XII вв.

«Идея» шумящих якорьков получила продолжение в других наиболее характерных украшениях родановской культуры – биякорьковых подвесках.

Подвески с прямоугольной основой (70 экз.)

Подвески с прямоугольной основой единично встречались на территории Пермского Предуралья еще в ломоватовское время. Это были довольно легкие ажурные украшения, судя по оформлению, вероятнее всего, импортные.

Подгруппа 1 (9 экз.) – с двумя кольцами в верхней части щитка, предназначенными для шнура, который одевался на шею, либо (что менее вероятно) за эти кольца изделия пришивались к одежде. Родановские украшения данной группы немногочисленны. Среди имеющихся в нашем распоряжении изделий, мы можем выделить следующие типы:

Тип 1 (8 экз.; рис. 2/1). Основа (щиток) состоит из рядов тордированной проволоки, разделённых гладью. Под ними вдоль основания щитка располагается горизонтальный ряд крупных металлических шариков, окруженных сканой проволокой. Внизу основы – 4–5 проволочных колец для крепления привесок, пространство между которыми орнаментировано шариками крупной зерни. У верхних углов подвесок – два кольца для прикрепления шнура (либо, как в одном случае, – цепи). Верхний край подвесок декорирован столбиками из кусочков тордированной проволоки или приплюснутых шариков зерни.

Привесками данных подвесок служат бубенчики с гладкими поясками либо конусовидные колокольчики, покрытые гладкими поясками. Прикреплены они к основе при помощи цепочек из звеньев с прямоугольным щитком, покрытым гладкими рельефными поясками.

Материал изготовления – бронза.

Найдены у д. Харино, д. Михалёва (3 экз.), д. Данилова (2 экз.), на Агафоновском II, Рождественском могильнике, у одной подвески место находки не известно.

Тип 2 (1 экз.; рис. 2/2). Пропорции основы подвески более вытянутые по сравнению с вариантом а). В центре орнаментальной композиции щитка – «елочка» из пары торсированных проволок, обрамленная по периметру тордированной проволокой. У верхних углов подвески располагаются два кольца для крепления шнура, вдоль нижней границы щитка – 6 петель для привесок.

Привески имеют гладкое полое веретенообразное тулово.

Материал изготовления – бронза.

Найдена подвеска у д. Михалёва.

Датировка подвесок с прямоугольной основой и парой колец в верхней части щитка. Р.Д. Голдина и Т.К. Ютина датируют подвески типа 1 XI–XII вв. (Голдина, Ютина, 1987, рис. 2/116). Этому не противоречит находка подобной подвески на Рождественском могильнике, которая принадлежит к группе предметов конца XI в. (Крыласова, 2013). Звенья цепочек и привески, присутствующие в составе данных подвесок, соответствуют этой же дате.

Подвеска типа 2, судя по ее привескам, принадлежит к более позднему времени – XIII век.

Подгруппа 2 – биякорьковые подвески (61 экз.), которые, в отличие от вышеописанных подвесок с прямоугольной основой, для крепления шнура были снабжены не петлями, а крючками – «якорьками».

Само украшение можно разделить на три составные части: прямоугольная основа, два якорька, расположенные по бокам от нее, так, что их «рога» выступали по верхним углам подвески, и шумящие привески, которые крепились к петлям в нижней части основы.

У большей части биякорьковых подвесок, имеющих в нашем распоряжении, якорьки имеют дутое тулово, наподобие одноякорьковых подвесок типа 3. Реже встречаются простые прямые якорьки, напоминающие одноякорьковые подвески типа 1.

По особенностям оформления тулова якорьков можно выделить два основных типа биякорьковых подвесок:

Тип 1 – тулово якорьков вытянутое, без вздутий. Выделяется 6 вариантов изделий:

Вариант а) (4 экз.; рис. 3/1,2). Украшения имеют вытянутые якорьки, высоко выступающие над верхним краем прямоугольного щитка. Тулово якорьков перевито проволокой (как у одноякорьковых подвесок варианта с) типа 1), поверх которой у двух подвесок наложены небольшие умбоны.

Щитки, отличающиеся по пропорциям – менее вытянутые в стороны, составлены преимущественно из рядов тордированной проволоки, перемежающихся гладкой или торсированной проволокой. У одной из подвесок, имевшей на якорьках дополнительное украшение в виде умбонов, умбоны расположены также на верхнем крае щитка, очевидно, в первоначальном варианте их было три, и они были выстроены треугольником. Аналогичный треугольник из умбонов использован в декоративном оформлении ещё одной подвески, не имеющей аналогичных элементов орнамента на якорьках. В одном случае дополнительным элементом декора служили шарики зерни, расположенные по периметру щитка.

Колеч для привесок – пять. Привески сохранились только у трех подвесок данного варианта, они представлены бубенчиками, покрытыми либо гладкими,

либо насечёнными поясками. Привески прикреплялись к украшению на цепочках из звеньев с прямоугольным щитком с гладкими рельефными поясками.

Украшения этого варианта найдены у д. Елёва, в районе бывшей Пермской дачи, у д. Мочелята, адрес находки одного украшения не известен.

Вариант б) (7 экз.; рис. 4/1). Менее вытянутые, чем в предыдущем варианте, якорьки в четырёх случаях имеют тулово, покрытое слабыми засечками, как у одноякорьковой подвески варианта б) типа 1; в двух случаях якорьки согнуты из торсированной проволоки таким образом, что на тулове образуется «елочка». «Рога» якорьков, направленные вовнутрь, загнуты к щитку, образуя кольцевидные петли, что сближает подвески данного варианта с прямоугольными подвесками подгруппы 1.

Прямоугольные щитки подвесок в шести случаях декорированы чередованием торсированных и тордированных проволок, причем торсированные проволоки уложены в «ёлочку».

В одном случае вся поверхность щитка покрыта торсированными проволоками, уложенными в «ёлочку» (это украшение представлено на рис. 4/1).

Привесками данного варианта биякорьковых подвесок служат колокольчики с двумя вздутиями (2 случая), гладкие привески с веретенообразным туловом (2 случая), вытянутые привески с веретенообразным туловом, покрытые поясками (2 случая). Привески прикреплялись к щитку при помощи цепочек из бесщитковых звеньев восьмёркообразной формы с солярным символом между петлями.

Данные изделия найдены у д. Елёва, на территории бывшего Чердынского уезда, вблизи современного г. Чердынь. У четырёх подвесок адрес находки не известен.

Аналогичная подвеска имеется среди артефактов Лоемского могильника, который датируется Э.А. Савельевой XIII – XIV вв. (Савельева, 1995, с. 127, рис. 5/3).

Вариант с) (4 экз.; рис. 4/2). Орнамент на тулове якорьков представлен чередованием гладких и насечённых поясков. В одном случае якорьки в месте перехода от тулова к «рогам» украшены пирамидками зерни, в одном случае – сбоку декорированы шариками металла, окруженными сканой проволокой.

Орнамент щитка – это чередование торсированной и тордированной проволоки. В двух случаях торсированная проволока уложена «ёлочкой». У одной подвески щиток дополнительно декорирован пирамидкой из трёх умбонов, помещенной над его верхним краем.

Колец для привесок – 6. Привесками для данного варианта биякорьковых подвесок служат колокольчики с одним либо двумя вздутиями, подвешенные на цепочках их звеньев с ромбовидным или восьмёркообразным щитком. В составе одной подвески использовались цепочки с бесщитковыми восьмёркообразными звеньями, между петлями которых помещен солярный символ.

Украшения этого варианта происходят с Рождественского городища, из с. Губдор, городища Дойкар и могильника Телячий Брод.

Вариант d) (2 экз.; рис. 3/3). У одной подвески тулово якорьков изготовлено из тордированной проволоки, у второй имеет форму овала и по периметру окантовано бордюром из тордированной проволоки. В обоих случаях «рога» якорьков отломлены, место их соединения с туловом в 1 случае обозначено круглыми металлическими шариками.

Щиток, как и у подвесок варианта а), менее вытянут в стороны, чем у большинства биякорьковых подвесок. Декоративное оформление щитка

составляет три ряда тордированной проволоки, разделённых гладкими проволочками.

Внизу щитка – пять колец для привесок.

Материал изготовления – бронза.

Места находки подвесок: д. Михалёва и Мало-Аниковский могильник.

Вариант е) (1 экз.; рис. 4/2). Подвеска, основным элементом орнамента которой являются солярные символы.

На тулово якорьков, согнутых из торсированной проволоки, напаяны по три шарика, окруженных торсированной проволокой, расположенных в ряд по вертикали. Между «рогами» якорьков – шарики крупной зерни.

Вдоль верхнего и нижнего края щитка выложены по два ряда торсированной проволоки, образующие «елочку». В центре поля щитка расположены в ряд 6 солярных символов, аналогичных тем, что украшают якорьки.

Шесть петель для привесок в нижней части подвески свернуты из торсированной проволоки. Подвеска дополняется шумящей частью из привесок с веретенообразным туловом с поясками, покрытыми насечками. Они прикреплены к основе при помощи цепочек из бесщитковых восьмеркообразных звеньев с солярным символом между петлями.

Данное украшение происходит из Мало-Аниковского могильника.

В погребении 7 могильника Нижняя Стрелка в Ветлужско-Вятском междуречье, которое датируется Т.Б. Никитиной IX в., обнаружено нагрудное украшение в виде прямоугольной планки с шумящими привесками, декоративное оформление основы которого имеет много общего с вышеописанной подвеской (отличие заключается лишь в отсутствии якорьков и в форме привесок и цепочек, которые имеют более «ранний» облик, и не свойственны материальной культуре Прикамья) (Никитина, 2002, с. 193, рис. 62/2). Фрагмент такой же подвески имеется и в коллекции древностей с территории бывш. Глазовского уезда, собранной Н.Г. Первухиным (Иванов, 1998, рис. 59/9). Эти подвески, как отмечает Т.Б. Никитина, имеют аналогии в древностях муромы IX – начала X вв. (Гришаков, Зеленева, 1990, рис. 8/26). Очевидно, что именно эти подвески можно рассматривать как прямые прототипы возникших позднее биякорьковых родановских подвесок.

Вариант ф) (1 экз.; рис. 4/1). Якорьки («рога» которых отломлены) согнуты из тордированной проволоки. С внешней стороны вдоль них проложены по два ряда из шариков зерни.

Щиток украшения декорирован чередованием торсированных и тордированных проволок. Торсированные проволоки уложены попарно, образуя «елочку». Они перемежаются рядами из кусочков тордированной проволоки (по три витка), расположенных попеременно вертикально и горизонтально.

В нижней части щитка находилось 6 колец для привесок (последние отсутствуют), между кольцами помещены шарики крупной зерни.

Данная подвеска найдена на Рождественском городище (раскопки Н.Б. Крыласовой).

Тип 2 – подвески, имеющие вздутия на тулове якорьков, наподобие однокорьковых подвесок типа 3. «Рога» якорьков, выполненные из проволоки, отдельно припаяны к тулову со вздутиями.

По особенностям орнаментики щитка данный тип биякорьковых подвесок делится на 8 вариантов:

Вариант а) – самый многочисленный (19 экз.; рис. 5/3). Тулово якорьков напоминает половинки разделенных по вертикали пронизок с одним вздутием, сплошь покрытых гладкими и насеченными поясками.

В основе орнамента прямоугольного щитка лежит чередование уложенных попарно «ёлочкой» торсированных проволок и рядов тордированной проволоки. Иногда «ёлочку» заменяет только одна торсированная (или псевдоторсированная) проволочка. В ряде случаев основные орнаментальные компоненты разделены рядами гладкой проволоки.

Такой мотив орнаментации прямоугольной основы биякорьковых подвесок можно считать наиболее «популярным».

В нижней части основы располагается кольца для крепления привесок, из которых в данном варианте биякорьковых подвесок использовались привески с полым веретенообразным туловом, покрытым поясками с насечками, и колокольчики с одним и двумя вздутиями. Подвешивались они на цепочках из щитковых звеньев с восьмёркообразным или ромбическим щитком, либо из бесщитковых звеньев с солярным символом между петлями. В одном случае привески с веретенообразным туловом прикреплены без цепочек непосредственно к основе.

Места находок украшений данного варианта: р. Кува, д. Модороб, с. Большая Коча, д. Мочелята, д. Кватъпелёва, окрестности г. Чердынь, Вакинское (2 экз.), Кудымкарское (2 экз.) селища, Кудымкарское (2 экз.), Саломатово I (раскопки С.И. Абдуловой), Дойкар городища, могильники Антыбары, Телячий Брод, Мало-Аниковский могильник (3 экз.), у 1 экз. место находки не известно.

Аналогичное этому варианту украшение найдено на Ыджидьельском могильнике, где датируется XII–XIII вв. (Савельева, Зеленский, 1986, рис. 5/53; Савельева, 1987, рис. 30/18, 21).

Вариант б) (3 экз.; рис. 5/4). Оформление якорьков аналогично варианту а).

В отличие от украшений варианта а), ряды тордированной проволоки на щитке составлены из чередующихся горизонтально и вертикально кусочков, как у подвески варианта f) типа 1.

В одном случае щиток украшен по верхнему краю столбиками из кусочков тордированной проволоки, в одном случае – пирамидками зерни.

Колец для привесок – 5. Привески не сохранилось.

Украшения обнаружены у с. Кривецкое и на селище Вакино (2 экз.).

Вариант с) (5 экз.; рис. 4/3). Тулово якорьков с одним вздутием украшено группами гладких или (1 случай) насеченных поясков.

Орнамент прямоугольного щитка подвесок этого варианта состоит полностью из торсированных проволочек, уложенных «ёлочкой» (по особенностям оформления основы к этому варианту тяготеет подвеска варианта b) типа 1, найденная у д. Елёва).

По нижнему краю основы крепятся 6 колец для крепления привесок, образованных из торсированной проволоки. Привесками служат конусовидные колокольчики (в 2 случаях) и вытянутые привески с полым веретенообразным туловом, покрытые поясками (2 случая). У одной подвески сохранились только фрагменты цепочек из бесщитковых восьмёркообразных звеньев с солярным символом между петлями. Именно такие цепочки представлены на всех украшениях данного варианта.

Биякорьковые подвески варианта с) происходят из материалов, найденных у д. Елёва (подвеска, отнесённая также к варианту b) типа 1), у д. Базуева, близ

с. Искор, в бывшей Гаинской волости Чердынского уезда, на Мало-Аниковском могильнике.

Аналогичная подвеска найдена в погребении 59 Жигановского могильника, которое Э.А. Савельева относит ко второй половине – концу XIII в. (Савельева, 2010, с. 102, рис. 153/6).

Вариант d) (1 экз.; рис. 5/5). Тулово якорьков с одним вздутием покрыто чередованием гладких и с насечками поясков.

Подвеска данного варианта отличается сплошной орнаментацией щитка горизонтальными рядами тордированной проволоки.

Внизу основы – 6 петель в виде колечек из гладкой проволоки. Привески с полым веретенообразным туловом, орнаментированным группами гладких поясков, подвешены на цепочках из бесщитковых восьмёркообразных звеньев с солярным символом между петлями.

Подвеска обнаружена на р. Иньва.

Вариант e) (5 экз.; рис. 6/1). Тулово якорьков с одним вздутием орнаментировано гладкими и насеченными поясками. С внешней стороны вдоль тулова якорьков проложен ряд из шариков зерни, сгруппированных треугольниками.

Орнамент щитка – чередование рядов торсированной проволоки, уложенной в «ёлочку», и тордированной проволоки, как у подвесок варианта а). Отличительной особенностью является дополнительное украшение верхнего края щитка шариками зерни. В большинстве случаев (4 экз.) зернь сгруппирована треугольниками.

В нижней части подвески – 6 колец из гладкой проволоки. Привески сохранились у двух украшений: это колокольчики с одним вздутием, подвешенные на цепочках из звеньев с ромбовидным щитком.

Подвески данного варианта обнаружены у д. Федоровщина, на Вакинском (2 экз.) и Кудымкарском селищах и на территории бывшей Купросской волости Соликамского уезда.

Подобная подвеска найдена на Рачёвском археологическом комплексе в Прииртышье, где датируется XII – XIV вв. (Терехова, 1986, с. 122, рис. 3/5).

Вариант f) (7 экз.; рис. 6/2). Тулово якорьков с одним вздутием орнаментировано гладкими и насеченными поясками.

Орнамент щитка – чередование рядов торсированной проволоки, уложенной в «ёлочку», и тордированной проволоки, как у подвесок варианта а). Главное отличие состоит в том, что верх щитка декорирован столбиками из обрезков тордированной проволоки.

Внизу щитка кольца из гладкой проволоки. Привески в виде колокольчиков, покрытых поясками, сохранились у одного изделия. Фрагменты цепочек в одном случае состояли из звеньев с ромбовидным щитком, ещё в трех – с восьмёркообразным щитком.

Биякорьковые подвески этого варианта обнаружены в пос. Майкор, на селище Вакино (3 экз.), у с. Верх-Боровское, на могильнике Мало-Аниково, адрес находки ещё одного украшения не известен.

Вариант g) (1 экз.; рис. 6/3). Тулово якорьков с одним вздутием орнаментировано гладкими и насеченными поясками.

Орнамент щитка – чередование рядов торсированной проволоки, уложенной в «ёлочку», и тордированной проволоки, как у подвесок варианта а). Отличительной особенностью, позволившей выделить данную подвеску в отдельный вариант, являются дополнительные украшения в виде кружков из

уложенной в спираль проволоки, которые размещены в ряд вдоль верхнего края щитка и вдоль внешнего края тулова якорьков.

В нижней части подвески – 7 колец из гладкой проволоки. Привески – колокольчики с одним вздутием – крепятся посредством цепочек из звеньев с ромбовидным щитком, покрытым гладкими и насеченными поясками.

Единственная подвеска этого варианта найдена у д. Куча.

Вариант h) (1 экз.; рис. 6/4). Тулово якорьков с тремя вздутиями, орнаментированными гладкими и насеченными поясками. В основании «рогов» помещены по три кружка из спирально уложенной проволоки, расположенные треугольником вершиной вверх.

В центре щитка помещен крупный прямоугольный шатон для вставки, вытянутый по вертикали. Шатон окружен бордюром из тордированной проволоки. Верхний край щитка декорирован шариками крупной зерни.

В нижней части подвески – 7 колец из гладкой проволоки. В качестве привесок использованы бубенчики, тулово и шейка которых покрыты гладкими и насеченными поясками. Привески прикреплены к основе при помощи цепочек из звеньев со щитками ромбовидной формы.

Данная подвеска найдена на Городищенском городище (раскопки А.М. Белавина) (Белавин, 1986, рис. 4/22).

Таким образом, можно утверждать, что основным орнаментальным мотивом оформления прямоугольного щитка биякорьковых подвесок служит чередование «ёлочек» из рядов торсированной проволоки с рядами тордированной проволоки. Чередование подобных элементов прослеживается и в оформлении щитков прямоугольных подвесок с петлями. Оформление якорьков биякорьковых подвесок соотносится с оформлением одновременных одноякорьковых подвесок.

Очевидно, что идея биякорьковых подвесок возникла в результате синтеза одноякорьковых подвесок и украшений с прямоугольной основой.

Однако В.А. Оборин генетически возводил происхождение биякорьковых украшений к биконьковым подвескам, и датировал их XII – XIV вв. н.э. (Оборин, 1970, с. 15).

По мнению Н.Б. Крыласовой, биякорьковые подвески не могут являться результатом эволюции биконьковых подвесок, так как, во-первых, – это совершенно разные украшения по своему назначению в костюме: биякорьковые подвески, вероятнее всего, являются нагрудным украшением, где якорьки, главным образом, несут утилитарную функцию: к ним прикрепляется шнурок для одевания на шею, а биконьковые украшения – это преимущественно накосники; во-вторых, подвески кардинально различаются по технологии изготовления (Иванов, Крыласова, 2006, с.70): биконьковые изготовлены путем литья в двустороннюю форму по восковой модели, биякорьковые выполнены в филигранной технике, сочетающейся с заливкой металла для соединения элементов.

Этому утверждению есть ещё одно обоснование. Оно заключается в следующем:

Биякорьковые подвески (и это очевидно) происходят путём совмещения прямоугольных шумящих подвесок и одноякорьковых подвесок. Последние были распространены в материальной культуре Пермского Предуралья с конца IX в. до начала XII вв., и, в первую очередь, служили своеобразными крючками, предназначенными для крепления или подвешивания чего-либо, закрепляясь в кожаной петле на поясе или в иной части костюма (Крыласова, 2007, с. 220–223, рис. 91). Как отмечено при описании украшений, приведенном выше, наиболее

поздние одноякорьковые подвески имеют сходные признаки с якорьками биякорьковых подвесок. Как было отмечено, идея биякорьковых подвесок – это совмещение прямоугольных и якорьковых украшений. Произошло это в конце XI века. Но в это же время, то есть в XI в., еще продолжали бытовать биконьковые подвески (Голубева, 1966, с. 87–98), не имевшие существенных отличий от ломоватовских. К концу XI в. биконьковые подвески предельно стилизуются и меняют технику изготовления на филигранную, в таком виде они существуют до конца XII века. Следовательно, биконьковые подвески также меняются стилистически, технологически, но не меняют местоположения в костюме и, следовательно, смысловой нагрузки. Биякорьковые и биконьковые подвески не только «пересекаются» (появление биякорьковых подвесок отнесено нами к концу XI в.), но и параллельно сосуществуют на протяжении XII века (рис. 2/3), таким образом, биякорьковые подвески не могли быть конечным звеном в эволюции биконьковых подвесок. Следовательно, мы можем заключить, что биякорьковые украшения не могут являться «потомками» биконьковых подвесок ломоватовской культуры, а являются самостоятельным, родановским типом украшений.

Рассмотрим вопрос, откуда в таком случае появились биякорьковые украшения у носителей родановской археологической культуры.

Подвески, похожие на прямоугольные и биякорьковые родановские, встречены на могильнике Нижняя Стрелка IX – XII вв. в Поволжье (Никитина, 2002, с. 63, рис. 24/7–8, рис. 53, рис. 62/2), среди украшений муромы VIII–XI вв. (Финно-угры и балты..., 1987, XXXIV/1, 17, 19, табл. XXXV/1) и мордвы IX–XI вв. (Финно-угры и балты..., 1987, Табл. XLVII: 15, 19). Следует отметить, что эти подвески не являются прямыми аналогиями, и имеют лишь отдалённое сходство с родановскими украшениями, так как снабжены роговидными выступами по углам основы, правда, по одному с каждой стороны. Роднит прикамские и поволжские украшения и техника изготовления. Наборная техника изготовления украшений у финнов Поволжья существовала ещё в I тыс. н.э.

География распространения биякорьковых украшений обширна: они найдены практически по всей территории распространения родановской археологической культуры (Вострокнутов, 2011, с. 15–17). В.А. Оборин путем картографирования этой категории украшений пришёл к выводу, что идея её является местной, и именно с территории Верхнего Прикамья подобные подвески попали на памятники соседних территорий (Оборин, 1970, табл. 5).

Примечательно, что, не смотря на местное производство и многочисленность находок, для этих украшений ещё точно не определено их место в костюме: все имеющиеся в нашем распоряжении украшения являются результатом случайных сборов, происходят из раскопок поселений или из разрушенных погребений. Очевидно, что ремешок или веревка крепились к подвеске либо петлёй за выступы «якорьков», либо внутренние выступы образовывали два кольца и к этим петлям привязывалось крепление, как у прямоугольных подвесок подгруппы 1. Можно предположить, что подвеска нашивалась на одежду за якорьки, что наименее вероятно, так как это «прикрепляло» украшение к определённому костюму, а учитывая, что, судя по этнографическим данным, люди в старину обычно имели один комплект одежды, который, в зависимости от ситуации дополнялся тем или иным набором декоративных элементов и аксессуаров, это было бы весьма непрактичным.

Датировка биякорьковых подвесок. В.А. Оборин на основании имеющихся в его распоряжении данных датировал биякорьковые подвески достаточно широко: XII – XIV вв. (Оборин, 1970, с. 15).

Приведенный выше анализ изделий позволяет немного уточнить эту хронологию. Сделать это можно, опираясь на особенности привесок и цепочек, которыми дополнялись подвески, учитывая, что аналогичных изделий на соседних территориях крайне немного.

Биякорьковые подвески типа 1 дополнялись достаточно разнообразными привесками. Бубенчики с гладкими поясками датируются второй половиной XI – XIII вв., а с поясками, покрытыми насечками – XII–XIII вв. Привески с гладким веретенообразным туловом отнесены нами к XIII–XIV вв. Вытянутые привески с веретенообразным туловом, покрытым поясками, датируются концом XII–XIII вв. Привески с веретенообразным туловом, покрытым поясками с насечками, датируются XII–XIV вв. Колокольчики с одним вздутием датируются второй половиной XI–XIII вв., с двумя вздутиями – XII–XIII вв. Конусовидные колокольчики принадлежат к периоду XII–XIII вв. (Вострокнутов, 2013, с. 10). Щитковые цепочки из звеньев с прямоугольным щитком, покрытым рельефными гладкими поясками, относятся ко второй половине XI–XII вв.; из звеньев с ромбовидным и восьмёркообразным щитком – XII–XIII вв. Бесщитковые цепочки из восьмёркообразных звеньев, расположенных в разных плоскостях, между которыми находится солярный символ, принадлежат к концу XII–XIII вв. (Вострокнутов, 2013, с. 10).

Таким образом, в целом биякорьковые подвески типа 1 можно датировать концом XI – XIII вв. Подвески варианта а) могут быть датированы более узко – концом XI–XII вв. Подвеска варианта d), не имеет привесок, по которым можно датировать украшение, однако манера орнаментации якорьков и щитка сближает его с биякорьковыми подвесками варианта а), что позволяет также предположительно отнести данное украшение к концу XI – XII вв. Варианты b) и c) можно датировать концом XII – XIII вв. Вариант e), исходя из датировки привесок и звеньев цепи, может быть отнесен к XIII веку.

Изделия типа 2 бытовали несколько позднее – в XII–XIII вв. К этому времени относятся варианты а), e), f), g) и h). Немного позднее возникли подвески вариантов c) и d), которые были распространены с конца XII века.

Подводя итоги отметим, что после проведенного анализа, верхняя граница времени существования биякорьковых подвесок сместилась на один век – с XIV в. на XIII в., а в целом эти украшения можно отнести периоду с конца XI до конца XIII вв. Хронологические различия между вариантами позволят в будущем более узко датировать те комплексы, где эти подвески будут найдены.

Многообразие декорирования биякорьковых подвесок при одновременном сосуществовании можно объяснить различными эстетическими предпочтениями у населения разных территориальных групп и возможностью вариативности благодаря новой, наборной, технике изготовления.

Следует отметить, что XII век является своеобразным «перекрёстком» – именно на это время приходится сосуществование всех вариантов биякорьковых украшений, подвесок с прямоугольной основой и якорьковых подвесок. Очевидно, что идея соединить якорьковые и прямоугольные подвески появилась ближе к концу XI в. Некоторое время все три категории украшений существовали вместе. Это может быть связано с разными функциями, которые выполняли эти артефакты. Если прямоугольные и биякорьковые подвески – это, в первую очередь, украшения костюма, то якорьки более утилитарны, т.к. изначально

представляли собой застежки, которые начали снабжаться декорирующими элементами ближе к концу своего существования.

Таким образом, можно заключить, что наиболее характерные украшения родановской культуры – биякорьковые подвески – самостоятельный вид украшений, появившийся на раннем этапе существования этой культуры (в конце XI в.) и просуществовавший до XIII века. Эти изделия не являются производными от биконьковых подвесок, распространенных в ломоватовское время.

Литература:

Белавин, 1986. – Белавин А.М. Городищенское городище на реке Усолке // Приуралье в древности и средние века: межвузовский сборник научных трудов. – Ижевск: УдГУ, 1986. – С. 130–142

Вострокнутов, 2011. – Вострокнутов А.В. Археологические памятники бассейна Верхней Камы XI – XV вв. Опыт картографического анализа с применением климатических данных // Казанская наука. – 2011. – №8. – С. 15–17

Вострокнутов, 2013. – Вострокнутов А.В. Звенья цепи и шумящие привески украшений родановской культуры Верхнего Прикамья как датирующий элемент // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 5. – С. 5–12

Голдина, Ютина, 1987. – Голдина, Р.Д., Ютина, Т.К. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX–XII вв.) // Погребальные памятники Прикамья. – Ижевск, 1987. – С. 39–61

Голубева, 1966. – Голубева Л.А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // Советская археология, 1966. – № 3. – С. 80–98

Гришаков, Зеленев, 1990. Гришаков В.В., Зеленев Ю.А. Муромы VII–XI вв. – Йошкар-Ола, 1990. – 77 с.

Иванов, Крыласова, 2006. – Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). – Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2006. – 163 с.

Иванов, 1998. – Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 309 с.

Истомина, 1992. – Истомина Т.В. Комплекс погребения 37 Чептыягского могильника // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1992. – С. 127–136

Крыласова, 2007. – Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. – Пермь: ПГПУ, 2007. – 352 с.

Крыласова, 2013. – Крыласова, Н.Б. Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. – Пермь, 2013. – Вып. 1(21). – С. 104–115

Могильников, 1991. – Могильников В.А. Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I – начале II тыс. н.э. // Проблемы археологии Евразии. – М.: Наука, 1991. – С.57–105

Никитина, 2002. – Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. – 432 с

Оборин, 1970. – Оборин В.А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. – Свердловск: УрГУ, 1970. – Вып. 9. – С. 3–36

Савельева, 1987. – Савельева Э.А. Вымские могильники XI – XIV вв. – Л: ЛГУ, 1987. – 200 с.

Савельева, 2010. – Савельева Э.А. Жигановский могильник. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2010. – 454 с.

Савельева, Зеленский, 1986. – Савельева Э.А., Зеленский В.С. Хронология погребальных комплексов Ыджыдъельского могильника // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар, 1986. – Вып.10. – С.99–118

Терехова, 1986. – Терехова Л.М. Рачевский археологический комплекс // ВАУ. – Вып. 18. – Проблемы Урало-Сибирской археологии: сборник научных трудов. – Свердловск: УрГУ, 1986. – С. 114–130

Финно-Угры и балты в эпоху средневековья. – М: Наука, 1987. – 512 с.

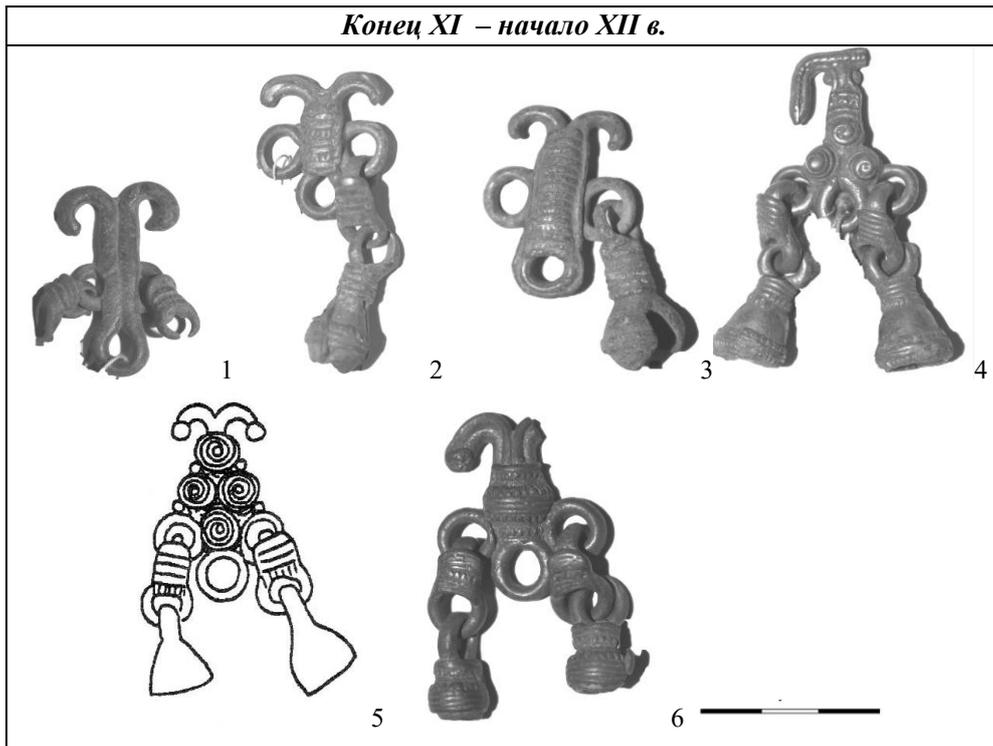

Рис. 1. Якорьковые подвески родановской культуры. 1 – Рождественское городище, 2 – р. Иньва, 3 – коллекция М.Н. Зеликмана, 4 – Вакинское селище, 5 – Роданово городище (по Н.Б. Крыласовой), 6 – с. Верх-Боровское

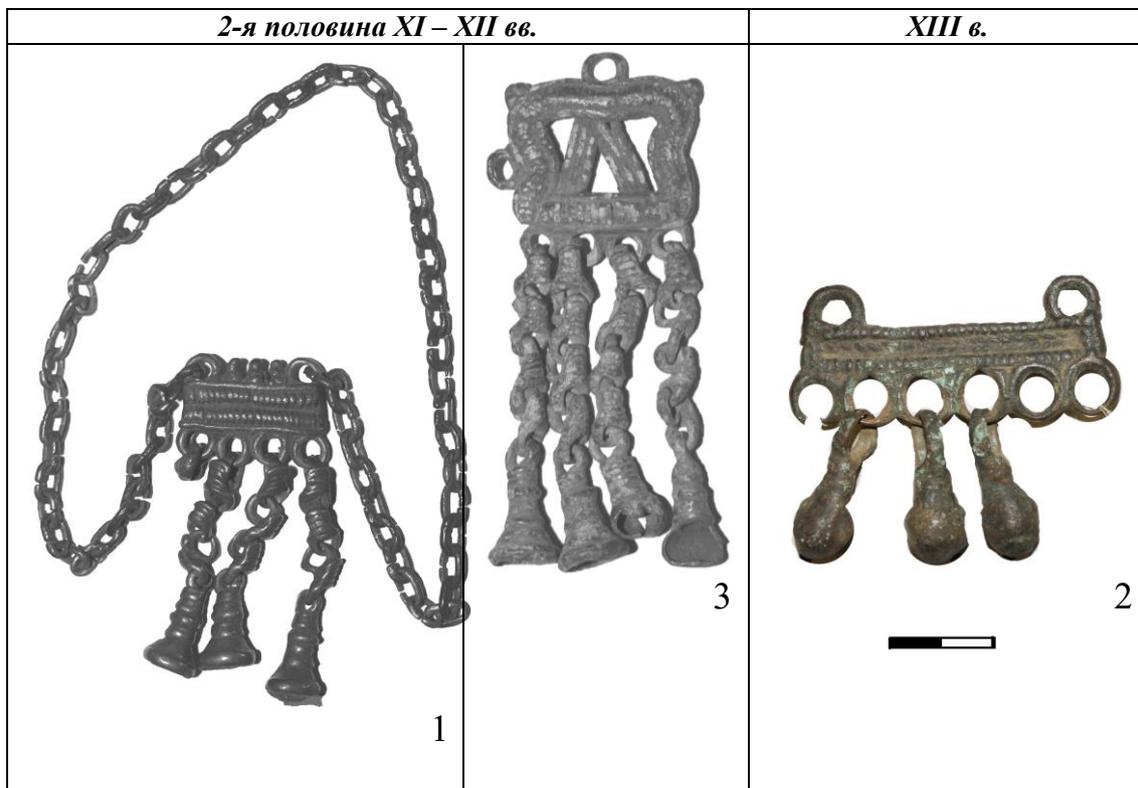

Рис. 2. Подвески с прямоугольной основой родановской культуры. 1 – Тип 1, 2 – Тип 2.
3 – Стилизованная биконьковая подвеска родановской культуры.
1–2 – д. Михалево, 3 – д. Елево

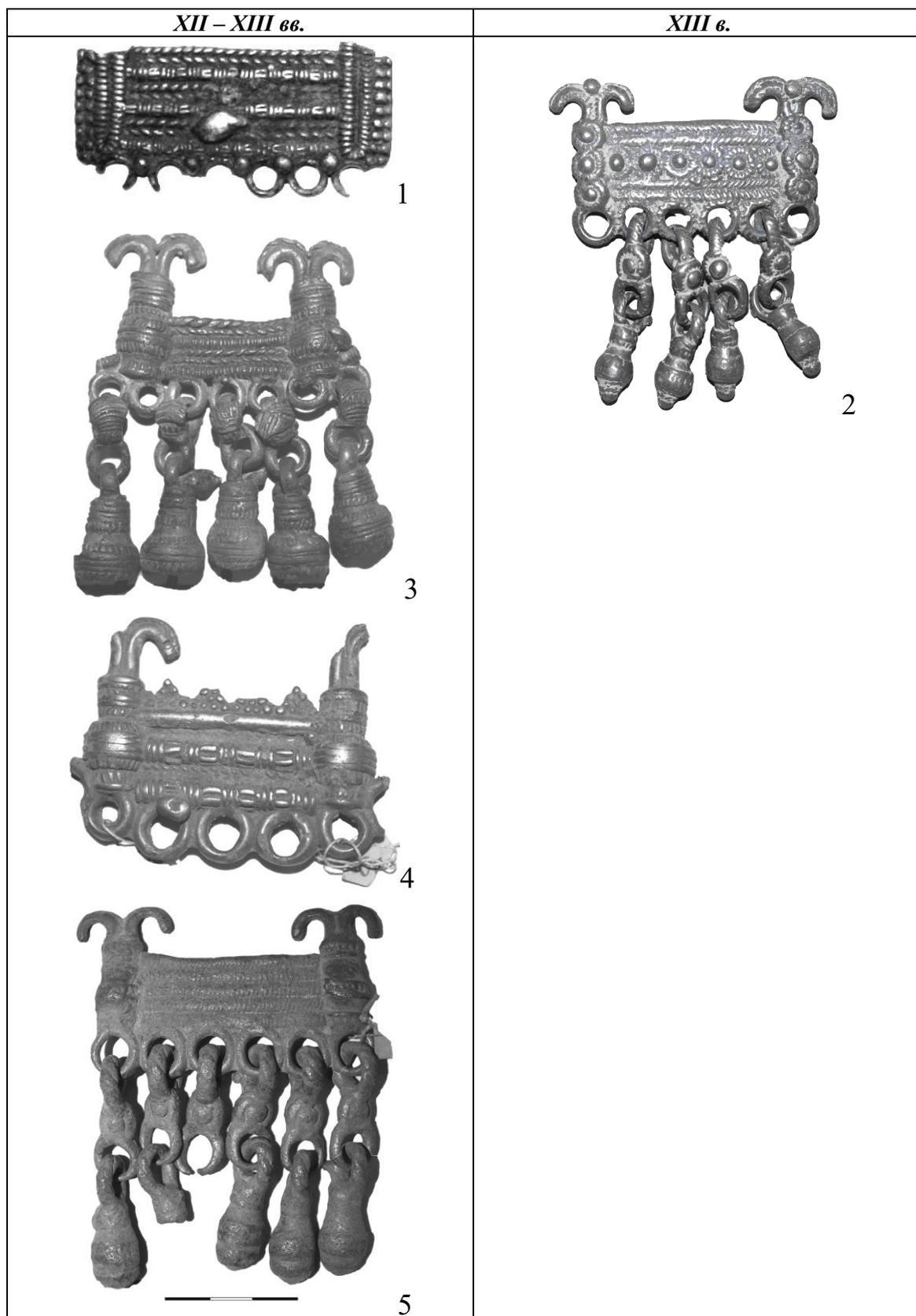
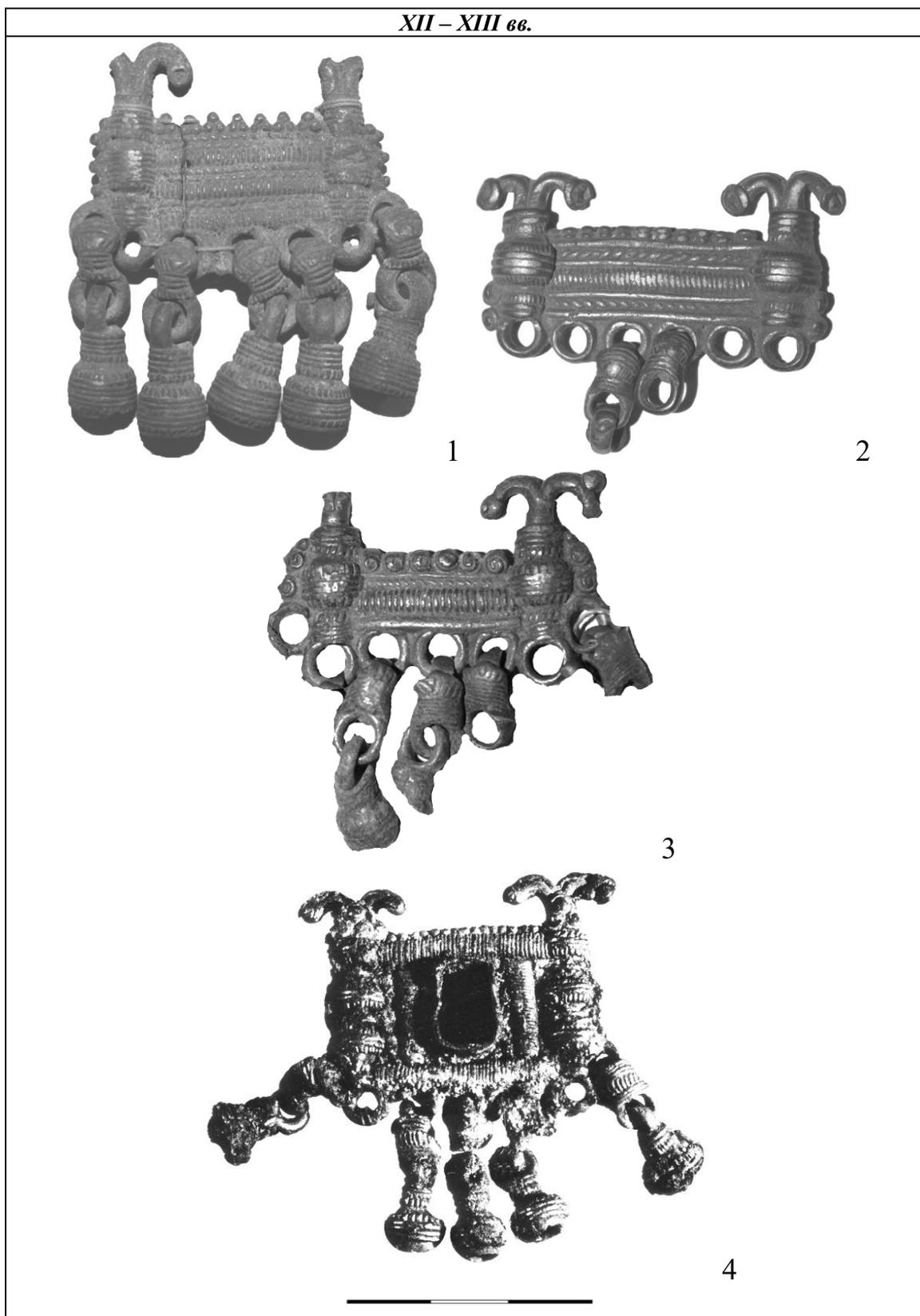

Рис. 5. Биякорьковые подвески родановской культуры. Тип 1: 2 – вариант е), 1 – вариант ф). Тип 2: 3 – вариант а), 4 – вариант б), 5 – вариант д)
 1 – Рождественское городище, 2 – Мало-Аниковский могильник, 3 – Кудымкар, 4 – Вакинское селище, 5- р. Иньва

*Рис. 6. Бияжорьковые подвески родановской культуры. Тип 2: 1 – вариант е), 2 – вариант ф), 3 – вариант г), 4 – вариант h).
1 – д. Федоровщина, 2 – с. Верх-Боровское, 3 – бывшая Купросская волость Соликамского уезда, 4 – Городищенское городище*

Иванов В.А.

(Башкирский государственный педагогический университет, Уфа)

**ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛИВШИЕ УСТОЙЧИВОСТЬ ЯЗЫЧЕСТВА В
ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ ПРИКАМСКИХ ФИННО-
ПЕРМЯКОВ И УГРОВ**

Ключевые слова: финно-пермяки, угры, язычество, ломоватовская, неволинская, полумская культуры, Пермский край, аридизация.

В статье рассматриваются этносоциальные и этногеографические факторы, повлиявшие на устойчивое сохранение реликтов язычества в культуре прикамских финно-пермяков (коми) и зауральских угров (манси и ханты). И для тех, и для других в немалой степени решающим оказался географический фактор: обширные пустынные пространства в Предуралье и Зауралье, способствовавшие уходу местного населения в глухие и малопригодные для русской крестьянской колонизации места и, как следствие, успешное сохранение традиционных верований.

Ivanov V.A.

(Bashkir State Pedagogical University, Ufa)

**DETERMINANTS OF STABILITY OF PAGANISM IN THE
TRADITIONAL WORLD OUTLOOK OF FINNO-PERMYAKS AND UGRS IN
THE KAMA REGION**

Keywords: Finno-Permyak, Ugrs, paganism, Lomovatovskaya culture, Nevolinskaya culture, Polomskaya culture, Perm Region, aridization

The article deals with ethnosocial and ethnogeographic factors, which influenced the preservation of pagan relicts in the culture of Finno-Permyaks (Komi) in the Kama region and Ugrs (Mansi and Khanty) in the Trans-Urals. For both groups geographic factor turned to be a decisive one: vast empty spaces of the Cis- and Trans-Urals contributed to the migration of local population to remote places not suitable for colonization by Russian peasants. As a result traditional beliefs were preserved.

Через всю досоветскую, советскую и постсоветскую отечественную и зарубежную историографию этноконфессиональной истории народов Волго-Камья – мари (черемисы), удмуртов (вотяки), коми (зыряне, пермяки) – «красной нитью» проходит идея об их стабильной приверженности традиционным языческим верованиям, нисходящим к истокам финно-угорского и финно-пермского этногенеза. Проявления этой приверженности многообразны: это идолопоклонство, принесение в жертву животных, обустройство могил-«домов», явные и тайные моления на родовых или семейных святилищах – *куала*, имевшие место и в XVIII, и в XIX вв. (не говоря уже о более ранних временах), наконец, – неоднократно зафиксированные в указанное время стычки на религиозной почве с русским православным населением региона (Миллер, 1776, с.35–40; Никитина, 1992, с.38–42; Первухин, 1888; Попов, 2005; Шишонко, 1904, с.5–6; Шутова, 2001). И в общем-то, если отрешиться от высокого академического слога советских и современных исследований, то во всех работах, посвященных истории религии финно-угорских и финно-пермских народов региона, между строк читается определение, данное в свое время В.Н. Шишонко пермякам:

«Шлецер в своем Несторе, говоря о Перми, хотя и считает исландские известия о ней баснословными, но признает, что пермяне были некогда самобытный, великий, долгое время свободный и не совсем непросвещенный народ... на основании свидетельств истории, можно сказать то, что это был народ грубый, упрямый, своевольный. Воспитываясь в духе грубейшей языческой религии и ведя непрестанную борьбу с жестокостью климата и суровостью природы, они, как бы по необходимости, образовали таковые свойства своего характера» (Шишонко, 1904, с.6).

Вместе с тем, нельзя не отметить и того обстоятельства, что анализ языческих реминисценций в традиционной духовной культуре прикамских финно-пермяков в работах современных исследователей и их предшественников носит в основном констатационный характер. В этом плане исключением является статья П. Лимерова «Религиозность народа коми: формирование религиозного фонда», в которой автор рассматривает причины и факторы, повлиявшие (определившие) устойчивость язычества в духовной культуре коми. Здесь особый интерес представляет то, что автор определяет три фактора, «оказавших существенное влияние на формирование и становление коми религиозного фонда». Первый – миссионерская и просветительская деятельность Стефана Пермского, который своими переводами священных текстов на коми язык и созданием соответствующих терминов для обозначения важнейших для христианской веры понятий на этом языке объективно способствовал адаптации этих понятий и образов к традиционному финно-пермскому язычеству. Второй – тесные контакты коми-зырян и коми-пермяков со старообрядцами, способствовавшие формированию критического, настороженного отношения коми к «официальному» православию. Наконец, третий, на мой взгляд, наиболее важный фактор – преобладание в хозяйстве коми традиционных охотничьих промыслов, в силу которых они большую часть времени проводили в тайге, в удалении от сел и строившихся там церквей – опорных пунктов православного миссионерства (Лимеров, эл. ресурс).

К выявленным автором факторам, существенно способствовавшим сохранению реминисценций язычества в духовной культуре прикамских финно-пермяков, на мой взгляд, следует добавить ещё один – географический или природно-климатический. Дело в том, что к началу русской колонизации Прикамья (последняя четверть XI–XII вв.) (Крыласова, 2014, с.30; Савельева, Кленов, 1997, с.671) территория лесного Прикамья (как, впрочем, и вся территория северной – лесной – Евразии) вступала в стадию аридизации (усыхания). Первоначально это была ситуация, близкая к современной, но с тенденцией понижения влажности климата в лесной Евразии при альтернативном ее повышении в степной (Демкин, Демкина, эл. ресурс). Что это значило с точки зрения климатических условий в регионе? Во-первых – уменьшение запасов почвенной влаги, во-вторых – резкие колебания температуры воздуха в течение года, отрицательно влияющие на условия адаптации растений в зимний период, в-третьих – колебания вегетационного периода с уменьшением его продолжительности каждые 7–10 лет, в-четвертых – вымокание или вымерзание до 25%–30% зерновых культур в результате или излишнего переувлажнения почвы, или резких перепадов температур от оттепели к заморозкам (Ермакова и др., 2013).

В Верхнем и Среднем Прикамье русские переселенцы сталкивались с ситуацией, археологическим выражением которой является заметное сокращение количества памятников поздней ломоватовской и неволинской культур (с ярко

выраженным угорским компонентом (Белавин и др., 2009, с. 84–117), по сравнению с предшествующим периодом. Неволинская культура в бассейне р. Сылвы прекращает свое существование в первой четверти IX в. (Голдина, 2012, с.225), а что касается ломоватовской культуры, то ее памятники локализируются в Прикамье, конечно, не в виде сплошного массива (как это показано на схеме Р.Д. Голдиной и В.А. Кананина (Голдина, Кананин, 1989, с.129), а в виде девяти территориальных групп, состоящих в общей сложности из 146 памятников, обозначенных А.В. Вострокнутовым (Вострокнутов, 2011), и фактически фигурирующих на карте, в свое время составленной Р.Д. Голдиной (Голдина, 1985, рис.1). Расположены они «гнездами» по периферии подпрямоугольника, начертанного Р.Д. Голдиной и В.А. Кананиным, на краю надпойменных террас или водоразделах, поскольку центральная (и отнюдь немалая) часть этой площади была и есть занята болотами. В последнем легко убедиться, даже не побывав в тех местах, но просмотрев топографическую карту Перми и Пермской области Генерального штаба, вывешенную в Internet (Старые карты Перми и Пермского края – эл. ресурс). Именно там расположены (или располагались еще в недавнем прошлом) населенные пункты – эпонимы памятников ломоватовской культуры. Р.Д. Голдина памятники ломоватовской культуры разделяет на 10 территориальных групп, каждая из которых включает в себя от 12 (Яйвинско-Камская) до 81 (Туйско-Гаревская) памятников. В основном это поселения – городища и селища, составляющие, соответственно, 24% и 34,4% от известных памятников ломоватовской культуры (Голдина, 1985, с.65). Правда, если судить по опубликованным данным, стационарные раскопки проводились в общей сложности на 12-ти поселениях, что составляет 6,25% от всех поселений ломоватовской культуры. Остальные, похоже, отнесены к ней на основании сбора подъемного материала или (в лучшем случае) шурфовки.

Данная статистика понадобилась нам для того, чтобы составить хотя бы приблизительное представление о плотности населения и демографическом объеме рассматриваемых территориальных групп. Так, по данным Р.Д. Голдиной, в Верхокамской группе, располагавшейся между современными пос. Бор и Гордино (76 км), выявлено 64 поселения. Т.е. в среднем – по одному на каждые 1,2 км. Конечно, они располагаются не так равномерно: где-то «густо» (например, между с. Афанасьево и Бор), а где-то «пусто» (между с. Гордино и устьем р. Сива – правый приток Камы). Но все равно, такая высокая плотность поселений на единицу расстояния может быть объяснена двумя альтернативными причинами: либо выявленные поселения не были одновременными, либо они представляли собой поселки-хутора малых моногамных семей (Голдина, Кананин, 1989, с.17). В любом случае, население Верхокамской группы едва ли было многочисленным.

Аналогичным образом выглядят и поселения других территориальных групп ломоватовской культуры Туйско-Гаревской (63 поселения/300 км²), Косьвинской (2 городища и 1 селище/21 км²).

Немногочисленные поселения вычегодской перми XI–XIV вв. (на опубликованной сыктывкарскими исследователями карте обозначено всего 7 городищ перми вычегодской) (Археология..., 1997, с.620) разбросаны на значительном – 70–100 км – удалении друг от друга. Судя по площади, по-видимому, полностью раскопанного Жигановского поселения на р. Выме (5 000 м²), это были поселения небольших родов или больших семей.

Носители ломоватовской, неволинской и других синхронных археологических культур второй половины – конца I тыс. н.э. в Прикамье и Предуралье были ярко выраженными язычниками "угорского толка". На это

указывают такие элементы погребального обряда указанных культур, как наличие в погребениях поясов, украшенных серебряными или бронзовыми накладками, металлических масок-личин или масок-наглазников, обилие вообще металлических украшений, керамика с резным, шнуровым и штампо-гребенчатым орнаментом, захоронения вместе с человеком шкуры коня (череп и кости ног). Но к началу русской колонизации региона (последняя четверть XI–XII вв.) все эти признаки или исчезают на памятниках региона, или, как показано в работе А.В. Вострокнутова, само количество археологических памятников сокращается. Весьма удивительным образом этот процесс совпал, во-первых, с уходом угров-мадьяр из Приуралья на запад (заслуживают самого пристального внимания радиоуглеродные даты, полученные венгерским археологом А. Тюрк по материалам древневенгерских могильников Поднепровья – Слободзея и Дмитровка – укладывающиеся в промежуток последняя четверть VIII – середина IX вв.)⁴, что хронологически соответствует резкому сокращению в Прикамье количества памятников ломоватовской культуры (по данным Р.Д.Голдиной, их выявлено 328) (Голдина, 1985, с.188–208). Во-вторых, как уже было сказано выше, с прекращением функционирования памятников неволинской культуры в бассейне р.Сылвы и исчезновением памятников караякуповской культуры с территории современного Башкортостана. В-третьих, все это происходило в условиях начавшейся аридизации (усыхания) лесов, достигшей своего апогея к середине II тыс. н.э.

В этих, в общем-то, отнюдь не оптимальных условиях, и начинается русская колонизация Прикамья. Она шла по двум направлениям: с севера через Вычегодскую Пермь (Карыбйивское, Пожегское городища, Ыджыдьельское и Лоемское поселения) (Савельева, Кленов, 1997, с.662) и с запада, с территории Средней Вятки (Вятская земля с центром в г.Хлынове (Вятка)) (Макаров, 2001, с.34–39). По данным Л.Д. Макарова, русские первопоселенцы в Верхнем и Среднем Прикамье расселялись по территориям («гнездам»), ранее занятым их предшественниками финно-уграми, оставившими памятники Иньвенской, Камско-Колвинской или Гаинско-Косинской территориальных групп (Вострокнутов, 2011, с.15). Немногочисленное русское крестьянское население (в начале 2000-х годов в Верхнем и Среднем Прикамье были выявлены 30 городищ и поселений с русским материалом XII–XIV вв., на Вятке и Чепце – 36) (Макаров, 2001, с.42, рис.2) едва ли существенно влияло на религиозную жизнь края в плане ее христианизации. Но своей хозяйственной деятельностью – распашка охотничьих угодий местного населения – способствовало сокращению его этнической территории. Прежде всего, это выразилось в сокращении числа памятников родановской археологической культуры XII–XV вв.: со 143 в XII в. до 20 – в XV в. (Вострокнутов, 2011, с.15–19). Не хочется (да и нет никаких оснований) представлять, что русские переселенцы устраивали избиение местного населения, освобождая места для своего расселения. Вполне логично предположить, что, поскольку это было население в большей степени угорское, оно уходит на свою историческую прародину – на восток за Урал. Но и там угры – охотники и скотоводы – оказались в еще более стесненных условиях: заболоченная Западносибирская низменность не могла прокормить избыточное население. Тем более, что более благоприятная для жизни скотоводов Зауральская лесостепь, начиная со второй половины XIII в. оказывается подконтрольной правителями Улуса Шибана.

---

⁴ Личное сообщение А.Тюрк.

В Прикамье же в рассматриваемое время, во-первых, меняется хозяйственно-культурный тип – распространяется пашенное земледелие, не требующее огромных площадей (Сарапулов, 2014, с.75–79), во-вторых, вместе с немногочисленными русскими сюда продвигается столь же немногочисленное финно-пермское население. Мы не знаем, какова была численность и плотность населения в Пермском крае в домонгольский и золотоордынский периоды. Едва ли они были велики. На взгляд же человека, в первой половине XVI в. жившего в центральных уездах Московского государства, «Пермия» – это была глухая сторона, далекая от Москвы. Летом туда добраться можно было только водным путем через многочисленные реки и волоки, а зимой – санным путем по тем же замерзшим рекам (См. описание Московии Герберштейна (Шишонко, 1904, с.35)). Жившие в краю пермяне и зыряне, не смотря на миссионерскую деятельность Стефана Пермского, его преемников епископов Исаакия и Герасима, и в XVI, и в XVIII вв. продолжали придерживаться язычества (Шишонко, 1904, с.19).

Опять-таки, с точки зрения московской власти, край был пустынный. В жалованных грамотах Ивана IV Грозного братьям Строгановым на создание Прикамских вотчин от 1560, 1564 гг. отмечается, что земли от устья Лысьвы до устья Чусовой «места пустые, леса черные, речки и озера дикие, острова и наволоки пустые, а всего деи того пустого места сто сорок шесть верст; и прежде деи сего на том месте пашни не пахивали и двory деи не ставали, и в мою деи цареву и великого князя казну с того места пошлина никакая не бывала, и ныне не отданы никому...» (Шишонко, 1904, с.51). Аналогичные сведения в 1578 г. поступили и от Ермака, по ошибке, вместо Чусовой, прошедшего р. Сылву от устья до верховьев «мимо пустых и ненаселенных мест» (Шишонко, 1904, с.78).

В рассматриваемое время Пермский край, очевидно, таковым пустынным и был, поскольку по переписи И. Яхонтова 1579 г. в Усольском и Чердынском уездах значилось 152 деревни и починка, состоящие в общей сложности из 1493 крестьянских дворов, в которых проживало 1700 душ м.п. (податных или тягловых) (Шишонко, 1904, с.82–86). Если взять общую площадь Чердынского и Соликамского уездов Пермской губернии конца XVIII – нач. XIX вв., составлявшую чуть более 104 000 кв.верст, то плотность населения на этой территории в конце XVI в. должна была составлять 1 чел. (податная душа) на 61 кв. версту.

С точки зрения оседлого земледельца, это была действительно пустая территория. Иначе должны были на нее смотреть (и, очевидно, смотрели) угры, ушедшие за Урал. Для них леса Верхнего и Среднего Прикамья представляли собой родовые охотничьи угодья, в дебрях которых скрывались и родовые святилища. Поэтому регулярные нападения «вогуличей и остяков» на русские поселения и городки, зафиксированные в Пермской и Строгановской летописях, не представляются чем-то из ряда вон выходящим: 1455–1467 гг. – фактическая война вогульского (мансийского) князя Асыки против христианизации вогул владыкой Питиримом; 1481 г. – разгром князем Андреем Мешеневым вогул, пришедших воевать Чердынь; 1483 г. – карательный поход кн.Федора Курбского-Черного и воеводы Салтыка Травеня в Югру (пленение югорского князя Молдана); 1505 г. – сибирский царевич Кулук-Салтан напал на Пермь; 1531 г. – Пельмский князь напал на Чердынь; 1546 г. – ногайцы напали на строгановские вотчины; 1572 г. – вогульский князь Бехбелей Ахтанов напал на Чусовской городок, а следом за ним (в 1573 г.) то же самое сделал сибирский царевич Мамаеткул; 1581 г. – нападение Пельмского князя на вотчины Строгановых. И это только наиболее значимые конфликты. О других, не зафиксированных

летописями стычках, можно только предполагать, но едва ли приходится сомневаться в том, что их не было.

Конечно, все эти события можно трактовать как агрессию «безбожных агарян» против мирных русских хлебопашцев. Но если взглянуть на ситуацию глазами этих самых «агарян», то они стремились вернуть себе свои исконные охотничьи угодья с находящимися на них родовыми святилищами. То есть, налицо одна из форм культурного взаимодействия различных этносов, которую культурологи определяют как «насильственное навязывание культуры завоеванному народу – привитие элементов культуры адресантам без учета потребностей в них адресата» (Бенин, Уразметов, 2010, с.74). Рассмотренный исторический период в истории прикамских народов – наглядный тому пример. Правда, до крайней формы навязывания – ассимиляции, «когда происходит стирание собственной идентичности адресата в ходе взаимодействия с адресантом» дело не дошло: коми сохранили собственные языки, традиционные формы хозяйства и реликты этнического язычества, а ханты и манси вообще «отбились» от христианизации. Но произошло это благодаря и тому обстоятельству, что взаимодействие этнических культур (русской, финно-пермской и угорской) происходило в природно-климатических условиях, в которых православная религиозная культура – адресант оказывалась в положении адаптирующегося субъекта. Окончательно утвердиться здесь ей удалось только при поддержке центральной (имперской) власти.

Литература:

- Археология...*, 1997. – Археология Республики Коми. – М.:ДиК, 1997 – 758 с.
- Белавин и др.*, 2009. – Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века: Монография. – Уфа: Издательский дом БГПУ, 2009. – 285 с.
- Бенин, Уразметов*, 2010. – Бенин В.Л., Уразметов Т.З. Мифы и реальность этнокультурного пространства: монография. – Уфа: Вагант, 2010. – 128 с.
- Вострокнутов*, 2011. – Вострокнутов А.В. Археологические памятники бассейна Верхней Камы XI–XV вв. Опыт картографического исследования с применением климатических данных // Казанская наука. – 2011. – №8. – С.15–19.
- Голдина*, 1985. – Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск, 1985. – 280 с.
- Голдина*, 2012. – Голдина Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры (VI – начало IX в.н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. – Ижевск, 2012. – С. 203–285.
- Голдина, Кананин*, 1989. – Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск, 1989. – 213 с.
- Демкин, Демкина, эл. ресурс*. – Демкин В.А., Демкина Т.С. Археологическое почвоведение: новое направление в изучении древней и средневековой истории природы и общества // Археология восточноевропейской степи. – [Электронный ресурс]: Режим доступа www.sgu.ru/files/nodes/41059/05.pdf – 14.09.2011.
- Ермакова и др.*, 2013. – Ермакова Л.Н., Шкляев В.А., Шкляева Л.С. Современные изменения климатических и агрометеорологических характеристик в Пермском крае и возможные вариации продуктивности сельскохозяйственных культур // Вестник Удмуртского университета. – 2013. – Вып.2. Биология. Науки о Земле. – С. 104–116.

Крыласова, 2014. – Крыласова Н.Б. Начало «древнерусской колонизации» Прикамья и ее роль в появлении новой территории под именем «Пермь» // Тр. КАЭЭ. Вып. IX. 900 лет имени «Пермь»: от имени в летописи до губернского центра. – Пермь: ПГПУ, 2014. – С.28–39.

Лимеров, эл. ресурс. – Лимеров П. Религиозность народа коми: формирование религиозного фонда. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.artlad.ru/magazine/all/2008/1/179/187> – 14.11.2014.

Макаров, 2001. – Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун–т», 2001. – 141 с.

Миллер, 1776. – Миллер К.В. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, и прочих достопамятностей. Ч.1. О народах финского племени. – СПб., 1776. – 89 с.

Никитина, 1992. – Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.). По материалам могильников. – Йошкар-Ола, 1992. – 159 с.

Первухин, 1888. – Первухин Н. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз II-й. Идоложертвенный ритуал вотяков по его следам в рассказах стариков и в современных обрядах. – Вятка, 1888. – 139 с.

Попов, 2005. – Попов Н.С. Межконфессиональные отношения и этнокультурные процессы в марийских приходах Яранского уезда Вятской губернии в XVII – первой половине XIX века // Вопросы этносоциальной истории Марийского народа. Археология и этнография Марийского края. – Йошкар-Ола, 2005. – Вып.28. – С.126–152.

Савельева, Кленов, 1997. – Савельева Э.А., Кленов М.В. Древнерусская колонизация европейского Северо-Востока // Археология Республики Коми. – М.: «ДиК», 1997. – С. 651–691.

Сарапулов, 2014. – Сарапулов А.Н. Северный и южный варианты ломоватовско-родановской общности в контексте развития хозяйственно-культурного типа // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. IX. 900 лет имени «Пермь»: от имени в летописи до губернского центра. – Пермь: ПГПУ, 2014. – С.75–80.

Старые карты Перми и Пермского края. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.etomesto.ru/perm/> – 15.11.2014.

Шишонко, 1904. – Шишонко В.Н. Пермский летописец. Т.1 // Труды Пермской ученой архивной комиссии. – Пермь, 1904. – Т.8. – 239 с.

Шутова, 2001. – Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Опыт комплексного исследования. – Ижевск, 2001. – 302 с.

Моряхина К.В., Сарапулов А.Н.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

СЮЖЕТЫ О ЗЕМЛЕДЕЛИИ В ЛЕГЕНДАХ О ПЕРМСКОЙ ЧУДИ И ИХ СООТНОШЕНИЕ С АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ МАТЕРИАЛАМИ

Ключевые слова: земледелие, чудь, легенды, средневековье, Пермское Предуралье.

В статье представлен анализ соотношения сюжетов легенд и археологических данных о развитии земледелия в Пермском Предуралье. В легендах отражена информация о сельскохозяйственных культурах, орудиях труда, контактах с другими народами, которая подтверждается археологическими исследованиями средневековых городищ Пермского Предуралья.

Moriakhina K.V., Sarapulov A.N.

(Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm)

AGRICULTURAL PLOTS IN LEGENDS OF THE PERM CHUD AND THEIR RELATION TO THE ARCHAEOLOGICAL MATERIALS

Keywords: agriculture, Chud, legends, Middle Ages, Perm Cis-Urals

Analysis of the relations between legends and archaeological data of the development of agriculture in the Perm Cis-Urals is presented. Information about crops, tools, contacts with other peoples is reflected in the legends and confirmed by archaeological research of the medieval settlements of the Perm Cis-Urals.

Для народов, сохранивших мифологическое сознание, легенды являются отражением наиболее яркой значимой реальной действительности (Лосев, 1990, с.5). Поэтому народные предания и легенды можно рассматривать как исторический источник, но необходимо учитывать, что они носят субъективный характер, т.к. отражают миропонимание их носителей.

Легенды о чуди известны на широкой территории от Прибалтики до Алтая. Сюжеты легенд достаточно разнообразные: описание внешности чуди, исчезновение чуди, отношения чуди с другими народами, культурные герои, чудские клады, чудь как мифологическое. Но только в пермских вариантах легенд о чуди говорится о развитии земледелия (Оборин, 1974, с. 113).

На Иньве есть предание: «Чудь выращивала зерно. Зерно тогда по-другому росло: колосья с суставами, из каждого сустава колосья колосятся – на одном колоске множество зерен. Жали чуди шилами и долотами. Каждое растение роняли отдельно: вонзят в нижний сустав – оно и ломается. Затем перевязуют веревочкой сноп и волоком тащат по земле. Снопы обмолачивали скалкой и веретеном. Жать было тяжело. Поэтому какой-то один чуденин жал однажды, да устал, затем схватил куст колосьев в руки, хлестнет по колосьям и проклянет. Из колосьев все зерна осыпаются, только на верхушке один колос останется. С того времени и стало зерно только в одном колосе. Зерна вырастало мало, его хранили в холщевых голенищах, но хватало всем, и чуды жили хорошо» (Грибова, 1965, с.93).

Л.С. Грибова делает предположение на основе этой легенды, что в средневековье на территории современного Коми-Пермяцкого округа

выращивали просо (просо – многоколосое зерно). В легендах о чудском богатыре Кудым-Оше упоминается о том, что чудь также выращивала овес, рожь и ячмень. По археологическим данным на территории Пермского Предуралья известны находки зерен овса, ячменя и полбы на Осинском городище (первая половина I тыс. н. э.) (Оборин, 1956, с. 67). В слоях конца XI–XIII вв. значительно увеличивается количество находок зерна. М.В. Талицкий упоминал, что еще Теплоуховым на Кудымкарском городище найдены зерна злаков – пшеницы и ячменя. Большое количество злаков дали раскопки М.В. Талицкого на Родановом городище. На дне ям-кладовок и нередко на полах жилищ возле очагов собрано множество обугленных зерен пшеницы, ячменя, ржи, овса (Талицкий, 1951, с. 45). На Лаврятском городище найдены зерна ячменя и полбы (Оборин, 1956, с. 73). В пробах, собранных на городище Анюшкар В.А. Обориным, среди зерновых культур первое место занимал пленчатый ячмень, встречаются зерна полбы, ржи, проса и конопли (определение А.В. Кирьянова и А.Н. Пономаревой) (Оборин, 1999, с. 278). В пробе из зерновой ямы-кладовки Анюшкара (раскопки Г.Т. Ленц) 92% составляют зерна ржи, 5,1% – гороха посевного и в незначительных количествах содержатся ячмень обыкновенный, ячмень бутылковидный, пшеница мягкая и овес посевной (определение В.В. Туганаева). Четыре пробы с Рождественского городища (раскопки А.М. Белавина) показали, что здесь преобладали ячмень обыкновенный (34,4%), овес посевной (23,6%), полба-двузернянка (22,1%) и мягкая пшеница (18,5%), ржи встречено относительно немного (1,4%) (определение В.В. Туганаева) (Крыласова, 2007, с. 15).

Таким образом, состав зерна, упоминаемый в легендах, подтверждается и археологическими данными.

Существует легенда, по которой зерно привез на пермскую землю Кудым-Ош (Ожегова, 1971, с. 33). В данном случае образ Кудым-Оша послужил для коми-пермяков основой для отражения истории своего народа через деятельность выдающейся личности, для наивного миропонимания характерна «склонность приписывать всякое или важное значимое изобретение личности как творцу его» (Вундт, 2001, с. 37). В предании рассказывается, что приплыл Кудым-Ош однажды в устье Волги (*по-видимому, в Волжскую Болгарию – К.М., А.С.*), его там стали хлебом угощать: «Ешь, дескать, это нянь, нянь (хлеб)», а он боится, не еда это, дескать. Потом откусил немного и спрашивает: «Чье это мясо, какого зверя?», а ему: «Не мясо это, а нянь, нянь!». И показали ему, как он растет и как получается из зерна. Тогда попросил воевода семян взамен на шубу, ему разрешили взять, сколько надо. Взял он колосьев ржи, так как она была густая и высокая. Взял и овес – очень кустистый он был. Ячмень еще взял. А пшеница плохая была, не взял ее (Ожегова, 1971, с. 34).

Стоит отметить, что жители Пермского Предуралья с X в. находились в тесном контакте с населением Волжской Болгарии, от которого заимствовали многие явления культуры, в том числе, вероятно, некоторые виды злаковых культур. Как показывают исследования специалистов, на территории Волжской Болгарии обнаружено 15 видов культурных растений (пшеница мягкая, просо, полба, пшеница твердая, рожь, овес, ячмень, горох, гречиха, лен и пр.).

Просо, которого раньше в Пермском Предуралье не было, несомненно, появилось здесь с булгарами, как, возможно, горох и конопля. Специалистами отмечается значительное количество проса на болгарских памятниках, причем его семена присутствуют как в чистом виде, так и среди других культур, по-видимому, в X–XIII вв. просо не только возделывалось, но и засоряло посеvy. Просо в лесостепных областях издревле возделывается на вновь вспаханных

целинных и залежных землях, где оно, благодаря благоприятным условиям произрастания, дает высокие урожаи (Фролова, 1979, с. 140). Вероятно, именно эта особенность способствовала распространению данной культуры в Прикамье, когда здесь появилось пашенное земледелие, и начали активно осваиваться новые пашни.

Также в большом количестве в Волжской Болгарии встречаются зерна полбы, которая возделывалась на территории бывшего Булгарского государства в течение многих столетий. Зерна овса в основном принадлежат полбяным овсам, которые сопутствуют посевам полбы, как засорители ее посевов (Фролова, 1979, с. 140). То есть, действительно приходится говорить о том, что некоторые виды злаковых культур попали на территорию Пермского Предуралья с булгарами.

Существует и другой вариант легенды, по которому Кудым-Ош привез зерно с территории Руси. Действительно, развитие земледелия у предков коми-пермяков происходило под влиянием двух земледельческих центров – Древней Руси (южнорусских земель) и Волжской Болгарии. Это подтверждается не только заимствованиями в составе зерна, но и в целом влиянием этих государств на переход к пашенному земледелию на территории Пермского Предуралья в конце XI–XII вв. (Сарапулов, 2015).

Легенды сообщают нам и о земледельческих орудиях чуди: деревянными шильями и долотами жали стебли (Ожегова, 1971, с. 39). Мы знаем, что традиционными орудиями для жатвы являются серпы. Р.Д. Голдина и В.А. Оборин в обобщающих работах по эпохе средневековья упоминают, что для уборки урожая широко использовались железные серпы (Голдина, 1985, с. 146; Бадер, Оборин, 1958, с. 191), однако это утверждение не вполне обосновано. Эти орудия встречаются на памятниках Среднего и Верхнего Прикамья в единичных экземплярах, а широкое их распространение начинается, скорее всего, лишь с проникновением русского населения. Например, на таком крупном археологическом объекте, как Рождественское городище на р. Обве, где найдены ральники, жернова, встречен всего один обломок серпа (Сарапулов, 2013, с. 133–134). А на территории Волжской Болгарии наоборот, серпов найдено в количестве 117 экземпляров (Марданшина, 2008, с. 76), на памятниках именьковской культуры – 68 экземпляров (Вязов, 2011, с. 98). На изучаемой территории нам известно всего 9 местонахождений серпов и их обломков с 12 железными серпами и их обломками. Г.Н. Чагин в своей книге о язьвинских коми-пермяках пишет, что Ф.А. Антипина, 1920 г. рожд., из с. Егорово рассказывала: «От бабушки слышала, что на горе, возле устья Сюйба (приток Язьвы) жил чудской народ... Ростом были маленькие, одежду носили лохматую. Работали только топором и куштаном... Не знали серпов. Рожь подтыкали шилом и ломали стебли...» (Чагин, 1993).

Таким образом, железные жатвенные орудия представлены на памятниках Среднего и Верхнего Прикамья в единичных экземплярах, широкое распространение они получают, скорее всего, лишь с проникновением русского населения. Какой вид орудий в действительности применялся для уборки урожая, и что подразумевали коми-пермяки под «деревянным шилом» для подламывания стеблей злаков, пока остается загадкой. Можно предположить, что это было какое-то деревянное орудие, не имеющее этнографических аналогов.

Отдельный сюжет занимает знакомство чуди с серпом. Серпом чудь никогда не пользовалась, и даже не знала о нем. В легендах упоминается о том, как чудь впервые нашла серп. «Однажды чудские нашли серп и недоумевают: что за штука такая – кривая с зубьями». Этим серпом чудь себя погубила. Она перерезала себе случайно серпом горло (Парма, 2009, с. 27). В других легендах чуди повезли серп

выкидывать на лапote к речному омуту, чтобы избавиться от него. Он, падая, зацепился зубьями за опорку и перевернул лапоть. Чудь плавать не умела и утонула (Парма, 2009, с. 27).

Л.С. Грибова справедливо отмечала, что сюжет смерти чуди от серпа образно показывает замену («смерть») старых форм хозяйствования. Но в тоже время отражает трудности освоения земледелия (Грибова, 1965, с. 94).

В легендах также имеется информация о том, что землю обрабатывали деревянными оральниками (Оборин, 1974, с. 113) и ральниками (Грибова, 1991). Действительно, в конце XI – начале XII вв. на территории Пермского Предуралья распространяются деревянные рала с железными наконечниками – ральниками. Рала были с горизонтальным или близким к горизонтальному положением полоза. Они вышли из употребления с проникновением в край русского населения, когда широкое распространение получают более удобные для обработки местных почв различные виды сох (Сарапулов, 2015).

Таким образом, легенды пермской чуди о земледелии имеют свое прямое подтверждение в средневековых археологических материалах Пермского Предуралья. То, что тема земледельческого хозяйства занимает в легендах о пермской чуди большое значение, свидетельствуют о преобладании земледелия над другими формами хозяйства.

Литература и источники:

Бадер, Оборин, 1958. – Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. – Пермь: Перм. кн. изд-во, 1958. – 244 с.

Вундт, 2001. – Вундт В. Проблемы психологии народов. – СПб.: Питер, 2001. – 160 с.

Вязов, 2011. – Вязов, Л.Д. Социально-экономическое развитие населения Среднего Поволжья в середине I тысячелетия н.э. (по материалам именьковской культуры): дис. ... канд.ист. наук. – Казань, 2011. – 258 с.

Голдина, 1985. – Голдина, Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск.: Изд-во Иркутск. ун-та, 1985. – 279 с.

Грибова, 1965. – Грибова Л.С. Иньвенское предание о чуди // Литературно-художественный сборник «Иньва». – Кудымкар, 1965. – С. 92-94.

Грибова, 1991. – Грибова Л.С. Чудь по коми-пермяцким верованиям и преданиям: этнографический материал, собранный в Пермской области, 1991 // Архив КНЦ УрО РАН. Ф 11. Оп. 1. Д. 54.

Крыласова, 2007. – Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. – Пермь: ПГПУ. – 352 с.

Лосев, 1990. – Лосев А. Ф. Диалектика мифа. – М.: Правда, 1990. – 656 с.

Марданшина, 2008. – Марданшина Е.М. Земледельческие орудия волжских булгар X–XIV вв. (к проблеме своеобразия земледелия): дис. ... канд.ист. наук. – Казань, 2008. – 171 с.

Оборин, 1956. – Оборин В.А. К истории земледелия у древних коми-пермяков // СЭ. – 1956. – № 2. – С. 66-75.

Оборин, 1974. – Оборин В.А. Соотношение легенд о чуди с коми-пермяцкими преданиями и их историческая основа // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Вып. 1. – Пермь: Перм. пед. ин-т, 1974. – 107-120 с.

Оборин, 1999. – Оборин В.А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. – С.255–298.

- Ожегова, 1971.* – Ожегова М.Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Перебогатыре. – Пермь, 1971. – 132 с.
- Парма, 2009.* – Парма – земля чуди: правда и мифы / под ред. Г. Н. Чагина. – Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2009. – 143 с.
- Сарапулов, 2013.* – Сарапулов А.Н. Средневековые жатвенные орудия Среднего и Верхнего Прикамья // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». – Сыктывкар, 2013. – С.133–134.
- Сарапулов, 2015.* – Сарапулов А.Н. Земледелие средневекового населения Пермского Предуралья по археологическим данным. – Пермь: ПГГПУ, 2015. – с.
- Талицкий, 1951.* – Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X-XIV вв. // МИА. – № 22. – М.-Л., 1951. – С.33-96.
- Фролова, 1979.* – Фролова В.И. Новые материалы к характеристике культурных и сорных растений болгарских полей в окрестностях Биляра // Новое в археологии Поволжья. Археологическое изучение центра Билярского городища – Казань, 1979. – С.139–141.
- Чагин, 1993.* – Чагин Г.Н. Язьвинские пермяки: история и традиция. – Пермь: Пермский областной творческий центр, 1993. – 26 с.

Список сокращений:

АН СССР – Академия наук Союза советских социалистических республик
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
БКИЧП – Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода.
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВДИ – Вестник древней истории
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
КА ПГПУ – Кабинет археологии Пермского государственного педагогического университета
КА ПГУ – Кабинет археологии Пермского государственного университета
КАЭ ПГУ – Камская археологическая экспедиция ПГУ
КАЭЭ ПГГПУ – Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГГПУ
КНЦ – Коми научный центр
КСИА – Краткие сообщения о полевых исследованиях Института археологии АН СССР (РАН)
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
М.-Л. – Москва – Ленинград.
МАР – Материалы по археологии России
МарГУ – Марийский государственный университет
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НМРТ – Национальный музей республики Татарстан
ПВЛ – Повесть временных лет
ПГПУ (ПГГПУ) – Пермский государственный педагогический университет, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПГУ (ПГНИУ) – Пермский государственный университет, Пермский государственный национально-исследовательский университет
ПКМ – Пермский краевой музей
ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей
РА – Российская археология.
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
СКМ – Соликамский краеведческий музей
СПб. – Санкт-Петербург.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СЭ – Советская этнография
ТКИЧП – Труды комиссии по изучению четвертичного периода.
ТПУАК – Труды Пермской ученой архивной комиссии.
УДИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский Институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета.
УрГУ – Уральский государственный университет
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук

Содержание:

Калинина И.В. О ЛЕВШИНСКОМ ЭТАПЕ КАМСКОГО НЕОЛИТА	4 -
Мельничук А.Ф., Вильданов Р.Ф., Голдобин А.В., Головчанский Г.П. ИСТОКИ ВОСТОЧНО - РИМСКОЙ УТВАРИ И МОНЕТНОГО МАТЕРИАЛА НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКАХ АРХЕОЛОГИИ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ	21 -
Белавин А.М. ЗНАКИ РЮРИКОВИЧЕЙ ИЗ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ ...	36 -
Шмуратко Д.В., Брюхова Н.Г. МИТИНСКАЯ КУРГАННАЯ ГРУППА: РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (РАСКОПКИ 2014 ГОДА) ...	43 -
Подосенова Ю.А. РЕНТГЕНО-ФЛУОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА МИТИНСКОГО МОГИЛЬНИКА ЛОМОВАТОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ	61 -
Данич А.В. КЛАССИФИКАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТОПОРОВ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ	68 -
Крыласова Н.Б. ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПЕЧЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩ КАРАГАЙСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОГО КРАЯ)	122 -
Иванова М.Г., Модин Р.Н. КУШМАНСКОЕ ГОРОДИЩЕ УЧКАКАР X–XIII ВВ.: МАТЕРИАЛЫ ВНЕШНЕЙ ЧАСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ*	135 -
Маврина Е.А. ОСОБЕННОСТИ ОРНАМЕНТАЦИИ КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ	149 -
Моряхина К.В. ПЕРСТНИ-«КОЛПАЧКИ» С ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ	160 -
Вострокнутов А.В. ПОДВЕСКИ С ПРЯМОУГОЛЬНОЙ ОСНОВОЙ И ЯКОРЬКОВЫЕ ПОДВЕСКИ КАК РОДСТВЕННЫЕ ГРУППЫ УКРАШЕНИЙ РОДАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ	165 -
Иванов В.А. ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛИВШИЕ УСТОЙЧИВОСТЬ ЯЗЫЧЕСТВА В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ ПРИКАМСКИХ ФИННО-ПЕРМЯКОВ И УГРОВ	182 -
Моряхина К.В., Сарапулов А.Н. СЮЖЕТЫ О ЗЕМЛЕДЕЛИИ В ЛЕГЕНДАХ О ПЕРМСКОЙ ЧУДИ И ИХ СООТНОШЕНИЕ С АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ МАТЕРИАЛАМИ	189 -